

ISSN 0869-3129

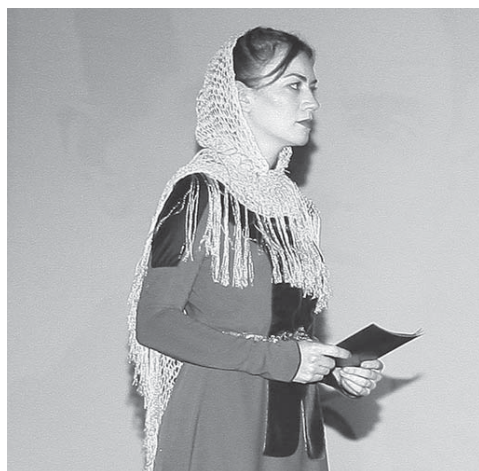

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

6. 2020

В Кабардино-Балкарии отметили 120-летие со дня рождения
классика кабардинской литературы Али Шогенцукова
10–11 ноября 2020 г.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

6. 2020 НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

НЕПРИКАЯННОЕ ЭХО
(К 70-летию со дня рождения П. Хатуева)

П. М. Хатуев

Он искал свою рассветную песню в таежных дебрях суровой Сибири, а находил банальную прозу лесных обитателей за околицей Осинников. Сызмальства он ведал, что белки собирают орешки не для русалок; что дятел своей дробной стукотней не «царевича оповещает», а попросту выколупывает насекомых на пропитание.

Мальчуганом он бредил по мещанскому уюту, некогда мелькнувшему за резными ставнями сердобольной учительницы, но, увы, оставаясь презренным пасынком зэка, довольствовался бивачной долей. Однажды его продавали, потом выкупали об-

ратно. А обратная дорога его родителя в родной Нартан навеки увезла мальчика от матери, женщины на редкость трагической судьбы...

Член Союза писателей и Союза журналистов России Петр Мацулович Хатуев родился в 1950-м году (да простит меня коллега-публицист!) отнюдь не в селении Нартан, а в самом что ни на есть таежном захолустье Кемеровской области, идилически именуемом «Осинники».

Дитя ссыльных каторжан Мацулы Хатуева (уроженца КБАССР) и Евдокии Романовой (петербурженки, по известной причине скрывшейся под фамилией *Кошкиных*), недолго был согриваем теплом родительского лада. Супругам пришлось расстаться. Четырехлетний Петя сполна хлебнул участи бездомства. Жили впроголодь. Маялись. Ютились. В поисках лучшей доли несчастная Евдокия из Кемеровской области перебралась в Казахстан, куда уже был переслан бывший супруг – Хатуев. Здесь, в пригороде Овражек, мальчик по-прежнему влачит бремя – недетского по тяжести – выживания: бывшие супруги никак не договорятся «с кем оставаться Пете...». К тому времени Мацула успел вступить во второй брак, и он настоятельно требует сына к себе. Евдокия же запрещает сыну общение с родителем. Дальше – хуже. Семилетний мальчик зарабатывает на постную похлебку: торгует питьевой водой на базарной площади городка, выручая полушку за ковшик.

Петя Кошкин, или, как ловко нарекли его сверстники, «Черная кошка», не подался в классические беспризорники – исключительно благодаря воле Провидения и доброму участию молодой учительницы. Впрочем, обо всем по порядку.

Юный босоногий библиофил с непроходимыми фингалами на загорелых скулах питал жадную страсть к чтению. Учительница русского языка и литературы (из ссыльных), вероятно, сумела разглядеть в школяре редкую усидчивость и беспримерное упорство. Как бы там ни было, мальчик еженощно корпел над затрепанными книжками А. Барто и К. Чуковского с учительских полок, словно выискивал спасительные яхонты в междустрочьях С. Маршака, нередко и по-настоящему уносился в пушкинское лукоморье, а оттуда до милых сердцу лесных причуд М. Пришвина и рукой подать!

Петру еще не исполнилось девяти лет, когда его краткие публикации стали появляться в выпусках школьных стенгазет в Овражках (Казахстан).

Бесспорно, книги просветляли и врачевали душу необласканного человечка, пробуждая в нем наилучшие помыслы. Сердце, не успевшее зачерстветь от жестокости мироустройства, распахиваясь, наполнилось тихим светом прощения и надежд.

Довольно рано Петя Кошкин постиг свою азбучную истину: после воздуха, воды и краюхи хлеба ему насущно необходим и непрерывный диалог с полюбившимися авторами.

Неторопливое время засвидетельствовало, что никакие земные лишения не способны вытравить живое семя человеческой мысли, если оно озарено сполохами познания. В Овражках юный Кошкин мыслил, говорил, читал и печатался на языке матери, на русском... Кстати, тогда же он бегло лопотал и по-казахски (ему нередко доверяли обязанности толмача в школьных хлопковых экспедициях).

Пройдут годы. Улягутся споры вокруг сыновней опеки, и Мацула сумеет отстоять мальчика за определенную мзду. Петра, теперь (по метрике) Хатуева, навсегда увезут в КБАССР, где ему – с легкой руки мэтра адыгской советской поэзии Адама Огурлиевича Шогенцукова – суждено стать любимым поэтом детей.

Автор сборников «Цветные сны», «Кузнечик», «Жаворонок», «Листопад», «Осенний блюз», «Корабли надежд», «Золотая чаша Зауркана» является и автором многочисленных публикаций в периодической печати. Петр Хатуев – выпускник культурно-просветительного училища г. Нальчика; выпускник Северо-Кавказской академии государственной службы (факультет «Государственное и муниципальное управление», отделение журналистики).

Ныне он хорошо известен широкой взрослой и детской аудитории. Юный читатель, безусловно, предан и благодарен: ведь детское вос-

приятие безошибочно и просто: оно напрочь лишено елейного лоска и хрестоматийных бравад. Оно свежо и лучезарно. Объективности ради следует отметить, что творения Петра Хатуева полны добра и света. Он, будучи родом из детства, не понаслышке знает язык зверей и птиц; чует мелодию говорливой речки и красноречивую немоту лесной опушки. В его стихах ликует пестрая радуга из далекого детства.

В 1997 году П. М. Хатуев стал лауреатом республиканской премии «Лучший журналист года». В 2003-м, в рамках «Недели детской книги», за поэтический сборник «Жаворонок» он удостоен премии «Лучший детский писатель года».

Произведения П. М. Хатуева состоят не только в обязательной школьной программе, они включены и в вузовские.

Наш юбиляр успешен не только в жанрах прозы, поэзии, эссе, афоризма, много времени он уделяет переводам.

По зрелости лет Петра Мацуловича все чаще стала одолевать щемящая тоска по непрожитому (по тому далекому) детству. По правде говоря, у маленького скитальца из таежных кедровников и детства-то не было...

Не потому ли его так невыразимо тревожат птицы и звери, обитающие под открытым небом? Не оттого ли он столь часто устремляется в поиски той неспетой, той таежной песни? Кто ведает про подобное состояние непритупляющейся боли поэта по всему живому? Страдание ли это человеческое, или *сострадание* человеку? А каким образом можно объяснить давнишнее тяготение Петра Хатуева к *танка* (короткая песня), жанру японской поэзии. Здесь посредством нерифмованного пятистишия, состоящего из 31 слога (5+7+5+7+7) поэт пытается передать нечто доселе невысказанное. И передает же! Танка есть образец поэтического изящества и лаконичности. Стоит ли говорить о том, что на родном языке матери Хатуев звучит весьма оригинально...

Кудесник из детства, он и сегодня блуждает по лесам и долам в час, когда летние росы лишают сна неких беспокойных; когда в звенящей синеве апрельского неба гулко отзывается томное эхо отошедших таежных будней; когда багрянец осени отдает песчаной желтизной степного зноя Казахстана.

У каждого возраста свой взгляд на детство. Так и хочется снова заглянуть в то зазеркалье чутким взором нынешнего юбиляра! Так и чудится ни с чем не сравнимый привкус румяной, сытной сибирской шаньги за белой изгородью промерзшей хвои...

Пожелаем же Петру Хатуеву – заядлому грибнику, рыбаку и скромному завсегдатаю лесных сторожек – звонкого щибета, щедрого клёва и... Времени! Будьте долго и всегда во вдохновении, Петр Мацулович!

МГНОВЕНЬЕМ КАЖДЫМ НАСЛАЖДАЯСЬ...

В жизни часто случаются особые мгновения, которые не повторяются дважды. Я с любовью вспоминаю эти моменты, даже если они окрашены горечью. Мне не хочется, чтобы эти минуты, мои ощущения и впечатления остались незамеченными, канули в вечность.

Я мучительно долго искал, как выразить эти мои чувства чётко и кратко и в то же время поэтично, и в этом мне помогла Япония. Помогла своей богатой многогранной жанровой поэзией. Временно отбросив всю систему нашего классического (силлабо-тонического) стихосложения, в последние годы я начал писать хокку (хайку), танка, бусоку-секитай, а также вне канонов, строго не придерживаясь правил трех предыдущих жанров.

Мне будет очень приятно, если эти стихи кому-то понравятся – их поймут, и тем самым поймут мою душу.

ТАНКА

***

Незабудками
лесной ручей обласкан –
глянь-ка, из воды
синие глазки глядят,
околдовать хотят нас...

***

Замела метель
тропинку к её сердцу,
не видать ни зги –
в прошлое ушла любовь,
как вовсе не бывала...

***

Ветер осенний
всё не угомонится –
терзает рощу...
Пышет калина огнем –
вот-вот всё запылает...

***

В лунную ночь,
глядя в звездное небо,
вспомнил, как в детстве
днём спускался в колодезь –
звезды оттуда видать...

***

Снова и снова,
о, ландыш белоснежный,
маленький звонарь,
ты освежил всю рощу,
душу мою озарил!..

***

На гребне волны –
на маленькой досточке –
проходит вся жизнь,
одна неосторожность –
и тебя накрывает...

***

Не хочется спать,
выхожу из шалаша,
дурманит запах
цветов и трав полевых –
дивная лунная ночь...

***

То ухнет сова,
то рыба всплеснет в пруду,
то хор лягушек –
в лунную ночь в шалаше
слышу ночные звуки...

***

Яркий Млечный путь,
уходящий в бесконечность,
не даёт заснуть –
фантазии в шалаше
в чудную звездную ночь...

***

Славные нарты
жили вот в эти лесах...
И амазонки...
Видели эту луну –
и у костра мечтали...

***

Тишь и благодать
на этом старом пруду –
молчат лягушки...
Хлопнул в ладоши –
вдруг отозвалась одна...

***

С цветка на цветок –
в поиске пчёлка весь день –
не так-то просто...
Вот так и я летаю –
ищу нектар для души...

***

Потемнел ручей,
повеяло прохладой,
умолкли птицы...
Пора мне идти домой –
в рощу заползает мрак...

***

Южные ночи –
теплый песок золотой
ниспослан двоим...
Море притихло на миг –
Слышно, как стучат сердца...

***

Птиц перелетных
в небе уже не видать –
сирые гнёзда...
Скоро вот выпадет снег
и лес засеребрится...

***

День листопада –
нежность и печаль в душе –
цветная гамма...
Звенит горечь бытия –
извечная сюита...

***

В рощице правит
царица Шамахана –
волшебство творит...
Звучит осенний вальсок
«Горечь бытия и я»...

***

Белые нити
на тропках рассыпались,
исчезли ткачи,
похолодало в лесу –
ветер гуляет всюду...

***

Полил летний дождь,
народ бежит кто куда –
мужик подшофе
во весь дух орет песню:
«Шумел камыш, деревья...»

***

Низко склонились
ветви плакучей ивы –
словно метёлки –
и когда дует ветер,
вкруг себя подметают...

***

Знаю, скворушка,
ты поёшь не для меня,
всё же приятно...
Ведь поёшь в саду моём –
даришь вдохновение...

***

В поле ромашки
закружили хоровод –
издали видать
бело-желтые венки
на головах девичьих...

***

Осенний туман
к обеду рассеялся,
и вот я один
в роще сосновой стою
среди ядреных маслят...

***

В теснине, там, где
Чегема водопады,
верблюда держат
просто так – для забавы,
а ему снятся пески...

***

Жарится шашлык –
запах дыма голову
сносит, но всё же
ночной фиалки нежный
аромат чую душой...

***

В одиночестве
осенний клён пылает –
среди зелёных,
горит на всю округу –
как бы весь лес не спалил...

***

Осенний ветер,
что ж ты так ненавидешь
такую красу?
Соберу листья клёна
и до весны сохраню...

***

Унылая степь
сразу преобразилась –
ослепительный
серебристый снег пошёл,
заметая в памяти серость...

***

Высоко в горах
расцвели эдельвейсы,
символы любви...
Как же до них добраться?
Годы уже не те...

***

Тучи чёрные,
летите мимо поля,
сегодня весь день
мне будут петь давние
мои друзья – цикады...

ХОККУ

***

Издали видать –
слегка побелела степь –
ромашки в цвету...

***

Иду по парку,
вдоль аллеи цветники –
голова кругом...

***

Свечи каштана,
как белые ёлочки,
в душе светятся.

***

Дух людской вобрав,
куда не глянь, сурепка
цветет надменно...

***

Стройный кипарис
шумит не умолкая –
ветер в голове...

***

Тревожно крича,
низко летают стрижи –
чёрные тучи...

***

Всем назло растёт
под забором крапива –
стойкая душа.

***

Быстро вырос внук,
незаметно как-то он
с колен спустился.

***

В лесу тут и там
серебряные нити –
паук не дремлет.

***

Вчера на лугу
одуванчики цвели –
ныне летает пух...

***

Сегодня опять
навестил сосновый бор –
весь пропах хвоей...

***

Крыльцо обвила
виноградная лоза –
в доме Вакха дух.

***

Столетний тополь
о чем-то громко поёт,
аж ветки летят...

***

По свежей пашне
важно вышагивает ворон –
будто учётчик...

***

Поле, ночь, шалаш –
блаженство-то какое –
конкурсы цикад...

***

Тёплое поле
цветами хороводит –
танцы босиком...

БУСОКУ-СЕКИТАИ
(Душа природы – душа человека)

***

В стихах
Изыск и заумь
не тронут мою душу –
честность в простоте –
багряный и золотой
клён и ясень мне поют
о смысле жизни ясней...

Приэльбрусье

Дары сентября –
белые грибы... И вдруг
рододендроны!
Ну что же, будем пить чай –
вспоминая благодать –
полечим дух и сердце.

Поздняя осень

Осень в печали –
лёт на землю тусклый свет –
листья опали,
птицы не поют, бродит
тоска по сирой роще –
грёзы на ум уж нейдут...

***

Можно подумать,
угождая влюблённым,
осенний ветер
гонит сонное солнце –
ныне короткие дни,
долог час до рассвета...

***

Поднялся на холм –
внизу синей ленточкой
бурная Малка,
извиваясь, держит взгляд –
вот сейчас вдохну воздух,
вскину руки – полечу...

***

В роще нежный звон –
приобрела березка
осенний наряд
и струится янтарем –
золотые сережки
колышутся на ветру...

***

Не пытайся, брат,
столетнего старика
чем-то удивить –
он прекрасно знает сам,
чем закончится пьеса
под названьем «Эта жизнь».

Унылый пейзаж на платном озере

Зря засиделся –
к вечеру клёв перестал –
в думах печальных
чернеет озера глаз,
сторожа домик вдали
сумрак осенний укрыл...

***

Студёным утром
может петь лишь гордая,
стойкая птица –
через лазурный хрусталь
лесного царства слышу
многоголосье синиц...

***

В саду осеннем
облетит листва вот-вот,
но присохший лист
будет противостоять
ветрам и снегам до весны,
напоминая о прошлом...

***

Людмиле В.

А помнишь ли ты
наш абрикосовый сад
в лунную ночку?
Мы выбрали две звезды –
из Медведицы Большой –
глянь, они неразлучны...

***

Плывет в тумане
серебристом и сыром
луна немая –
трудно вести беседу
одинокому старцу –
скучный звучит монолог...

ВНЕ КАНОНОВ

Хвойная ванна

Майским теплым днем
липкою смолой в бору
плакала сосна
на мои плечи и грудь –
вот и благоухаю
хвойным ароматом так,
будто вышел из ванны...

***

Упала с высот
небесная синева,
инеем легла
на деревья и травы,
на дома и дороги...
Заиндевели души –
вот уже двадцать веков...

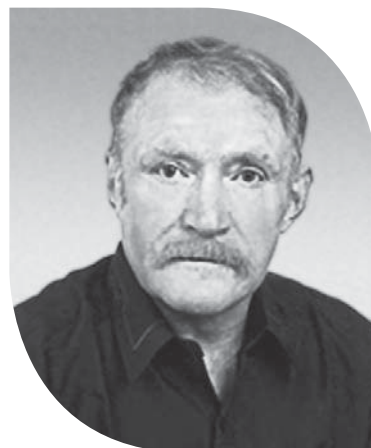
Ливню

Зачем так сильно
бить садовые цветы
и валять в грязи?
Зачем спешишь ты, ливень,
покинуть это небо,
нельзя пролиться тихо
тёплым летним дождиком?

***

Густым бурьяном
позарастили стежки-
дорожки в лесу,
где в юности я ходил,
но в памяти остались,
и то доброе время
мне не забыть никогда...

Али БАЙЗУЛЛА

От переводчика

Первый же маленький сборник стихотворений Али Байзуллаева (литературный псевдоним – Али Байзулла) «Къаяла» («Скалы»), вышедший в 1971 году, показал, что в балкарскую литературу пришел поэт с «лица необычим выраженьем». Читателям пришлось по душе его искренность, поэтическая смелость, отсутствие назидательности.

После окончания Литературного института им. М. Горького Али работал в тырныаузской городской газете, в республиканской газете «Коммунизмге жол», в редакции студии телевидения, в редакции детского журнала «Нюр».

Писал Али не только на балкарском, два стихотворных сборника – «Ворованный воздух» и «Зеркала» – написаны на русском языке.

Проза в творчестве Байзуллы занимает не такое большое место, но рассказы его оригинальны и свежи, как и стихотворения.

ЧЕРНАЯ КОРОВА

1

Полдень. Корова, которую я пасу, лежит в тени развесистого вяза. Я сижу рядом, соскребаю с ее спины свалывшуюся шерсть и скатываю из нее мячик. Он уже размером с мой кулак и твердый, как камень. Этому научил меня наш сосед Салимгерий. Я называю его Старик. Мячик я отдам своей пятилетней сестренке. Она очень обрадуется. Наша мать целыми днями горбится на свекольном поле, и мы ее почти не видим. Она приходит, когда мы уже спим, и уходит до того, как мы проснемся. Соня скучает по ней и часто начинает плакать:

– К маме хочу-у-у-у!

– Тебе нельзя туда ходить.

– Я соскучилась, хочу к маме!

– Замолчи, а то побью! – угрожаю я, когда она совсем надоест.

Соня утирает слезы, бежит к Бабушке и стоит, держась за ее подол. Но Бабушке тоже не хочется слушать ее хныканье.

– Не плачь, доченька. А то придет Маму¹ и заберет тебя. Что тогда мы скажем твоей матери? Иди ко мне, я тебе песенку спою.

¹ Маму – волк (табуир.).

– Да, давай песенку, – радуется Соня и устраивается на коленях у Бабушки.

Бабушка поет, а мы внимательно слушаем. Во дворе весна, и кипень цветущей черемухи напоминает пену в ведре с только что надоенным молоком.

Мои размышления прервал Старик. Он подошел к корове и, ударив палкой, заставил ее встать.

– Зачем ты ее бьешь?

– Она должна пастись, а не лежать. Никакого толку от тебя... А моя проклятая скотина вообще меня в могилу сведет...

Старик пасет свою черную корову. Она у него очень большая, и дает много молока, целое ведро за один раз. А доить ее надо три раза в день. Вот и сейчас Пашахан, жена Старика, доит ее на берегу ручья. Хотя, по правде говоря, Старик зря жалуется, по большей части его корову тоже пасу я.

Старик заметил мячик у меня в руках. Я хотел его спрятать, но было поздно.

– Ну-ка, дай посмотрю, что у тебя получилось... Твой вчерашний мячик эта шалунья опять потеряла. А теперь плачет, новый хочет...

Он отобрал у меня уже целых четыре мячика.

– Не дам! Ты не вернешь.

– Я уже нашел отличную дощечку, кинжал тебе из нее сделаю... Дай посмотреть.

Я хотел отбежать, но не успел, Старик схватил меня за рубашку, отобрал мячик, да еще и подзатыльник дал.

– Лишь бы эта дуреха не плакала... А ты себе еще скатаешь...

– Я его для Сони скатал. Отдай мой мячик. А кинжал ты мне уже целый месяц обещаешь.

– Собачий сын! Заладил «отдай-отдай». Какая разница, у кого он будет, они всегда вместе играют.

– Ваша Шерипа нехорошая девочка, она никому ничего не дает. Сама играет со своими игрушками.

– И правильно делает. Отстань, не надоедай мне, не то прогоню отсюда и тебя и твою корову.

2

Солнце припекает все больше. Я иду к мусульманскому кладбищу возле речушки Мерке. Там в выемке каменной ограды лежит мешочек с дустом. Я спрятал его под рубашку, чтобы Старик не увидел, и вернулся назад. Пашахан уже подоила корову и стояла возле ведра с молоком, ожидая меня. Она протянула мне сверток.

– На, возьми, это тебе Хурайма передала. Поешь.

Она ушла, а Старик присел рядом со мной по-казахски, положив свои руки с выступающими венами на колени. Из-под его папахи струился пот.

– Почему ты ходишь в папахе? У тебя же войлочная шляпа есть...

– Да, завтра так и сделаю... А-а, появилась, пропади она пропадом!

Я не понял.

– Что ты сказал?

– Идет, говорю, эта мерзавка.

– Кто такая?

– Сейчас увидишь.

К нам подошла женщина в черном платке. Лицо ее было сплошь покрыто морщинами, а глубоко посаженные глаза были полны злобы. Я знал ее, это была Забида. Больше всего на свете она любила скандалы. Прямо под подбородком у нее выступала большая шишка, и мне казалось, это от того, что она постоянно кричит.

– Слушай, Салимгерий, – начала она, – ты, оказывается, совсем совесть потерял. Зачем ты сломал рог нашей телушке? Да, она забралась в ваш огород, но разве нельзя было ее просто выгнать?

Старик молчал, будто не слышал ее.

– Говорят, Хураймы телка тоже там была, но ты ее даже хворостинкой не ударил...

Старик молчал.

– Совсем уже озверел! Но ты не думай, что это сойдет тебе с рук. Я коменданту пожалуюсь. Уж он-то тебя поставит на место!

Ни слова не говоря, Старик достал из ножен небольшой клинок и начал строгать хворостину. Так он делал, когда не хотел показать, что злится.

– Что с тобой сегодня случилось, язык проглотил? – все больше распалялась Забида.

– Старик никогда не спорит с женщинами, – сказал я.

– А ты заткнись, щенок! Тебя это не касается!

– Касается! И ты на меня не кричи. А то я всю твою грядку с луком вытопчу.

Забида пропустила мои слова мимо ушей и опять набросилась на Старика.

– И тебя, и твоего сына-брага давно уже надо сослать в Сибирь. Ты еще больший браг, чем твой сын. Браг народа!

– Ты даже не можешь правильно сказать слово «враг». Не умеешь говорить по-русски, так не говори! – сказал я и посмотрел на Старика. Его загорелое лицо было сейчас какого-то желтого цвета. Он нервно дернул рукой, перерубил хворостину и, отбросив ее в

сторону, взял другую. Хворостин у него много, время от времени он плетет из них корзины.

– А еще балшебиком себя называл! Нашелся мне балшебик! Разве балшебик будет ругать власть?

Рука старика опять дернулась. На этот раз он поранил себе большой палец. Положив ножик на траву, он вытащил из кармана старую тряпицу.

– Так тебе и нужно! – с удовлетворением сказала Забида.

– Зачем ты сюда пришла? – вспыхнул я. – Уходи!

– Не связывайся с ней. На, перевяжи мне палец.

Я перевязал. Старик некоторое время смотрел на снежные вершины Ала-тау, затем сказал:

– Если на то пошло, Забида, то у тебя и отец, и муж...

– Не собираюсь я слушать твою болтовню! – прервала его Забида. – Я сейчас же иду к коменданту!

Она повернулась и быстрым шагом пошла по направлению к селу.

Старик с погрузневшим лицом долго смотрел на горы. Солнце все больше раскалялось. На небе не было даже намека на облачко. Слепни вконец достали черную корову, и она, задрав хвост, резво потрусилась в сторону огородов.

– Старик, твоя корова убежала.

– Слушай, беги за ней, пригони сюда! На, возьми мою палку.

– Не побегу! Ты у меня мячик отобрал.

Старик ушел. Я подождал, пока он скроется из виду, и обсыпал спину коровы дустом. Теперь слепни от нее отстанут. Этой хитрости меня научили русские ребята. А я им за это отдал свою лягу. Я собирался поделиться дустом со Стариком, но теперь не буду. Мячик скатать нелегкое дело, а он их все у меня отбирает. Дуст мне дал кладовщик. Честно сказать, сделал он это из уважения к Старику. Но все равно я на него в обиде. Пусть попробует, каково ему будет пасти корову без моей помощи.

Старик вернулся, истекая потом.

– Собачье отродье! Чтоб ее волки съели! И откуда она такая взялась, не корова, а наказание. – Старик еще не закончил ругаться, когда к нам подошел мужчина. Я его не любил. Как-то раз он оттаскал меня за уши, мол, я у него яблоки своровал. Но их и яблоками-то назвать было нельзя, маленькие, кислые...

– Что ты раскричался, Салимгерий? Что случилось? Этот пострел тебя обидел?

– Да нет... Видишь, сколько здесь слепней? Совсем с ума сводят мою корову. А к его скотине они даже близко не подлетают... А ты откуда и куда? Что нового расскажешь?

– Да нет никаких новостей... Слушай, Салимгерий, на кладбище, наверное, и в этом году ты будешь косить? Везет тебе. Трава там густая... Кажется, твоя корова сбежала...

Старик повернулся ко мне.

– Ты хороший мальчик. Сбегай, пригони ее сюда. А мы пока немножко поболтаем.

– Не пойду. Ты у меня мячик отобрал.

– Видишь, Кертибий, как ведет себя этот собачий сын? Пойду, а то эта тварь в огорода залезет.

– Сейчас вся молодежь такая. А этот хуже всех. Сколько раз он у меня яблоки воровал. И не только яблоки, – сказал Кертибий, зло глядя на меня.

Они ушли, а я показал им вслед язык.

Мне было жалко черную корову, хоть она и была чужой. Старик постоянно вымещал на ней свое зло. Понять, что он за человек, было трудно. «Хороший, умный старик», – говорили одни, другие придерживались ровно противоположного мнения. Как-то раз я слышал, как наш сосед-чеченец говорил Бабушке:

– Вот все говорят «чеченцы, чеченцы». А я скажу, что с этим вашим стариком ни один чеченец не сравнится, попробуй только его задень.

Вчера к Старикау приходила женщина с просьбой зарезать курицу, но он отказался.

– Не буду резать. В прошлый раз ты мне не выделила долю... Говоришь, гости у тебя были? А мне какая разница? Я обещал внучке, что угощу ее курятиной. Потом она весь вечер плакала. Так что, иди, поищи кого-нибудь другого. Да и ножа у меня с собой сейчас нет...

Тут Старик соврал. Нож он только что наточил и вложил в ножны. И вообще я не понимаю, как можно требовать выделить долю от курицы? Это же не баран, в конце концов...

А что он в прошлом году вытворил! Разозлившись на что-то, он бросил дохлую кошку в колодец своего соседа-ингуша. С ним они с первого дня не ладили. Что там началось тогда! Ингуш схватился за вилы, Старик взял топор. Еле удалось их разнять.

Солнце раскалилось сильнее, чем сковорода Бабушки, на которой она жарит лепешки. Я залез в речку, в маленькую запруду, сделанную мной, и наслаждался. Утирая пестрым носовым платком потное лицо, подошел Старик.

– Искупись и ты, – сказал я ему.

– Забирай свою корову и исчезни отсюда! Чтобы я тебя на этой поляне не видел. Паси ее там, где поросят пасут. Тем более что ты и сам поросенок, – сказал Старик и кинул свою суковатую палку в сторону моей коровы.

– Я Бабушке пожалеюсь.
– Жалуйся кому хочешь. Хоть отца своего из могилы вызови и ему жалуйся. Вон с моих глаз!
– Не уйду!
Старик схватил меня, вытащил из воды и пару раз ударил по спине своей костистой рукой. Я заплакал.
– Будешь присматривать за моей коровой?
– Нет! Я тебе не слуга!
– Ну, тогда быстро исчез отсюда!
Старик дал мне подзатыльник, и я, обливаясь слезами, пошел прочь, погоняя свою корову.

3

На новом месте мне тоже не обрадовались. Там пасли своих коров несколько мальчишек.

Рыжего парнишку звали Володя, но мы называли его Вий. Так прозвал его учитель. По какой причине, мы не поняли, но кличка прижилась. Длинный чуб закрывал ему левый глаз, и он постоянно сдувал его, выпятив нижнюю губу.

Рядом с ним сидел низкорослый, очень смуглый мальчик-чеченец, Ямалдин. Ударившись о камень, он поранил палец и сейчас пытался перевязать его большим лопухом. Палец сильно кровил, теперь ему на некоторое время придется забыть о футболе.

В двух шагах от Ямалдина сидели Смак и Генрих. Смак – мой родственник, а Генрих – немец. Кличка у него – Чума.

Двух других мальчиков я не знал, хотя слышал о них. Один был очень худой и высокий. Еще одной выдающейся его чертой был большущий нос. Нетрудно было догадаться, что кличка у него Нос.

Второй был пониже его, но, по всей видимости, покрепче. На верхней губе у него росла большая бородавка.

Ямалдина и Смака я не боюсь. Они меня не тронут. Хотя вряд ли и придут на помощь. Кличка Ямалдина – Хох. Он мой сосед. А Смака все называют Кот. Насколько я слышал, самый задиристый из них тот, кто с бородавкой. Ну да ладно, посмотрим, что будет. В конце концов, мест, где можно пасти корову, немало. Просто одному будет скучно...

Пегая корова Смака направилась к огородам.

– Хох, иди заверни коров, твоя очередь, – сказал Смак.

Хох, прихрамывая, убежал. Смак повернулся ко мне.

– Что тебе здесь надо?

– Ничего. Старик прогнал меня с поляны возле кладбища.

Все мальчики посмотрели на меня.

– Думаю, тебе здесь не место. Носу и Бородавке это не понравится.

Не успел он это сказать, как ко мне ленивой походкой подошел Нос и, привстав на цыпочки, понюхал мою голову.

– Откуда ты взялся, яйцеголовый? И пахнет от тебя, как от туалета, в который дуст засыпали.

Все засмеялись. Во мне вскипела злость. Ничего не говоря, я схватил обеими руками за ворот его рубашки и ударил головой по лицу. Из носа у него хлынула кровь. Он попытался ударить меня ногой, но я увернулся. Пока я думал, куда бы его еще раз ударить, он увидел кровь и начал плакать.

В это время вернулся Хох.

– Почему без меня начали драку? Сейчас я вам всем задам!

– Нос понюхал его голову, а он расквасил ему нос, – сказал Вий. Хох одобрительно посмотрел на меня, затем повернулся к Носу.

– Я же тебе говорил, это я научил его головой бить.

Хох подошел к Носу и начал что-то шептать ему на ухо. Тот отрицательно качал головой.

Коту это не понравилось.

– Хох, не надо его учить. Если такой смелый, подерись сам. А Рыжика драться учил не ты, а Исхак. Младший сын Старика.

Вий взял свою палку и направился к коровам. Затем обернулся и сказал:

– Куда ему! Он только меня может победить. А Рыжика только Бородавка сможет побить. – Повернувшись ко мне, он добавил: – Без меня не драться! – и побежал к коровам.

Я старался выглядеть равнодушным, но на душе у меня было тревожно. Я много раз слышал, что Бородавка хорошо дерется.

– Он хватает соперника за ноги, валит на землю, а потом избивает, – сказал Кот Хоху по-чеченски. Кроме них, чеченский знал только я.

– Говорите по-русски! – сказал Чума Коту.

– Закрой рот, не то я тебе тоже нос разобью!

Чума смолчал. В это время вернулся Вий.

– Ну что, Бородавка, твоя очередь.

– Да, твоя очередь и драться, и коров завернуть, – рассмеялся Хох. Затем обратился ко мне на родном языке: – Не борись с ним, дерись стоя.

Но я и так это понимал после слов Смака.

– Не буду я драться. Что он мне плохого сделал? – сказал Бородавка.

Я молчал.

– А-а, испугался! – обрадовался Вий.

– Ничего я не испугался. Просто отец запретил мне драться. Сказал, что побьет. А он свое слово сдержит.

Кот был доволен, что дело закончилось так. Он обернулся ко мне и сказал:

– Твоя очередь заворачивать коров будет после меня.

Я подогнал свою корову к другим и вернулся. Ребята играли в чехарду, один Нос сидел в сторонке. Через некоторое время Чума подошел к нему и начал что-то шептать ему на ухо. Тот одобритительно кивнул. Затем Чума подошел ко мне.

– Рыжик, давай, помирись с Носом, – сказал он со смехом. – Он больше не будет тебя нюхать, а ты его не бей...

Нос подошел ко мне, и мы пожали друг другу руки.

Вечером я не торопясь гнал свою корову домой. Дорога была только одна – через поляну, на которой пас свою корову Старик.

Вечер был прекрасен. Устроившись где-то на верхушках деревьев, заливались соловьи. На скальных отрогах ворковали дикие голуби. В отличие от домашних, все они были одного цвета, сизые. У меня дома тоже есть два голубя, но это уже другая история.

4

Еще не дойдя до поляны, я услышал, как кричит Старик.

– У-у-у! Собачье отродье! На, получай, скотина! Чего только я от тебя не натерпелся! Ну, погоди, я развешу твою шкуру на заборе! На-а! На-а!

Подойдя поближе, я увидел, что Старик привязал свою корову к вязу и избивает ее большой дубиной. Я побежал туда. Корова была привязана к дереву коротко, за рога. Старик был в бешенстве и обрушивал на нее удары один за другим, а бедное животное могло только мычать.

– Не бей ее! – закричал я. Но Старик даже не слышал меня. Размахнувшись, он изо всей силы опустил дубину на спину коровы. У нее подогнулись передние ноги, но она не повалилась на землю, так как голова ее была привязана к дереву слишком туго.

– На-а, получай!

– Му-у-у!..

– Я не я, если я тебя не вразумлю!

– Му-у-у!..

– Не бей ее! Не бей!

Я начал плакать. Подойти к нему я боялся. В ярости Старик мог запросто зашибить и меня.

– На-а, скотина!

– Му-у-у! Му-у-у!..

Я не мог уже этого выдержать и побежал к дороге. Навстречу мне шел Кертибий.

– Что случилось?

– Старик... Он...

– Он побил тебя?

– Нет, он убивает свою корову!

– Тебе-то что за беда? Ладно, пойдем, посмотрим...

Когда мы подошли, корова завалилась на бок и не могла даже мычать, только стонала.

– Салимгерий, ты совсем с ума сошел?! У нее уже кровь изо рта идет. Загубил свою единственную скотину! Аллаха ты не боишься! Дай сюда эту дубинку! – Кертибий схватил Старика за руку.

– Уйди, не то и тебе достанется!

Кертибий все же отобрал у Старика дубинку. Отбросив ее в сторону, он подошел к корове и быстро ее развязал. Корова хотела бежать, но ноги ее не слушались, она еле стояла.

Я погнал свою корову домой.

Закат был ярко-красный. В таких случаях Бабушка говорила, что завтра будет погожий день. Я вспомнил, что она обещала пожарить лепешки, и ускорил шаги. Лепешки с парным молоком – это вкусно.

5

– Алеш, ты принес мне мячик?

– Завтра принесу. Сегодняшний у меня Старик отобрал.

Подошла Бабушка.

– Доченька, не приставай к брату. Он устал и проголодался.

– Бабушка, Старик свою корову избил.

– Ну, так он ее всегда бьет.

– Нет, на этот раз сильно избил. У нее кровь изо рта шла...

– Кто-то рассердил его?

– Да, Забида в обед приходила, ругалась с ним. И я... Он отобрал у меня мячик, а я отказался его корову завернуть. Он меня выгнал с поляны, я теперь в другом месте пасу, с мальчиками...

– Они тебя не побили, сынок?

– Нет, я побил!

– Правильно сделал. Не позволяй никому обижать себя. Но и драчуном не будь.

– Бабушка, а лепешки готовы?

– Нет еще. Иди в дом. Я фасолевый суп приготовила. Соня тоже не ела, тебя ждет. А я пойду подою корову.

– Бабушка, пенку мне дашь!

– Алеш, а завтра ты принесешь мне мячик?

– Да, принесу.

– Принеси обязательно. А то Шерипа все время хвастается.

Соня взяла ложку и потянулась к еде. Мы обычно кушаем из одной тарелки.

6

Утром я погнал свою корову на поляну. Старика еще не было. Не появился он и потом. Вечером, загнав корову в хлев, я протянул Соне мячик. Она обрадовалась, потом посмотрела на меня и сказала:

– Старик зарезал черную корову.

– Почему?

– Она умирала.

Я вошел во двор Старика. Шерипа, пухлая пятилетняя девочка, играла с мячиком, который я скатал вчера.

– А я сегодня мясо ела. Вот тебе! – Она показала мне язык.

Шкура черной коровы, посыпанная солью, сушилась на заборе.

Старик сидел во дворе на старом маленьком войлочном коврикe.

Увидев меня, он позвал:

– Иди сюда. Не бойся, подойди поближе... Ты никого не пускай на нашу поляну. Я заведу себе новую корову и мы с тобой снова будем вместе пасти. И мячик я у тебя больше не буду отбирать. Ладно, теперь иди...

– Ты будешь есть мясо черной коровы?

– Нет... Я вам послал долю...

– Я тоже не буду есть...

Старик вытянул из-под коврика красивый деревянный кинжал.

– На, это тебе.

– А я и сегодня мячик скатал. Отдал Соне. Если Шерипа потеряет свой, я и ей скатаю.

– Хорошо. А теперь иди, поиграй.

7

В нашем дворе Бабушка разговаривала с какой-то женщиной. На небе уже начали появляться первые звездочки.

– Темнеет, можно уже разговляться, – сказала Бабушка, откладывая в сторону веретено. Она никогда с ним не расстаётся, только когда готовит пищу. Ее собеседница, Канитат, недовольно проговорила:

– С этой уразой уже никаких сил не осталось. Особенно когда она летом...

– Да, тяжело приходится людям, – согласилась Бабушка. – Да не сочтет Аллах наши слова за грех, но сил уже нет никаких. Вот

мать мальчика еле ходит. Легко ли, целый день на солнцепеке и даже поток воды не можешь себе позволить.

– Говорят, бедная Пашахан без коровы осталась...

– С тех пор, как арестовали их старшего сына, Салимгерий сильно изменился. Единственная его отрада – внучка. И к нашему Алешу он неплохо относится. Хотя его тоже можно понять...

– Его внучку, кажется, Шерипой зовут?

– Да. Несчастное дитя... А мать ее какой дрянью оказалась. Как только арестовали мужа, она оставила своего ребенка на родственников мужа и замуж выскочила... Сынок, сколько мячиков у тебя отобрал Салимгерий?

– Ни одного. Я сам ему их отдавал, – ответил я. Почему-то вопрос Бабушки мне не понравился.

– Алеш не любит пасти корову с другими мальчиками. Только с Салимгерием. Он очень любит сказки, легенды разные. А тот, видимо, рассказчик хороший...

– Наверно...

– Сынок, ты опять во дворе ляжешь? Я тебе уже приготовила постель, – сказала Бабушка, повернувшись ко мне.

Обычно я сразу же засыпал, но сегодня почему-то долго лежал с открытыми глазами. Полная луна застряла в ветвях терновника. Будь у нее рубашка, она ее порвала бы, подумал я. Возможно, потому, что сам недавно порвал там рубашку. Бабушка тогда сильно рассердилась... Небо полностью уже усыпано звездами. Особенно красив Млечный путь...

Бабушка и Канитат все еще разговаривали.

– Да уж, Хурайма, какие только бедствия не обрушились на наш народ... А Юсюп был хорошим парнем. В первое время, когда здесь люди мерли от голода, скольких он спас от смерти. И на войне он себя показал героем, три ордена, а медалей и не счесть.

– И все же нашелся негодяй, который написал на него донос. Да отсохнет у него язык.

– Говорят, это недоносок Забиды его погубил.

– Может быть... Не бывает дыма без огня, люди знают, – сказала Бабушка со вздохом. Затем, немного помолчав, продолжила: – Салимгерий буквально сгорает изнутри. Сегодня его к коменданту вызывали. С утра молчит, ни с кем не разговаривает, только с нашим мальчиком парой слов перекинулся...

– Завтра суббота? Опять, значит, нам всем в комендатуру переться. Надоело уже до смерти. Чего они от нас хотят? Ладно, контроль нужен. Но пусть тогда молодых заставляют расписываться, мы-то, старики, куда денемся. Как будто у нас есть силы сбежать куда-то... Пойду я, Хурайма, поздно уже.

– Давай провожу, а то собака не привязана.
– Да не тронет она меня, вон, лежит спокойно. В наше время не собак, людей надо бояться.
Они вышли со двора.

Старик скатал мячик из шерсти своей новой коровы и протянул мне.

– На, возьми, отдашь своей сестренке. Шерипа играет с тем, который ты скатал.

– Я теперь всегда буду присматривать за твоей коровой...

Ночью мне приснился страшный сон. Такое только во сне и может привидеться.

Старик, стоявший рядом со мной, вдруг куда-то исчез. Может, он пошел на кладбище? Да, действительно, он там. Черная корова забрела туда, а он, размахивая палкой, пытается ее выгнать. Неожиданно корова поворачивается и, опустив голову, бросается на Старика. Через мгновение он уже у нее на рогах. Корова начинает раздуваться, становится огромной, как гора. Старик сверху кричит мне:

– Сынок, помоги! Эта тварь меня убьет!

Черная корова страшно мычит, выходит за ограду кладбища и идет в мою сторону. Старик опять куда-то исчез. Я хочу бежать, но ноги не слушаются. Я громко кричу – и просыпаюсь.

Встав с постели, я иду умыться к арыку. Подходит Бабушка.

– Вот чудеса – ты сам проснулся. Обычно тебя добудиться невозможно. Иди поешь, я все уже приготовила.

Корова была подоена и ждала, когда ее выгонят.

Тянь-Шаньские горы краснели вдали, как морковные кучи в колхозном поле.

Солнце еще не взошло.

1968 г.

БЕЛОЕ ОБЛАЧКО

Недалеко от нас, ниже по улице, живет турок Омар. Жена у него – карачаевка. Своих детей у нее нет, она воспитывает сыновей мужа. Старшего зовут Мухаммат, младшего – Ахмат.

Их соседи тоже турки. У них есть сын Яша. Он тоже живет с отцом и мачехой. У Билямхан, мачехи Яши, есть и свой ребенок, Паша. У нее большой живот, как у нашей снохи. Она ест все, что попадет под руку. А нашу сноху я ни разу не видел за едой.

Скоро сюда, к арыку, придут Мухаммат, Ахмат и Яша. Я с ними враждую. Но сюда же должен подойти и мой друг Аристхо. Он ингуш.

1

Солнце зависло над домом Омара. Жара.

Услышав шаги, я обернулся.

– Эй, Керимски, ты зачем сюда пришел? Хочешь, чтобы тебя опять побили? – спросил Мухаммат.

– Сам ты Керимски! Меня зовут Керим! – ответил я.

– Неважно. Сейчас подойдет Яша, он тебе задаст... Вчера тебе еще мало досталось!

Ахмат жметса к Мухаммату. Я много раз его бил, и он меня боится. Каждый раз после этого Мухаммат избивал меня. Но теперь он меня не трогает – моя сестра недавно вышла замуж, и он боится нашего зятя. Зато он натравил на меня Яшу. Раньше мы с ним были друзьями, но Мухаммат, видимо, что-то наговорил ему обо мне. Мы дрались с Яшей уже четыре раза. Два раза победил он, два раза я.

Подошел Яша. Он на год старше меня.

– Давайте, начинайте, – сказал Мухаммат. Ахмат стал потирать руки, а Яша закатал рукава своей оборванной рубашки.

– Сейчас подойдет Аристхо, тогда и начнем, – сказал я.

– Аристхо придет! – испуганно сказал Ахмат. Мухаммат посмотрел на дорогу, стараясь не выдать своего волнения.

Я пнул ногой небольшой камушек, и он подкатился к ногам Ахмата.

– Вы же все за Яшу, а за меня Аристхо будет. А если вы опять захотите втроем меня бить, он вас ножом порежет.

– Ахмат, иди, найди хорошую палку, – сказал Мухаммат.

Я показал Ахмату кулак.

– Я тебе потом нос разобью.

Ахмат не знал, что делать. В это время подошел Аристхо.

– Что поделяваете? И ты здесь, Магомет... Слушай, зачем ты этих малышей стравливаешь? Давай мы с тобой подеремся.

– Не хочу, ты победишь, – сказал Мухаммат, попятившись. Он боялся Аристхо, хотя они ни разу не дрались.

– Тогда иди, принеси нам из ваших папирос, – сказал Аристхо.

– Ахмат, сбегай, – приказал Мухаммат братишке. Тот побежал, затем обернулся и крикнул: – Без меня не деритесь!

Аристхо повернулся ко мне.

– Кто вчера победил?

– И вчера, и позавчера они втроем меня били, – ответил я, глядя на Яшу. Тот пошел и стал рядом с Мухамматом.

– Начинайте, – сказал Аристхо и подтолкнул Яшу ко мне.
Я замахнулся, но Яша схватил меня за руки и не дал ударить.

– Бей головой! – сказал Аристхо.

– Мы по-ингушски не понимаем, говори по-нашему, – сказал Мухаммат

– Учи ингушский, – сказал ему Аристхо по-русски, даже не обернувшись.

Я ударил головой. Яша отпустил мои руки. Я понял, что он робеет, и начал его бить. Затем поставил ему подножку, повалил на землю и уселся на него.

– Керим, отпусти, а то укушу, – сказал Яша.

– Яша, не бойся, бей его коленями по спине, – сказал Мухаммат по-турецки.

Я хорошо понял его и не дал себя ударить.

– На! На! – Я два раза ударил Яшу по голове.

– Молодец, Керим! – похвалил Аристхо. – А теперь поднимайтесь, деритесь стоя.

– Лежачава ни биют! – поддержал его Мухаммат.

Не успели мы встать, как Яша тут же укусил меня за руку.

– Ау! – крикнул я, отпрыгивая в сторону. Яша бросился бежать, но Аристхо в два прыжка догнал его и схватил.

– Давай, садись на него, – сказал Аристхо. Я запрыгнул на спину Яше, и он, пыхтя и плача, заковылял туда, где стояли остальные.

– Так нельзя делать, – сказал Мухаммат.

– Закрой пасть, не то я тебя самого оседлаю! – ответил Аристхо. – Яша теперь – раб. Запомните это!

2

Мы подходили к нашему дому. Моя мать, стоявшая на улице, начала кричать:

– Ты что это придумал, негодник! Зачем ты издеваешься над сиротой?! Он что, лошадь?! Быстро слезь с него, собачий сын!

– Он мой раб! – сказал я, вспомнив слова Аристхо. Мухаммат и он стояли поодаль, делая вид, что не имеют к нам отношения.

– А вы куда смотрите, взрослые свиньи! – закричала мама, направившись в их сторону. Те быстро дали деру.

– Керим, не выдавай нас! – крикнул на бегу Аристхо по-ингушски. Мама подошла к Яше и погладила его по голове.

– Не водись с этими паршивцами, – сказала она. Затем повернулась ко мне.

– Сколько это будет продолжаться? Всю кровь мою ты уже выпил! На что это похоже? Не знаешь разве, что он такой же сирота, как и ты?

- Я не виноват, он первый начал.
– Вообще ни с кем не дерись!
– Я думал, он за меня... А он... он за них...
– Кто это – они?
– Есть тут такие. – Я все еще боялся подойти к матери.
– Ладно, сынок, иди домой, – сказала мама Яше. – Проголодался, наверно.
– Мама положила хлеб в сундук и заперла его, – сказал Яша, утирая слезы.
– Пойдем к нам, попьем чаю с лепешками, – сказал я.
– Вот так и должен вести себя хороший мальчик, – сказала мама. – Заходите в дом, сегодня у нас не только чай и лепешки, угощу вас. Я понял, что бить меня на этот раз не будут.
– Мама, можно Яша сегодня у нас переночует?
– Нет, сегодня ты будешь у них спать. Я работаю ночью. Поешьте и идите к ним.
Некоторое время мама задумчиво смотрела на небо.
– Сынок, смотри, какое облачко красивое. А сейчас от него ничего не останется... Ветер развеет его...
– Мама, в небесах ветер не дует.
– И чему только вас в школе учат. Дует, да еще как. Мне это облачко Яшу напоминает... Оно так же одиноко.
– Я больше не буду трогать Яшу.
– Вот и правильно.
Июньские дни текут плавно и незаметно, как воды большой реки.
Солнце скатилось к горизонту и исчезло за далекими тополями. В небе летит самолет, оставляя за собой белый след. Хотя и не такой белый, как облачко.
Мама с Яшей вошли в дом. А я еще постоял, глядя в небо. Мама была права, вскоре облачко растворилось, исчезло, не оставив следа. Отпихнув ногой лежащую у порога кошку, я вошел в дом.

3

- Когда мы вошли во двор Яши, из конуры с лаем выскочил большой мохнатый пес. Увидев, что это мы, он, гремя цепью, полез обратно. Яша первый, я за ним – вошли в дом. Билямхан сразу начала кричать на Яшу:
– Где ты шляешься, ублюдок?!
Но заметив меня, сразу изменила тон:
– Это ты, Керимчик? Мама твоя сказала, что ты у нас переночуешь. Проходи в ту комнату.

Билямхан очень плохо относится к Яше. Мухаммат и Ахмат тоже живут с мачехой, но та не такая, как Билямхан. За шалости она их, конечно, бьет, но они всегда накормлены, одеты-обуты.

– Абидат накормила вас? Ладно тогда. Идите ложитесь. Яша обычно спит на полу, но сегодня вы оба ляжете на кровати. – Билямхан подошла к печке и заглянула в маленький казанок. Толстопузый Паша недовольно посмотрел на меня и спросил по-турецки:

– Зачем ты к нам пришел?

– Закрой рот, а то я тебе язык вырву, – ответил я по-ингушки. На нашей улице живет много ингушей, и Паша, как и я, хорошо понимает их язык.

– Керим сказал, что вырвет мне язык, – пожаловался Паша матери.

– Отстань от меня! Иди тоже, ложись, – отшила его Билямхан.

4

Яша спит, повернувшись ко мне спиной. А мне в незнакомом месте не спится. Яша часто у нас ночует, а я у них второй раз.

Мысли мои перескакивают с одного на другое. Наверно, правду говорят, что существуют черти, джинны. Вот, например, откуда взялись эти тени на стене. Они постоянно меняются, то похожи на людей, а то вдруг превращаются в неведомых чудовищ. С закрытыми глазами мне еще страшнее, поэтому я снова открываю их. На залитой лунным светом стене уже нет никаких теней. Но вскоре они опять появляются. Я с головой ныряю под одеяло и стараюсь думать о другом. У нашей учительницы в саду есть хорошая яблоня. Надо завтра залезть и набрать себе яблок. Хотя нет, мне будет стыдно. Моя мама очень любит Прасковью Лукьяновну. «Учительница все равно что вторая мать», – часто говорит она. А разве у матери можно красть? Лучше пойдем с утра на совхозное озеро. Там так приятно шумят камыши... Тома и Лейла тоже, наверно, там будут... Надо мне научиться плавать... Яша хорошо плавает, а у меня не получается проплыть больше десяти метров. Лейла плавает, но как-то по-девчачьи, отгребая воду от себя. А Тома очень хорошая пловчиха. Она нравится Яше. Хотя, что в ней такого? Носик у нее острый, а волосы перевязаны резинкой и напоминают хвостик жеребенка. Лейла в десять, нет, в сто раз красивее, ее черные волосы почти достигают колен... А Ахмата я как-нибудь поймаю и задам ему трепку. Лейла худощавая, а Тома полная. При разговоре она любит сильно размахивать руками. Тогда мне хочется укусить ее за палец... И вовсе она не такая умная. Просто мать у нее учительница, и она повторяет все, что слышит от нее. Тома носит туфли. А мы, Лейла, Яша и я, с ранней весны

до первого снега ходим босиком. Лейла очень хорошая. Она не считает, как Тома, что самая умная. А Билямхан часто не пускает Яшу в школу, заставляет его работать. Мы уже восемь лет живем в изгнании. Сейчас стало немного полегче, а в первые годы было совсем плохо. Так говорит мама... Лейла балкарка... Мне с ней легко общаться... По пути к озеру мы видим, что навстречу нам идет старая гречанка, которая умерла в прошлом году. Родственников у нее не было, она жила совершенно одна. Подойдя к нам, она протянула руку к краюхе хлеба, которую я держал в руках и помаленьку откусывал. Глаза ее ярко блестели.

– Дай мне свой хлеб!

Я хотел это сделать, но вдруг вспомнил, что она умерла, и отдернул руку. Давать во сне что-то умершему было плохой приметой.

– Бабушка, возьми мой хлеб, если голодна, – сказал Яша.

– Яша, не давай ей! Она мертвая, умерла в прошлом году! – закричал я. Старуха выхватила хлеб из его руки, зло посмотрела на меня и сказала:

– По мне никто не справил поминки. Никто ни разу не вспомнил обо мне, как я умерла. Спасибо тебе, мальчик! А тебе я сейчас дам! – Старуха двинулась в мою сторону. От нее веяло могильным холодом. Я хотел бежать, но ноги меня не слушались. Старуха протянула ко мне руку, я закричал и проснулся в холодном поту.

5

В соседней комнате горела керосиновая лампа. Я вытянул шею и посмотрел туда. Билямхан сидела на рваном войлочном коврикe и кормила Пашу.

– Ешь быстрее, сынок. Съешь все, пока Яша не проснулся. И голодом я не могу уморить это щенка. Ешь быстрее, я на работу опаздываю. Когда придет отец, скажи, что ничего не ел. Понял, сыночек?

– Понял, мама.

– Ключи от сундука, где еда, я положу под твою подушку. Не давай их этому поросенку. Только отцу. Яша уже съел, что ему полагается.

Светает. Во дворе прокукарекал петух. Билямхан натянула на голову старый коричневый платок и вышла из дома.

Я опять лег и скоро заснул.

6

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко.

– Керим, я умираю от голода.

– Попроси у Паши ключ от сундука.

– Откуда у него ключ? Покушаем, когда отец придет, ключ у него. А пока давай слив поедим.

– Очень мне нужны твои сливы! Я тебе говорю, ключ у Паши.

– А ты откуда знаешь?

– Я проснулся ночью и слышал, как Билямхан с Пашей разговаривала. Она накормила его, дала ему ключ и сказала, чтобы он его тебе не давал.

Обстановка в комнате была бедная. На голой стене висел портрет Сталина. На подоконнике осколок зеркала. Наверно, в него давно никто не смотрелся, он был весь покрыт пылью. Мы жили не богаче них, но у нас на одной стене висел вельветовый коврик с купающимися лебедями. А на другой две фотографии – отца и Ленина. По словам матери, это один из самых грустных портретов вождя. А отец мой погиб на фронте.

Паша спал, как сытый толстый кот.

– Паша, вставай, – сказал я.

Он открыл глаза, посмотрел на меня, затем перевернулся на другой бок и продолжил спать.

– Вставай, а то я побью тебя сейчас, – пригрозил Яша.

Паша спрятал голову под подушку. Я сдернул с него одеяло.

– Дай ключ, – сказал Яша.

– Не дам! Я маме пожалуюсь.

– Ну, тогда пеняй на себя, – сказал я. – Яша, принеси-ка сюда ту змею. Намотаем ее на шею Паше.

Паша испуганно отполз к краю кровати. Он хорошо знал, что я не боюсь змей, ими я пугал даже взрослых парней.

– Мама-а-а!

– Давай, Яша, неси змею. Он же не хочет нам отдать ключ.

– Не отдам!

– Яша, змею!

– Я все расскажу маме! – заплакал Паша. Я сунул руку под подушку и вытащил ключ.

Мы достали из сундука свежее испеченный хлеб из смеси пшеничной и кукурузной муки и разделили его пополам.

– Керим, айда на совхозное озеро.

– Пошли. А тебя, Паша, если пожалуешься матери, я побью.

– Все равно пожалуюсь. И отцу скажу... Я тоже хочу пойти с вами.

– Нет, Паша, ты останешься дома. Скоро придет отец, ты хороший мальчик, ты должен его покормить. А я тебе яблок принесу, – сказал Яша и погладил Пашу по голове. Тот перестал хныкать и косо посмотрел на меня.

– Я скажу маме, что ключ у меня отобрал Керим.

Мы вышли во двор. Еда у нас есть, так что можно спокойно гулять до вечера. Увидев нас, пес вышел из будки, и мы отломали для него по кусочку хлеба.

7

Яша, Тома, Лейла и я загораем на песчаном берегу озера. Недалеко от нас ловит рыбу молодой казах. Время от времени он дергает удочку, и пойманная рыба опускается прямо рядом с нами. Яша быстро снимает ее с крючка и кидает в ведро рыбака.

Когда казах вытащил очередную рыбу, Тома попросила:

– Яша, давай я попробую.

Сняв рыбу с крючка, Тома бросила ее в ведро, но промахнулась. Рыба, трепыхаясь, добралась до берега и исчезла в воде.

Рыбак рассердился. Томе он ничего не сказал, но стал ругать Яшу.

– Эй, ты, недоносок татарский! Не смей больше трогать мою рыбу!

Некоторое время мы лежали молча. Затем Тома предложила Яше:

– Давай наперегонки поплаваем.

– Я в штанах не смогу быстро плавать, – ответил Яша.

– А ты голышом, – сказал я Яше.

– Бессовестный ты, Керим, – сказала Лейла.

– А что здесь такого? Я же купаюсь голышом.

– Для тебя закон не писан.

– Тома, одолжи свои трусики Яше, – сказал я.

– Да ты и вправду дурачок. А еще говоришь, в пятом классе учишься, – рассердилась Тома.

– Пошли! Я тебя и в штанах обгоню, – сказал Яша.

Они ушли. Солнце медленно скатывается к горизонту. Стало попрохладней. С гор подул ветерок, и камыши приятно шелестят.

– Лейла, пошли, тоже искупаемся.

– Не буду я с тобой купаться!

– Мне вчера мама трусики сшила.

– Ладно, еще немного позагораем и пойдем, – сказала Лейла, не до конца поверив моим словам.

– У девушек бывают сиськи, а почему у тебя их нет? – спросил я, смеясь.

– Скоро будут, – ответила Лейла и бросила в меня песком.

В это время подошла озябшая Тома.

– Обогнала я твоего Яшу.

Она прилегла рядом со мной и спросила:

– Керим, а ты сколько метров можешь проплыть? Говорят, ты чемпион.

– Десять метров туда, десять обратно.

Тома засмеялась. Лейла вступилась за меня:

– А ты не хвастайся! Ты тут, у озера живешь, а Яша и Керим за десять километров отсюда.

– Тонет! Он тонет! – Рыбак отбросил удочку и побежал к месту, где мы обычно купались. Мы бросились за ним. Из воды показалась голова Яши.

– Керим, у меня судорога! – крикнул он и опять ушел под воду.

Рыбак начал раздеваться, а я как был в одежде прыгнул в воду. Яша опять вынырнул.

– Яша, не бойся! Хватайся за мою ногу! – Я подплыл к нему, и он схватил меня за руку. Теперь тонули мы оба. Каким-то образом мне удалось вырваться, но силы оставили меня, и я опять ушел под воду. Перед глазами у меня поплыли разноцветные круги. Затем все погрузилось во тьму...

8

Очнувшись, я увидел склонившуюся надо мной мать.

– О, я бедная! О, я несчастная! – причитала она.

Увидев, что я открыл глаза, она начала меня ругать.

– Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не смел сюда ходить! Не знаешь разве, сколько детей здесь утонуло?! Собачий сын! Попробуй только еще раз!

Она прижала меня к груди и тихонько заплакала.

– Что с Яшей?

– Он утонул... Его ищут... А тебя парень-казак вытащил.

Солнце спряталось в далеком яблоневом саду. Небо сияет синевой. На западе замерло маленькое белое облачко. Через некоторое время оно начало таять и вскоре от него не осталось и следа. Да, мама была права, на свете есть много ветров, о которых мы, дети, даже не подозреваем.

В необъятном небе над необъятной землей растаяло белое облачко моего детства.

1971 г.

Перевод с балкарского Хыйсы Джуртубаева

Джамбулат КОШУБАЕВ

Джамбулат Пиимафович Кошубаев родился в 1962 году в Майкопе.

Автор книг «Логос без имени», «Абраг», «Палимпсест», «Иное небо», «Прозрачные тени», «Обратный переход: штрихи к портрету Георгия Яропольского».

Живет и работает в Нальчике.

БЕССМЕРТНЫЙ ДАР

Он слышал голос скал в родном ущелье
и перевел их речь на свой язык.
Услышал мир сквозь грозы и метели
влюбленный шепот, горя черный крик.

Иду к той сакле, что его взрастила,
и оживает меж гранитных строк
поэзии чарующая сила,
соединяя Запад и Восток.

Слит с камнем стих. На языке Кайсына
звучат река, и камень, и скала.
Бессмертный дар на высоте орлиной
любовь народа в камень облекла.

2017

В ПОДРАЖАНИЕ РИМЛЯНАМ

Славно, когда богов много –
можно выбрать себе любого
и счесть его другом своим.

Что же делать тебе, говорящему:
«Бог един»? Он – не твой и не мой,
сам себе господин. Сирота.
Он – сирота, самый горький из всех.

2017

НОЧЬ НАД ГУНИБОМ

Магомеду Ахмедову, поэту

Когда опускается ночь на Гуниб
и звездная россыпь близко –
взлетает клин – журавлиный нимб –
к небу от обелиска.

Когда опускается ночь на Гуниб –
вдруг тени встают полками,
и царских повозок – визг и скрип,
и щерятся горы штыками.

Когда опускается ночь на Гуниб –
вновь слышится голос Имама:
кто за свободу убит – не погиб,
он – слава и честь Дагестана!

2019

***

Пока у времени в плену
томлюсь еще. И плен – не в тягость.
Хотя и чувствую порой
его немислимую тяжесть.

Заложник мук и красоты –
и небосводом давит плечи.
Мы все – атланты. До поры.
И ноши тяжкой не облегчить.

2018

МАСТЕР

Смотрю зачарованно:
над чьим-то склонившись ботинком
или туфелькой стоптанной,
он меняет набойки,
сшивает, подобно хирургу,
глубокие рваные раны,

и снова надежду дает,
что будет все хорошо
в этом мире
под стук его каблуков.

2017

***

Между пальцами – песок,
старая игрушка.
Закручинилась чуток
милая старушка.

Ты печаль свою уйми –
жизнь играет нами.
Были мы с тобой детьми –
стали стариками.

1983

АДИЛЬГЕРИЙ СОТТАЕВ

Судьба его и гнула, и ломала –
вела в разведку и в смертельный бой,
она его безжалостно бросала
в сибирский холод, в азиатский зной.

Он видел умирающее солнце
на острие конвойного штыка,
и слышал, как в бессильной злобе бьется
век-волкодав на поводке вождя.

Он вынес все. Не помышлял о славе,
когда вступался за родной народ.
Балкарию он мужеством прославил –
вовсеки эта слава не умрет.

2020

ИЗ ИБРАГИМА БАБАЕВА

ВДОХНОВЕНИЕ

Федерико Гарсиа Лорке

О время, время! Потрясен тобой.
Как беспощадно всех сиротишь ты.
В огне войны поля пшеницы золотой,
А ты над озером несешь свои дожди.

Я горевал, как в самый горький час –
Так вдохновение ко мне сошло,
То словно тур по острым скалам мчась,
То как звезда, сорвавшись вниз, неслоьсь.

И ночью вдохновение с небес
Являлось, чтоб приветствовать строкой,
И будто борозда, что мой вспахал отец,
Вдруг радугой рождалось над рекой.

2018

(Перевод с балкарского)

Амир МАКОЕВ

Амир Макоев является постоянным автором журнала «ЛКБ». Кроме того, он регулярно публикуется в различных литературно-художественных и публицистических журналах России. На сегодняшний день он автор двух книг прозы: «В ожидании смысла» и «Возвращенное небо». В республиканском издательстве «Эльбрус» готовится к печати его третья книга под названием «Буйволиная тропа». Предлагаем вашему вниманию несколько рассказов из этого сборника.

СЕРЕБРЯНЫЙ БРЕГЕТ

Несмотря на позднее время, телефон зазвонил настойчиво, требуя незамедлительного ответа. На звонки никто не отзывался, а я, полусонный, тупо отсчитывал тревожные сигналы: три... четыре... пять... семь... Звонки прекратились на восьмом.

Мне было восемь лет, и это случайное совпадение ненадолго отвлекло меня от желания снова уснуть. Тут я вспомнил, что отец на дежурстве, и стало почему-то интересно: это мама подошла к телефону, или звонки прекратились сами собой? В спальне родителей они не так хорошо слышны, как в моей комнате. Оказалось, трубку взяла мама.

Мне почудилось, будто мелодия звонка, только что нервно носившаяся по комнате, застыла на мгновение в воздухе и внезапно посыпалась на деревянный пол ледяными осколками. На меня даже дохнуло холодком, и я посмотрел вниз, не сомневаясь, что увижу разлетевшиеся льдинки. Что это – продолжение сна, в котором я ел мороженое, или чудеса из вечернего мультфильма?

Тихим голосом мама что-то ответила, а потом замолкла, вероятно, слушая человека на другом конце провода. Я не мог отчетливо разобрать её слов, шумел ветер и с угрозой хлопал створками моего окна. Мне б его закрыть, а ещё убрать со стола трехлитровый баллон с ветками любимой сирени, чтобы его не повалило, но неодолимая нега потянула обратно в сон.

Мама бросила трубку на рычажки и, как потом выяснилось, вырвала разъем телефонного провода из гнезда. Я понимал: происходит что-то очень неприятное для мамы, но мои веки смыкала сладкая усталость, и я тут же уснул.

Возможно, через минуту, а может, через час, я проснулся от того, что мама толкнула меня в плечо. Она сделала это грубо, не рас-

считав силы, – так со мной не обращались никогда. Какое-то время реальность ее слов: «Вставай, пошли со мной!» – боролась во мне с не менее реальной картиной раннего утра на берегу озера, где мы с отцом в этот момент ловили рыбу.

После повторного приказания: «Одевайся, я сказала, идем со мной!» – поверхность озера пошла зловещей рябью, под резиновыми сапогами отца, стоявшего по колено в воде, поднялся густой ил, – и я открыл глаза. Я лежал ещё минуту, тяжело возвращаясь в обстановку своей комнаты и сожалея о прерванной рыбалке.

Мама была уже одета. Через открытую дверь родительской спальни я видел, как она что-то доставала из черной сумочки и нерешительно возвращала обратно. Руки её дрожали, подрагивали плечи, она всхлипывала. Я же ничего не понимал, в голове пульсировало только её повеление: одеваться и следовать за ней.

Я надел шорты, взял футболку и, натягивая ее на ходу, в темной прихожей ногой нащупал кеды.

– Ты можешь быстрее? Сколько можно завязывать шнурки? – снова прозвучал мамин голос, хотя я только что дотронулся до шнурков.

Когда мы вышли со двора, боковой ветер так сильно по нам ударил, что мама качнулась в сторону и наступила на мою ногу. Я вскрикнул, но она не заметила своей неосторожности. Ветер трепал подол её платья, распахивал кофту, и она одеревеневшими пальцами нервно вставляла пуговицы в прорезные петли. Затем, борясь с воздушным потоком, она закрыла металлическую дверь ворот, и мы пошли.

На пустынных улицах темень, освещения нет ни в домах, ни на фонарных столбах – перед бурей в поселке всегда отключали электричество. На такие случаи у всех были керосиновые лампы, но в тот час ни в одном окне не было видно света. «Значит, – подумал я, – время позднее и люди давно спят», – после пробуждения это была первая мысль, осознанная мною отчетливо. За ней последовала другая, она была о том, что мои одноклассники давно спят в теплой постели и видят сны, а мне что за наказание идти сейчас по ночному поселку.

Ветер швырял в лицо зернистую пыль, мелкий мусор и листья. В конце квартала с кровли углового дома он вырвал металлической лист и поднял вверх, покружил его и с грохотом бросил в кирпичную стену шагах в трех от мамы и меня. Попади тот лист в нас – нам бы несдобровать, а то и вовсе бы покалечил. Но мама, казалось, и тут ничего не заметила, она быстро шла в своих коричневых калошах с зелеными утятами на носу.

– Не отставай, – раздраженно говорила она. – Что ты плетешься? Дай руку!

Она резко схватила мою руку и потащила за собой. Я вынужден был прибавить шаг, но и тогда поспевал за ней с трудом. Мама была

напряжена, её гнали вперед мысли, о которых я ничего не знал. Она так сильно сжимала мою руку, что я вскрикивал, говорил ей, как мне больно. Она ослабляла хват лишь на несколько секунд, а потом, забываясь, сдавливала руку ещё сильнее, до невыносимой боли.

На улицах не было ни машин, ни мотоциклов, ни одного живого существа, как будто мы с мамой остались одни на всем свете. Время от времени сверкала молния, и я видел перед собой острые камешки, ржавый гвоздь, пуговицу от мундира, остатки лопнувшего шарика, а между стебельками трав на обочине дороги, мне казалось, вижу спрятавшихся муравьев. Мне становилось страшно, ведь на пути мы встречали деревья, от которых ветер отломал довольно массивные ветви, где-то лежали оборванные провода, сорванные антенны, поваленные изгороди – начиналась буря.

Мы пошли коротким путем – через больницу – и оказались у парка. Дом пионеров, где отец подрабатывал сторожем, находился на противоположной стороне. «Неужели мы войдем в парк?» – со страхом подумал я, увидев, что мы направляемся ко входу.

Ветер усиливался, а парк пугающе зиял, растворив очертания деревьев. Слышно было, как там, в глубине, они стонали от боли – так мне тогда казалось, – они как будто кричали человеческими голосами и срывали с себя листья. Должно быть, в восемь лет мне и впрямь деревья представлялись живыми, тем более в такую необычную ночь.

В парк мы вошли сходу, не мешкая даже у калитки, не смутило маму и повалившееся в тот момент дерево у боковой грунтовой аллеи. Мы пошли по аллее более широкой – асфальтовой, с двух сторон обсаженной тесными рядами каштана и липы. Я их хорошо знал потому, что парк граничил с нашей школой, и мы часто в нем играли. Но в ту ночь парк был совсем не тот, что в другие дни, я его не узнавал. Мне чудилось, что деревья склоняются из стороны в сторону только лишь для того, чтобы схватить нас и утащить наверх в густые заросли. Теперь я шел быстро, иногда опережая маму и стараясь к ней прижаться.

Вскоре мы миновали летний кинотеатр и подошли к месту работы отца. Здание это чернело на огороженном штакетником участке, оно было погружено во мрак, как складское помещение и котельная. Ни единого источника света, даже какой-нибудь зажженной свечечки или фонарика, который отец всегда держал при себе на дежурстве, не было заметно в окнах.

Мама дернула входную дверь, – разумеется, она была заперта, – а потом стала стучать в нее, насколько есть силы в её слабой руке. Но отец двери не открыл. Гул стоял такой, что внутри наверняка не были слышны её слабые удары. Так, вероятно, подумала и мама, потому что она пошла вокруг – стучать по всем окнам подряд. Но и тогда отец не отозвался.

Я словно видел, как в её глазах собираются слезы, мне было очень её жаль, но я не хотел, чтобы они встретились с отцом. Я тогда не понимал, что между ними происходило, но точно знал, что ничего хорошего не выйдет из того, если он откроет дверь.

Мама повторно обошла здание, стуча по окнам, и вернулась к входной двери. Она сильно прижала меня к себе, и так мы простояли несколько минут. Холодные на ветру её слезы падали мне в основание шеи и катились по вздрагивающей каждый раз моей разгоряченной спине.

Мы возвращались домой по тому же пути, но страха у меня уже не было. Я думал только об одном: скорее добраться до теплой постели и заснуть. А когда мы проходили парк и в очередной раз сверкнула молния, я с такой отчетливостью разглядел деревья, что почувствовал какое-то с ними родство, открыл в них такую же, как у меня, испуганную и трепетную душу.

На улицах стоял всё тот же гул: из свиста ветра, шума листвы, воя электропроводов и резкого звука шифера и черепиц, падающих с крыш домов, флигелей и сараев. На одном из перекрестков мама остановилась и велела мне идти вперед. Я перешел дорогу и повернулся. Я увидел, как мама что-то достала из накладного кармана кофты, уронила перед собой и, словно сожалея о своем поступке, осторожно наступила. Но затем стала над тем предметом крутить ногою все увереннее и с большим нажимом. Так она стояла, наверное, минут пять, а то и больше, пока я не позвал ее. Казалось, только тогда мама вспомнила обо мне и о том, что надо идти домой. Мама пошла ко мне неторопливым шагом. Она могла бы показаться совершенно спокойной, если бы не прерывистое дыхание, какое бывает у детей, когда, наплакавшись, они долго ещё вздрагивают, не умея остановиться.

Зайдя в дом, мы обнаружили в моей комнате разбитую банку, на мокром полу лежали ветки сирени с осколками стекла, похожими на льдинки. Мама, не проронив ни слова, быстро всё прибрала и пошла к себе. Я, не думая ни о чем, лег и сейчас же уснул.

Странно – вот что значит ребенок, – я не вспоминал об этом случае ни на другой день, ни через год, а только много лет спустя, через тридцать один год, в последний день моего отца. Врач попросил его, исполосованного операцией, повернуться на другой бок. Он, силясь выполнить его просьбу, поднял руку и попытался ухватиться за какие-нибудь поручни – ведь должны же были такие поручни быть над кроватью такого больного? Отец сделал это машинально – он несколько раз хватал воздух ослабевшей рукой, а мы стояли оцепеневшие, не пытаясь ему помочь. Это длилось всего несколько коротких секунд, но и этого достаточно, чтобы казнить себя за такую оплошность всю оставшуюся жизнь. Так или иначе – ни я, ни доктор, ни медсестра, – мы не сразу ему помогли.

Именно в эти несколько секунд я вспомнил наш ночной поход на работу отца. Еще вспомнил давние разговоры о каком-то серебряном брегете, женских часах, которые якобы мама потеряла на какой-то свадьбе, и это было предметом нескончаемых над ней насмешек. «Эх ты, – говорил отец, – сняли с руки, подумать только! Хотя, скорее всего, сама по ротозейству обронила. А кто-то подобрал. Разве сожжется теперь? Да никогда в жизни! Такую вещь заполучил!». Мама при этом смущенно грустнела.

Эти часы предложили отцу взамен недостающей суммы за какой-то артельный товар, который он возил в закавказские республики. Он долгое время работал водителем автолавки на дальних рейсах. Почему он согласился взять такую дорогую вещь при довольно скромном их существовании? Неужели обрадовать жену ценным подарком – швейцарскими часами? Кто в те времена оценил бы их в рабочем поселке, к тому же на руке неприметной сестры-хозяйки, и какое движение души подвигло его на это? Было ли желание приобрести их осознанным решением или то было случайным порывом, наваждением?

Неужели до рождения нас, их детей, в них жила настоящая любовь? Если да, то какая она была в своем проявлении? И кто сделал тот ночной звонок, навсегда вселив сомнение в мою мать, а в отца недоумение, когда он почувствовал её отчужденность? Как теперь свести воедино тяжелый шлейф воспоминаний и отыскать в них хоть какой-нибудь островок счастья, который позволил им прожить вместе до конца их жизней?

Но ничего не связывается и не отыскивается этот островок – за кладбищенской оградой недалеко друг от друга стоят две скромные могилки. И теперь, по окончании их земной жизни, я напрасно силюсь восстановить чувственные миры отца и матери, так мне сейчас необходимые. Где-то я заблудился и пошел по дороге, мне не предназначенной. В том месте я был отлучен от лона счастья и навсегда потерял скудные сведения о земной любви. Я перестал получать силу, которая должна была меня привести к сокровенным тайнам вселенной – я всегда в это верил. И как же долго я искал свой потерянный рай, как сиротски грелся у людских сердец в надежде, что их откроют и меня приютят, с какой наивностью я подносил к чужим очагам небесный жар своей души.

Мне бы вернуться к истокам, отмерить заново пройденный путь, с каждым шагом неутолимо впитывая родительскую любовь, с которой они впервые поставили меня на землю. Я вновь и вновь прокручиваю заезженную историю моей жизни, но всякий раз в одном месте трескается мой счастливый круглый мир и осыпается ледяными осколками в бездонное звездное небо подо мной.

БУЙВОЛИНАЯ ТРОПА

Буйволица пила воду из ручья. Я находился на другом берегу, но видел её отчетливо, как будто она стояла передо мной. Мне чудилось, что она касалась меня ноздрями. Способность разглядывать предметы в темноте появилась у меня, видимо, из-за агонии моего распадающегося организма. Я наблюдал, как буйволица звучно втягивала в себя прохладную воду, как вода вкусно клокотала в ее глотке, перетекала по пищеводу в горячий желудок, а оттуда благостно расходилась по всему ее могучему телу. Она смотрела на меня, изучая по-человечески: кто я, как здесь оказался, не опасен ли ей? Впрочем, едва ли она опасалась умирающего человека, у которого только в глазах теплилась хоть какая-то жизнь.

Я лежал в траве, взмокшей от ночной прохлады. Правая моя рука покачивалась в прибывающей воде, левая в момент падения застряла где-то подо мной, и я её совсем не чувствовал. Ног тоже не ощущал – всё равно, что их не было. Я не помнил, сколько дней и ночей здесь пролежал, не знал истинного состояния своего организма. Знал только, что душа моя опустошена прежней непутевой моей жизнью и сейчас обреченно летает во мне рваным облачком, стремясь окончательно раствориться, а тело только лишь следует её самоубийственному акту. Похоже, так оно и было, потому что в сражениях я не участвовал, никто меня не преследовал, я не убит, не помню, чтобы подвергался насилию за какие-то прегрешения – положение, в котором я находился, видимо, было следствием всей моей бессмысленной жизни.

Что со мною происходит, где я и почему оказался именно здесь? Сон ли это, или уже смерть? И сколько будет светиться во мне это промежуточное сознание? Ни на один из этих вопросов я не мог ответить, потому что со мной ничего подобного никогда не случалось.

Как бы то ни было, я умирал. Откуда-то я знал, что за мною поле, и поле это усеяно такими же несчастными, как и я. Каждую ночь их терзают дикие звери, я слышу крики этих людей и рык свирепых хищников. Недавно эти убийцы подходили и ко мне: обнюхали, потыкали носами и ушли. Должно быть, положение мое совсем худо, если даже они не стали употреблять меня в пищу. В самом деле, та моя часть, которая соприкасалась с землей, начала разлагаться, я чувствовал, как подо мною уже орудуют черви, поглощая некогда любимое мною тело. И теперь я настолько был равнодушен к своей участи, что не испытывал ни желания бороться за свою жизнь, ни сожаления о несбывшихся мечтах, а хотел только одного – скорого конца. С этим я, видимо, и впал в бессознательное состояние, как это бывало со мной не раз в последние дни.

В забытии я слышал журчание ручья, время от времени переходящее в девичье воркование. Нежный голос то ли говорил со мной, то ли пел о чем-то своем, несомненно – он был реальный и принадлежал конкретному человеку. Я подумал: до чего же прекрасен этот женский голос, до чего прекрасны все женские голоса, и как был я глуп и расточителен, что не вслушивался в них до полноты своего сердца, когда находился среди людей. И как жестоко моё положение, когда я вынужден жадно ловить эти сладкие звуки, не имея возможности прикоснуться к обладателю этого голоса или хотя бы увидеть. Возможно, из глаз моих выступила пара слезинок. Мне вдруг захотелось любви и женской ласки.

В этот момент я услышал «Эй!» и почувствовал легкий толчок в плечо. Я не сразу открыл глаза, и тогда по мне постучали ещё и ещё – уже настойчивее, с более решительным «Эй, ты!». Выступившие слезинки позволили мне разомкнуть присохшие друг к другу веки. Надо мной стояла девушка и пыталась поймать мой рассеянный взгляд. Какое-то время я равнодушно разглядывал её расшитый золотом кафтан, богатый серебряный пояс, красные сафьяновые чуваки. Это была черкешенка. Волосы сплетены в одну длинную косу, овальное личико, на щечках ямочки, над пристально смотрящими на меня глазами – густые брови. «По всей видимости, молодая княжна», – подумал я.

– Пойдем со мной, – сказала она. – Слышишь? Вставай!

– Красавица... если б я мог... идти... не лежал бы... здесь», – ответил я, с трудом открывая ссохшийся рот.

– Что? Говори громче, я тебя плохо слышу. А ты попробуй встать! И ступай за мной! – теперь она приказывала мне, и её простодушие тронуло мое сердце. Я даже попытался улыбнуться, с болью раздвигая потрескавшиеся губы.

С минуту мы молчали, оба прислушиваясь к налетевшему на прибрежные деревья ветру. Я собирался с силами, чтобы говорить с нею.

– И куда же? – спросил я, наконец.

– Что ты шепчешь? Эх, ты! Разве черкесский мужчина спрашивает: куда? – возмутилась она и, наклонившись надо мной, безжалостно вонзила в мою руку острую палочку, точно проверяя, осталась ли в ней жизнь.

Нет, не я, а весь остаток моих сил, эта маленькая раздробленная армия, которая давно мне не подчинялась, живо отозвалась на призыв прекрасной черкешенки – мои суставы задвигались, напряглись в попытке подняться. Сначала я подтянул к себе правую руку, сделал ее опорной и, упершись лбом в землю, приподнялся. Оказывается, ноги не отмерли совершенно, нашлась и левая рука, правда, сильно затекшая. Затем я встал на колени и медленно вытянулся во весь

рост, борясь с головокружением. Я простоял с минуту, пока оно не прекратилось. Я огляделся, спросил:

– А где же ручей? Здесь только что протекала вода.

– А я его выпила. Весь выпила! – был ответ. И девушка игриво засмеялась.

Как только она это сказала, во рту у меня пересохло, и я мучительно захотел пить.

Больше не говоря ни слова, она пошла через сухое русло, а я последовал за ней, удивляясь тому, откуда у меня, умирающего человека, нашлись силы.

– А ты почему там лежал? – спросила она.

– А что мне было делать, если я сражен!

– Ты воин? Был ранен?

– Нет, я просто проиграл всё, что мог.

– Проиграл?

– Не в этом смысле... Я оступился. Ну, в жизни. Не знаю, как тебе точнее сказать.

– А ты расскажи. Время у нас есть, далеко идти.

– Только не так быстро. Я с трудом переставляю ноги... Видишь ли, я перестал понимать всё, что со мною происходит. Затворился в себе и никого не замечал, не хотел замечать. Правильнее сказать: захлопнулся. Это как оказаться в заточении за дверью, которая захлопнулась по твоей неосторожности. За огромной железной дверью в подzemелье. Понимаешь? И я отчаялся.

– Как интересно рассказываешь.

– Ничего интересного.

– Значит, мы правильно идем.

– А куда мы идем? Ты можешь, наконец, сказать? Может, я не хочу туда. Мне трудно идти.

– Ты же сказал, что отчаялся? Разве тебе не о чем попросить?

– Попросить? Кого? Зачем?

– Идем, идем. Я знаю, куда тебя нужно отвести.

Мы подошли к густо заросшему лесу. Она раздвинула ближайшие ветви и нырнула под них, приглашая идти за ней след в след.

– Это еще что? Где это мы? – спросил я, оказавшись в непроглядном лесу.

Только костюм девушки освещал нам дорогу: светились вышитые узоры на ее рукавах, светились нагрудные застёжки, вдетые в литые серебряные петли, светился пояс.

– Это священный лес. Не сбивайся с дороги. Мы называем ее буйволиной тропой.

– Не знал, что буйволы ходят тропами? Здесь не то что буйволу – козе будет тесновато.

– А мы ходим. Всё наше село здесь ходит.

– Ходите вы, значит. А тропа-то и не протоптана вовсе. Что-то, девочка, ты темнишь. Хотя... ладно уж, веди. Я знал, что не дадите мне спокойно умереть.

– Умереть, умереть – только и знаешь это слово. Не произноси его больше!

Вдруг неподалеку от нас прозвучал леденящий душу рык неизвестного зверя.

– А тебе не страшно ночью ходить по лесу? – спросил я, с трудом сохраняя мужество. И подумал: я только что хотел умереть, а теперь опасаясь дикого зверя. И девушку эту, что завела меня в лесную чащу, – тоже боюсь.

– Мне не страшно. Я счастливая, потому и не боюсь никого. В селе меня так и называют – счастливая. У нас говорят: только счастливый может сделать другого счастливым. А отец говорит: никогда не водись с теми, в ком нет счастья.

– Отец твой прав. Несчастливого едят черви еще живого, и он всю смердит, сам того не замечая.

– Но ты же заметил? Может, тебя еще не поздно спасти.

– Ты, девочка, слушайся отца: не того ты решила осчастливить. Не водись со мной. Куда ты меня ведешь?

– Много говоришь. Лучше подумай, о чем будешь просить. Осторожно – ветка. Надо заранее подготовиться. Там все очень быстро происходит.

– Где – там? Ты все загадками говоришь. Не жалко тебе меня мучить?

– Придем на место – сам все увидишь. Только вспомни хорошенько, чего тебе не хватает для счастья. Всё-всё-всё вспомни. Важно ничего не забыть. Другого раза не будет.

– Могу хоть сейчас всё перечесть.

– Мне не нужно, там скажешь. Скоро наше село. Уговор: когда будем идти через него, ты ни с кем не заговаривай, не тревожь никого. Молчание, понял?

– Как не понять. По мне лишь бы меня не трогали.

– Мы должны пройти к священному месту, оно находится выше, за селом. Мне несдобровать, если узнают, что привела туда чужака.

– Не переживай, я буду нем.

– И что, ты придумал, о чём будешь просить?

– Мне и придумывать не нужно. Я знаю, за что меня будут уважать люди. И любить. То есть чем мне нужно обладать, чтобы мною восхищались. Это несложно. Все люди одинаковые. О том и попрошу.

– Ты точно это знаешь? Чтобы тебя любили, уважали... восхищались! Уверен? Значит, ты – как все?

– Я там как-нибудь сам разберусь, а ты бы осторожнее с ветками – всего меня исхлестала.

– Как знаешь.

Выйдя из леса, мы попали в зиму: на полях лежал снег, река поблизости стояла замерзшая. А я в изорванных рубашке и брюках, ноги босы. Но иду, не чувствуя холода. Впереди, на заснеженном холме, и в самом деле светились огни какого-то селения. Вскоре мы вошли в него.

– Не забудь, о чем я предупредила, – напомнила она.

– Не волнуйся, мне теперь не до общения с людьми.

Мы пошли по единственной улице селения, не приближаясь к низким турлучным домам с кровлей из крупного камыша. По обеим сторонам находились люди, образуя небольшие группы, вероятно, из близких соседей. Несмотря на поздний час, вокруг бегали дети. В котлах мужчины варили мясо, а женщины под открытым беззвездным небом накрывали столы. За теми столами восседали люди в белых светящихся саванах. Во дворах можно было увидеть стволы боярышника, каждый из которых был с семьей ветками, а на них по одной восковой свече. Странно, действия людей происходили в полном молчании: я не слышал ни единого звука, точно смотрел немой фильм. От их дыхания не исходил пар, и костры не давали дыма. Мне не терпелось спросить свою спутницу, почему я не слышу их голосов, производимого ими шума, не вижу дыма от костров, и что это за люди в белых саванах – не предки ли они хозяев этих домов? – но держал данное ей обещание, смутно догадываясь, что молчать в моих же интересах. Когда мы равнялись с людьми, они кивком головы приветствовали молодую княжну, сохраняя на своих лицах спокойно-печальное, я бы даже сказал, задумчивое выражение. На меня же никто не обращал внимания, будто для них меня не существовало. Как только мы миновали их, они, словно тени нарисованных картинок на невидимой стене, уносились за наши спины и исчезали во тьме. Так нас встречали и провожали люди и у других домов, пока мы не покинули селение. «Призраки, – утвердился я в своей догадке. – Их, видимо, давно уже нет в живых. А за столами они, наверное, угощают своих мертвецов». Но спутнице своей ничего про это не сказал: кто знает, чем для меня это может обернуться? С каждым шагом мое тело крепло, живот и грудь, проеденные червями, заживали, и у меня пропало желание умирать. Не очень-то мне хотелось в чем-то провиниться и разрушить план моего спасения, если он на самом деле существовал в красивой головке моей спутницы.

– Нам вон туда, – сказала она, указывая на небольшую скалистую возвышенность. – Видишь вход в пещеру?

Я увидел в массиве горы, у самого ее подножья, узкий черный вход. По мере приближения к ней, все более отчетливо прояснялся серебристый луч, спускающийся с неба прямо на вершину горы.

– Вот мы и пришли, – сказала она. – Тебе заходить. А мне туда нельзя. Там, под сводчатым потолком, лежит большой камень. Надо встать между этим камнем и наклонной стеной. В это место сверху падает луч через отверстие в вершине горы – не заблудишься. Там есть куда прислонить спину – как встанешь, так сразу спина окажется в выемке. На камень упрёшься грудью, руки разведёшь в стороны и положишь на предназначенные места – там есть выемки и для ладоней. Получится так: ты будешь полулежать на камне с распротертыми руками. Между стеной и камнем пространство узкое, но ты пролезай без страха – камень сам будет двигаться и поможет тебе правильно встать, он живой. Вот когда найдёшь удобное положение, крепко подумай о своих желаниях, мысленно их произнеси. Ты увидишь их и поймёшь, как этого достичь. И всё сбудется. Только помни: ты увидишь, а потом исполнится только то, в чём ты больше всего нуждаешься, а не всякая там ерунда. В чем нуждаешься – понимаешь?

Вот оно как, подумал я. Как дошли до места, так сразу изменились условия выдачи мне даров. А ведь было обещано, что исполнятся все мои желания. И что это за выемки для спины и рук? Что за странное положение, которое я должен принять? К чему всё это? И что за движущийся камень? А не придавит ли он меня в решающий момент? Может, это у них такой изошренный способ уничтожать чужаков? И окажусь я в белом саване за одним из тех столов. Не попал ли я в западню? Знал же, что не дадут мне легко умереть. Но будь что будет – выбора у меня всё равно никакого, я даже не знаю, как самостоятельно выбраться из этих мест. Да и вряд ли отсюда есть выход. А с другой стороны, стали бы они меня спасать, если намеревались придавить как лягушонка? Нет, конечно. Что это я в самом деле?! По всему видно: молодая княжна не хочет мне зла, и я напрасно ей не доверяю. А что если здесь и вправду сбываются желания, ведь я уже ею спасен чудесным образом, так почему не может оказаться правдой то, что на этой горе можно исправить свою судьбу? Эта мысль прибавила мне решительности.

Не говоря ни слова, я вхожу в расщелину и оказываюсь в полутемной пещерной зале со сводчатыми стенами и потолком. Вот и камень. Нужно встать между ним и наклоненной к нему стеной. Как и говорила княжна, здесь тесновато: грудь проходит с трудом, а голова совсем не помещается. Видимо, сюда нужно протискивать грудь и голову одновременно, пустив подбородок вперед. Да, получилось! Спина тоже, кажется, нашла свое место. Голову теперь, наверное, можно поставить прямо – пространство позволяет – и смотреть прямо, на камне есть выемка для подбородка. Остались руки. Руки нужно развести в разные стороны и положить – а куда и как их класть? – вот же, с обеих сторон нащупываю что-то похожее на формы для

пальцев и ладоней. Вроде я исправно выдержал все условия и доволен собою, хотя и чувствую нарастающую тревогу. Теперь мне, вероятно, следует приступить к главному: сосредоточиться на том, в чём я нуждаюсь больше всего, и да свершится воля провидения.

Итак, чего же мне просить? Я судорожно перебираю те блага, в которых нуждаюсь для счастливой жизни. Пусть мне завидуют – у меня будет всё, чем люди так дорожат, ради чего они растрачивают свои бесценные жизни: предаются, угождают, лгут, лицемерят, изменяют, идут на преступления. Что ж, я готов просить без смущения, пусть только мне всего выдадут сполна! Я настрадался и хочу утешительных даров!.. Но что это? Ничего не вспоминается, напрасно я хвалился перед княжной, что могу перечесть ей все свои желания – я вдруг их забыл! Собственно, чего тут мудрить: я хочу безграничной власти, денег без счета и восхищения женщин – последнее это то, без чего бы я не хотел жить, а без первых двух едва ли мне женщины окажут должное внимание. Эти мысли я напряженно держу на пороге сознания, чтобы они были, что называется, на переднем плане в самый ответственный момент.

В эту минуту камень двинулся, доказывая, что он и в самом деле живой. Он так сильно придавил меня к стене, что я на мгновение вернулся к мысли: мне не дадут спокойно умереть, и конец мой будет самым мучительным. Я вдруг подумал о случайности всей моей жизни, об отсутствии в ней достойных ценностей, об абсурдности всего, в чём я участвую. А именно: эта буйволица, пьющая воду из ручья, молодая княжна, заросшая тропа, по которому якобы ходит она и все странное черкесское селение, а главное, этот совершенно нелепый камень для принесения счастья, который возможен только во сне человека с воспаленным воображением. Стоило мне, полудохлому, плестись в такую даль, чтобы перед смертью пережить злую насмешку? И снова я захотел скорого конца – без мучений, без заигрывания, без обещаний.

Но вот камень хрустнул и, мне кажется, пошел чуть вперед, – впрочем, не могу ручаться, что он вообще куда-то двинулся, – и я впервые за всю мою жизнь ощутил невероятную легкость. Вдруг передо мной вспыхнул яркий свет, он пришел неизвестно откуда – то ли сверху, то ли отовсюду сразу – и ослепил меня до головокружения. Передо мной появились диковинные картины, не чередуясь друг с другом, а одновременно. И видел я недра земные со всеми богатствами, огнями и водами, живыми пульсирующими источниками энергий, тайнами погребенных миров, разглядел подводные царства морей и океанов, мне открылись недоступные человеческому глазу их неосвоенные глубокие просторы. Я стал различать неисчислимое количество цветов и запахов, прикоснулся светом своего сердца ко

всем народам мира и нашел в них одну только благостную красоту, а в каждом человеке встретил неподдельную ко мне любовь. Я взмыл до космических глубин и вернулся, едва удерживая рвущуюся наружу свою душу, узнав, что совесть моя есть единственное мерило окружающего мира. Я смог обозреть всю величину своего рода от самого его основания до себя и поразился, обнаружив, что я единственный, кто является венцом его и надеждой, тогда как позволил себе расслабиться и упасть. Я удивился минувшим эпохам и восхитился грядущим временам: земля и небо, прошлое и будущее, миры – видимые и невидимые – соединились в моем сознании без времени и границ, и понял я, что сущее во вселенной едино, всё из одной утробы исходит и в одну утробу возвращается. Возликовал я тогда без меры, почувствовав в мгновение этой вспышки, что жизнь свою – какая бы она ни была и что бы меня ни ожидало – люблю и принимаю с любовью и чистым сердцем. И не в силах сдержать в себе это открытие, я с восторгом крикнул в окружающий меня бездонный мир, разрывая цепкие объятия этого странного и мучительного сна.

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ

Каждый раз, когда меня ожидала поездка в бабушкину усадьбу, мир делился надвое: прежний, в котором я жил с прошлого лета, уходил без сожаления, а новый – наполнялся играми с сельскими ребятами, живописными пейзажами, пьянящим запахом фруктовых садов и гирляндами ночных сновидений.

Мне очень нравилась сельская жизнь: ходить за коровой и овцами, кормить птиц, подолгу пропадать в зарослях заброшенного бабушкиного сада. Он граничил с кладбищем и был от него отделен только рядом акаций, кустами сирени, шиповника и боярышника. Мы с ребятами делали в них лазейки и проникали на кладбище, когда хотели собрать ягод и фруктов, которых там было большое разнообразие. Мы без смущения ходили среди могил, и, надо сказать, тогда они не вызывали того зловещего страха, который станут нагонять на нас в более поздние годы.

Бывало, мы участвовали в мероприятиях взаимопомощи, когда вся улица помогала какой-нибудь семье в строительстве дома. Наравне с взрослыми мы приготавливали саманные кирпичи: привозили на телегах глину, навоз, солому, воду – и мешали всё это верхом на лошадях, затем готовую массу укладывали в формы для сушки. Ну и, конечно, после работы нам позволяли купать в реке лошадей – ради этого мы, собственно, и трудились.

Мне также нравился полуденный отдых в прохладном доме со ставнями на окнах и нехитрая крестьянская еда: это были овощи, курятина, яичница с сыром, но в основном в течение дня мы обходились большим ломтем домашнего хлеба со сметаной, посыпанный сахаром. Ближе к вечеру мы начинали играть – так самозабвенно, как в селе, мне никогда не приходилось играть в городе. А когда сгущались сумерки, мы собирались на скамейке у какого-нибудь дома и слушали рассказы старших товарищей о ледящих кровь страшных случаях, произошедших в селе в стародавние времена. День был насыщенный, и я, устававший до слипающихся глаз, с удовольствием ожидал прихода ночи. Она собирала все дневные впечатления и тихо уводила в волнующие края детских сновидений.

С приходом лета я так хотел поскорее оказаться в селе, что за неделю до поездки воображал волнующие картины сельской жизни и призывал неведомые силы приблизить день и час долгожданного отъезда.

Было решено: мама после работы отправит меня одного вечерним рейсом, в селе я должен сойти напротив магазина (водителя она предупредит), через две сотни шагов мне следует обогнуть кладбище справа, затем повернуть налево – а там и бабушкина усадьба. Уж второй класс закончил – доберусь как-нибудь.

Мама торопится на похороны, её ждут соседские женщины, она успевает только подвести меня к оранжевому автобусу с названием родного села на табличке, дать денег на проезд и ещё какую-то мелочь на всякий случай. Она передает мои вещи в серой матерчатой сумке с вышитыми на ней фиалками и несколько пряников в кульке, которые я рассовываю по карманам шорт, чтобы не держать в руке. Водитель отсутствует, он ушел в диспетчерскую за ведомостью. У мамы нет времени его дожидаться, а мне велено зайти в салон автобуса, занять место, ну а когда доеду – следовать её наставлениям. Понял? Я согласно киваю, а в душе впервые зарождается горькое сиротское чувство: мне вдруг становится грустно, почему-то хочется плакать, и я не понимаю причины такого моего состояния.

Несмотря на вечернее время, ещё жарко. Я поднимаюсь в салон, сажусь у окна – пассажиров не так много – и тут же пересчитываю мелочь, которую мне дали «на всякий случай». Этот случай сейчас же назревает – я наблюдаю его из окна автобуса: на аллее привокзального сквера продают мороженое. Целую минуту я с трудом отвлекаюсь от этой мысли тем, что сравниваю сумму цифр на нашем автобусе с цифрами на других, но эта минута – самое большее, на что меня хватает. Я украдкой смотрю в сторону здания вокзала, точно водитель имеет право меня наказать за своевольную отлучку, и бегу за мороженым.

Продавщица с единственным деревянным ящиком мороженого вкруговую облеплена страждущими от жары покупателями – не подступиться. Люди взрослые, они или делают вид, что не замечают меня, или и в самом деле признают во мне, слабом мальчишке, конкурента. Я пытаюсь то протиснуться между здоровенных мужчин и женщин, то ныряю им под локти – и мне удается продвинуться значительно, впереди уже мелькает белый халат продавщицы, мне остается только протянуть руку с деньгами, нужно только высвободить её из тисков давящих меня со всех сторон ног. Вот-вот и...

Но каждый раз, когда какой-то счастливчик выбирается наружу с добытыми брикетами, толпа почему-то меня одного выкидывает наружу и плотно смыкает ряды. Карманы моих шорт надорваны, часть пряников на земле и растоптана безжалостным стадом взрослых. Но я повторяю попытку. У этого в правом кармане брюк большая связка ключей, которая больно свербит мне висок. Этот переросток нарочно давит мне в затылок до блеска начищенной бляхой солдатского ремня. Я нагибаю голову и с интересом разглядываю под собой мужские сандалии коричневого цвета – левая была порвана и починена белыми суровыми нитками. А у хозяина сланцев перевязан бинтом большой палец правой ноги. Ещё я вижу два окурка с черным фильтром, много шелухи от семечек подсолнуха, шпилька для волос, чьи-то утепленные осенние туфли, раздавленная помада. Вот кто-то обронил двадцать копеек, но мне до них не дотянуться. Розовые лакированные туфли на каблуках. У этого импортные голубые кеды с белоснежными шнурками – вот везунчик! Рядом галифе, заправленные в кирзовые сапоги – в такую-то жару! Мне трудно дышать, выпрямляюсь, но тут же вынужден отвернуться от подмышек тучной женщины в цветастом платье, снова наклоняю голову для нового штурма и упираюсь в упругий животик рослой старшеклассницы, которая развернулась ко мне, чтобы уйти – в её поднятых вверх руках победные четыре брикета мороженого. Но я невольно преграждаю ей путь, задерживаюсь, качаясь в такт движению толпы, и даже не помышляю облегчить ей проход. Я впервые в жизни обоняю волнительный запах девичьего тела и не желаю, чтобы это быстро кончалось. Но сладкий миг короток – именно старшеклассница решительно выносит меня наружу, и я снова оказываюсь на солнцепеке, прямо на горячем асфальте.

Продавщица объявляет: больше никому не пристраиваться – мороженое заканчивается! В последний раз повторяю попытку, но толпа немилосердна к отбывающему на лето в село юному пассажиру оранжевого автобуса, в котором он оставил свою сумку.

Тут я замечаю, что автобуса моего на стоянке нет, на его месте стоит другой – новенький, зеленого цвета, с табличкой другого

села. Я машинально складываю сумму цифр его номера и сверяю с номерами отсутствующего «оранжевого» – «зеленый» выигрывает. От этого мне становится еще досаднее.

Почему-то заглядываю в салон, там сидят усталые люди с хмурыми лицами, каких я никогда не видел в нашем городке – нет, здесь не может быть моей сумки. Как такое могло случиться – куда делся мой автобус? Более того, нет двух женщин, которые недалеко от автобуса продавали: одна – сыр, другая – черешню. Они исчезли. За ними стояла телега, запряженная мулом, редкость в наших местах, – ни телеги, ни мула нет! На их месте прямо на земле расположилось шумное семейство цыган. Если несколько минут назад напротив «оранжевого» стоял «белый», по сумме цифр совпадающий с ним, то теперь вместо «белого» встал заносчиво роскошный транзитный автобус ярко-красного цвета. Если при маме на посадочных стоянках было всего четыре автобуса, то теперь их шесть, нет, даже семь! По автостанции ходят блистающие нездешней жизнью люди в белых штанах, пестрых юбках, майках, косынках – и все без исключения в черных очках. Кто они, откуда взялись и по какой причине залили наш черно-белый мир яркими красками?

С ближнего базара потянулись торговки с вязаными кофтами, шарфами, шапками и рукавицами к пассажирам большого красивого автобуса – посмотрите, совсем недорого, это будет вам в самый раз. На другом конце станции проезд перекрыл грозный самосвал в паре с автокраном – что они там поднимают?

Как это так быстро всё вокруг изменилось?! Я не узнаю станции, на которую вышел всего несколько минут назад с мамой. Не видно ни одного знакомого предмета или лица, за которые я мог бы зацепиться и восстановить связь с прежним окружением. Куда я теперь пойду, что скажу родным, а главное, как мне теперь искать себя – я вдруг стал здесь чужой и весь мир стал мне чужим.

Для начала нужно отсюда выбраться и найти дорогу домой? И я почему-то направляюсь к красному автобусу – именно за ним на аллее сквера только что стояла продавщица мороженого, а с нею люди, которые не дали мне возможности купить себе один-единственный брикет, на который и хватало у меня денег. Но за автобусом ничего такого уже нет – на том месте стоит мужчина, который, опрокинув свой велосипед, с руганью вставляет слетевшую со звездочки цепь. Как же так, что происходит? Какой-то недоброжелатель стёр с этого места и продавщицу, и других людей, чтобы меня запутать и запугать – в ту минуту я нисколько не сомневался, что надо мною кто-то зло подшучивает. В глазах встают слезы, передо мной расплывается видимый мир, я ничего не вижу, начинаю тихо плакать, но сдерживаю себя, чтобы не разрыдаться на всю территорию автовокзала.

Припоминаю, что там, за цыганами, стоит дерево, а под ним лежит массивный бетонный кирпич – иду садиться на него, потому что ноги дрожат так, что нет мочи куда-либо идти...

Поздно вечером проезжавшие мимо соседи по прибытии домой зашли к матери и спросили, не её ли мальчик сидит под деревом на пустом автовокзале – уж больно похож, хотя с дороги на скорости не очень-то и разглядели. Нет, спокойно ответила мать, сын поехал сегодня к бабушке на всё лето. Но потом забеспокоилась, и они с отцом выехали на нашем мотоцикле с коляской убедиться, что этот мальчик вовсе не я, а мать всю дорогу возмущалась: странные у нас соседи, не могли остановиться и выяснить. Там, на пустынном автовокзале, среди неубранного ещё мусора, в окружении бродячих собак, собравшихся полакомиться остатками человеческой деятельности, под единственным деревом в оцепенении сидел я. Рассказывали, что я ни на кого не реагировал, не отвечал ни на какие вопросы, а тупо молчал, рассеянно глядя по сторонам. Тогда меня просто подняли, посадили в коляску и привезли домой.

В то лето я так в село и не поехал. Мне долго казалось, что тогда домой вернулся не я – какой-то чужой мальчик, а сам я изменился и исчез вместе с тем миром, который на моих глазах преобразился и унёсся в неведомые дали. Во всяком случае, я уже никогда не буду таким, каким был до злополучного происшествия. С того времени в меня вселилась смутная тревога: то ли я стал бояться мира, в котором мне предстояло долго жить, то ли в тот вечерний час, когда должен был отбыть в родное селение, мне странным образом открылись иные пространства, иные времена, иной порядок и смысл существования – в столь юном возрасте такое трудно осознать достаточно отчетливо. Так или иначе, я всю свою дальнейшую жизнь мучительно пытаюсь дать увиденному наиболее точное название и рассказать о том людям, но, к огорчению своему, я не владею ни соответствующими его сложности и глубине языками, ни умением передать его содержание через другие средства. И только, примерно раз в десятилетие, в какую-нибудь беспокойную ночь, когда нездешний ветер рвёт и небо, и землю, когда громы оглушают, а молнии пронзают души неспящих, на какое-то неизмеримо короткое мгновение мне снова открывается тот мир и исчезает, каждый раз оставляя грустную тень в моих глазах и необъяснимое волнение в груди.

ИСЧАДИЕ

Всмотрись в этот сон: разве не так ты воображал удавшуюся жизнь? Во всяком случае, всё происходящее здесь на тебя очень похоже. Вон та самая лужайка перед вашим домом, где ты любил

проводить с ними время: летом – летние игры, зимой – игры зимние. Лужок-то твой был с уклоном, помнишь? Правда, с небольшим. У тебя и уклон пришелся кстати – я про возможность катания на саночках. Впрочем, мог бы и лыжи освоить. Но лыжи ты не любил и детей от них отвадил. Помнится, ты в юности на них расшибся, но обошлось без серьезных увечий. Я всего лишь хочу сказать: тебе везло во всём, а какие-нибудь незначительные и неприятные моменты вроде непослушных лыж можно опустить. Да и причем здесь лыжи? Кто вообще их пропустил в сон? Жаль, что не бывает к снам никакой редакции. Мы часто видим в них приятные картины, но, согласись, вынуждены смотреть и много противного нашим желаниям. Это просто возмутительно, лично я против навязчивости такого рода услуг таинственного механизма сновидений! Не то стал бы я, к примеру, смотреть этот сон? Нет, конечно, и не подумал бы! Извини, потерял мысль, о чем это я?.. Ах да, я просто хотел сказать, что ты был везучим. Впрочем, я повторяюсь, и, кажется, волнуюсь. Оно и понятно: тебе обещали прекрасную – ну как еще скажешь? – сказочную жизнь, а тут...

А ведь ничего не предвещало даже малой облачности. С самого детства у них всё было хорошо: не болеют, все трое прилежные и послушные, ну нет, ты только посмотри, как они на тебе катаются. Одно загляденье! Вот и мать их выглянула из окна – не посмотрится на вас. Красивейшая женщина! Это ли не самое настоящее семейное счастье! Хотя... Послушай, может, я ошибаюсь, но твой старшенький, мне кажется, совсем не соизмеряет силу ударов с пределом допустимого в игре. Ну что значит – не вмешивайся?! Нет, это ты погоди! Ты улыбаешься, это понятно, так, наверное, и должно быть у отцов, но позволь напомнить, что это опасно и может причинить тебе боль. Ведь может? А он тебя совсем не чувствует, ты понимаешь? Повторяю по слогам: не чув-ству-ет! Оять прекрати! Да нет, это с тобой невозможно общаться! Ну вот: не успел я договорить, как он тебе губу разбил головой, с чем и поздравляю!

Но посмотри на младшенького, он стремится во всем подражать брату и сестре. Он взбирается тебе на спину и прыгает на подушки (видела бы мать) так же, как делают это старшие, он перед тем даже смотрит на них и всё в точности повторяет. Ну что с него возьмешь, совсем ведь малыш, главное, чтобы эта склонность к подражанию не осталась у него на всю жизнь. Я помню эти мои слова. Да не издеваюсь я, и вполне адекватно к нему отношусь, ну дай же сказать, в конце концов! Согласись, – я как в воду глядел, – разве не так он повел себя в самый трудный момент твоей жизни, когда ты нуждался в поддержке хотя бы одного родного человека. Но он был как все: как мама, как сестра, как старший брат. С мамой и старшим сыном всё

было и тогда понятно – ну что с них возьмешь? – тут они похожи, одна порода, даже не трудись сверять узоры их душ, совпадение будет идеальным. Да и младшенького за его бесхарактерность тоже трогать не будем. Бог с ним!

Но вот дочь твоя, единственная путеводная твоя звездочка, ради которой ты жил – что с нею стало? Вы разве не были с нею отражением друг друга? Вспомни: у неё даже повадки были такие же, что и у тебя, она с малолетства ела мужскую – папину – еду и даже была верной и надежной сообщницей, с которой ты прокрадывался в кухню в поздние часы, чтобы чего-нибудь этакое перекусить. Тебе нравилась её неизменная солидарность, ты восхищался ею, хвалил перед другими, потому что видел в ней себя. Так что с нею-то произошло? Можешь ли ты сказать хотя бы слово в ее защиту?.. Молчишь? Ты как знаешь, а я никогда не прощу ей того случая, когда смущенный, да что там смущенный – униженный и раздавленный всей своей жизнью! – ты пришел с букетом цветов и коробкой конфет на квартиру, где они жили с мужем, ещё бездетные. И нужно-то было тебе всего лишь одну только минуточку спокойно посмотреть на свою дочь, вспомнить её милые детские годы, поговорить с ней, снова напитаться нежным отцовским чувством и жить хотя бы с одной этой сердечной радостью. Но тебе не дали такой возможности – оказалось, что им скоро уходить на чьи-то именины, и они с тобой говорили, переходя из комнаты в комнату, на ходу одеваясь, и такое у них было недовольство твоим присутствием, что ты не знал, куда деваться и что предпринять. Нет, говорили они нормально, то есть обыкновенно, как говорят с почтальоном или сантехником – грех жаловаться. Правда, она была несколько рассеяна, возможно, чем-то обеспокоена. Покидать их сию же минуту ты посчитал неприличным, в первую очередь неприличным и унижительным для себя, ведь ты какой-никакой, но отец – хотя тебе ли, в твоём ли положении было думать о приличии?! Куда ни шло, если б они торопились, – в том-то и дело, что они передвигались по комнатам медленно, вольно или невольно – как теперь узнаешь? – оскорбляя тебя самым способом общения. Ты это почувствовал – о, как же ты это почувствовал! – и не крушение твоего дела, не распадение семьи, не все остальные неприятности, вместе взятые, по степени горечи даже отдаленно не могли бы сравниться с теми четырнадцатью минутами, проведенными на пороге их гостиной. Знаешь, я бы даже и это ей простил – приму во внимание её рассеянность, – я никогда не прощу ей другое. Проходя мимо, она заметила, что верхняя пуговица твоего серого пиджака пришита вызывающе черными нитками (не серыми, как другие), и эта деталь давно уже равнодушно к себе человека, если не сказать – опустившегося, не могла не кольнуть ей глаза, не могла

не заставить дрогнуть сердце. Она не только не срезала сейчас же пуговицу и не пришила её, как должно, обратно, но и не указала на этот вопиющий факт твоей неряшливости. Если она не подумала о том, какой надлом души пережил отец, что он вот так вот взял и без всякого критического соображения пришил пуговицу нитками другого цвета, и о том ещё не подумала, что он немислимо одинок в этом мире, – то какое же у неё, прости, каменное сердце. И мне безразлично, какие обиды у нее на тебя были.

К чему спрашивать, почему я пропустил главное событие. Ведь я следую сну, пересказываю без отклонений то, что вижу, и скажи спасибо, что в моем изложении эта история, по крайней мере, имеет ясные очертания, хотя и не лишена некоторого моего пристрастия. А возмись я переводить в слова весь этот безмерный океан переживаний действующих лиц, то, боюсь, не нашел бы нужных слов в человеческом языке, чтобы доподлинно передать суть. Знаешь, не стал бы я останавливаться на главном, как ты говоришь, событии, а только сообщил бы: мол, случилось то, что так или иначе случается со всеми деловыми людьми, хотя, может, и не с таким драматическим исходом и не столь разрушительными последствиями. Отсюда – главным является совсем не то, что именно и почему произошло, но как и с чем действующие лица вышли из положения, потребовавшего от них строгого нравственного поведения. Поэтому я только лишь упомяну, что дело твое разрушилось, а почему разрушилось – кому до этого дело? – возможно, не досмотрел, просчитался, нагрязнул кризис, мало ли, вот и пошло все кувырком.

Уютный загородный дом с лужайкой, саночками, бассейном и садом взял и уплыл сизым облаком в другую сказку, примерно в таком же направлении укатили дорогие автомобили и другие атрибуты завидной обеспеченности. Вам, всей семьей, пришлось перебраться в городскую квартиру, ставшую теперь символом провала, чьего-то головопьяства, а то и преступной халатности. Впрочем, никто поначалу на тебя пальцем не показывал, думали, всё скоро поправится, потому что так жить никто не хотел и не собирался. Старшие заканчивали свои институты, а младший только поступил – так что всем требовалась помощь, и ни о каком послаблении для тебя не шло речи.

А у тебя ничего не срасталось, все попытки восстановить дело приносили одни разочарования, вот уж поистине: пришла беда, так... К тому же – ох уж эти квартиры с одной ванной комнатой – вечные из-за нее конфликты. Первый передвинул мыльницу второго, а тот не терпит беспорядка на полке первого, и всегда от него лужа на полу, оба возмущены тем, что она занимает ванную каждый раз на два с половиной часа, а ещё всюду её длинные волосы после мытья головы, ну и тому подобное. Преодолеть трудности стесненного общежития

родным людям оказалось не под силу, начались неотвратимые ссоры, и все начали сходиться в едином мнении, что виной всему ты.

Разве ты не знал, что у тебя мало времени, разве не видел на примере других семей, как в таких случаях тают добрые отношения с женой, с какой мелочи начинаются обиды и упреки, и – о, боже! – чего только тебе не пришлось выслушать в тот период. Это не один или два серьезных разговора, после которых она со слезами на глазах молила бы тебя взять себя в руки, а сама призналась бы в вере в твои силы и вечной своей любви – нет, было ежедневное, с позволения сказать, опускание тебя всякими уничижительными фразами, которые не решусь тебе напоминать. И одному богу известно, что она говорила детям в твое отсутствие. Ты тогда единственный раз в жизни повысил голос, заявив, что человек быстрее вылечится и встанет на ноги после наезда автомобиля, если его станут лечить, а не избивать бейсбольной битой, осуждая за невнимательность на дороге. И замолчал. У тебя, как было сказано, ничего уже не срасталось, а кредиторы донимали семью, и ты решил, сняв квартиру, от них на время отселиться, правда, с полной надеждой, что реализация других проектов вернет тебе любовь и расположение семьи.

Я не знаю, почему у тебя больше ничего не заладилось, ведь все твои начинания были четко продуманы и просчитаны, хотя ты прав, многого в жизни не объяснить. Спросить бы об этом того, кто без конца крутит этот ужасный сон, кто разделил мое сознание надвое, принудив вести этот нескончаемый разговор с самим собой. Хорошо бы у него еще узнать: сколько времени прошло с той поры и где я теперь нахожусь? Что это за освещенная луной горная вершина, и почему я лежу на этой лесной прогалине, где, возможно, тысячи лет не ступала нога человека? Хотя подозреваю, что никакого ответа не последует. Я не слышу голосов и предчувствую, что в долине не осталось ни одной живой души, а все пустые человеческие жилища обвились плющом и заросли сорной травой. Мне же возвращено сознание для того, чтобы я, вероятно, узнал о том, о чем узнали мои родные перед своим исчезновением. Возможно, всех посетила одна и та же мысль: может быть, она была о бренности земной жизни, о чрезмерном пристрастии к вещам преходящим, а еще о том, что никто из них так и не смог никого одарить любовью... Осматриваю себя: грудь разорвана, а в нескольких шагах вижу искусанное человеческими зубами мое сердце. От меня к нему тянется дорожка давно застывшей крови, кем-то второпях присыпанная влажным песком, смешанным с черной комковатой глиной.

Александра ГИРЕНКО

Александра Сергеевна Гиренко родилась 10 декабря 1985 года в г. Прохладный КБАССР. В 2007 году с отличием окончила Пятигорский Государственный лингвистический университет по специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». Работает учителем английского языка в МБОУ СОШ № 4 им. А. Г. Головки г. Прохладного. Публиковалась в газетах «Прохладненские известия», «Мы и Город», «Пятигорская правда», в поэтическом альманахе «Эльбрус». Член городского творческого объединения «Золотое перо».

ПОГРУСТИ ОБО МНЕ

Погрусти обо мне. Послушай вот этот трек –
Я когда-то давно заслушал его до дыр.
Не уходит печаль, струится по руслам рек...
Я тебе опять отправляю ее в эфир.

Подключайся, друже. Я ведь теперь один,
Так один, как давно мечталось – но все не так...
По привычке вдыхаю горький табачный дым –
Вот чего не хватает, такой пустяк.

Посиди со мной, раздели со мной этот мрак,
Да не вздумай снова мучить себя виной.
Я опять уйду до первых лучей утра,
Мне не вынести этот свет, этот звон и зной.

Из бездонной чаши пить мне мою тоску,
Но отпей глоток – и станет не так темно.
Не бери моей ноши, прошу тебя, не рискуй.
Просто хоть иногда смотри по ночам в окно.

ХЛАМ

Мы возились в своем подвале,
Разбирая старинный хлам.
Все, что старшие собирали,
Полагая так нужным нам.

Старый стульчик, кроватка, чайник,
Три поломанных утюга,
Тазик, ржавый чрезвычайно,
Два растоптанных сапога.

А в коробке лежат вповалку
Наших детских времен друзья.
Я нашла тут свою скакалку,
А сестра – своего гуся.

Этой кукле лечила ногу,
Этот зайчик со мною спал...
Нет, и так ужехлама много,
Накопили какой завал!

Все, выносим... А, между прочим,
Этот стол сколотил наш дед.
Он сколочен на диво прочно,
Прослужил бы еще сто лет.

Не извлечь лобовой морали,
Неуместен высокий штиль.
Все, что дедушки собирали,
Внуки снова несут в утиль.

НА КРАЮ ЛУНЫ

Я не знаю, где ты. Быть может, спишь –
Ведь Москва когда-то тоже ложится спать.
А вот я гуляла по кромке крыш,
А потом отправилась полетать.
А теперь сижу на краю луны,
Легкомысленно песни пою, смеюсь –
Помогает, знаешь ли, если грусть
Не на шутку взялась отравлять мне сны.
Я болтаю ногами, грызу зефир –
Это ветер, а не тот, что на килограмм.
Я, ты знаешь, видела целый мир,
Освещенный ярко огнем реклам.
А еще я видела там тебя –
Ты понуро шёл от метро домой.
Если б я успела тебя обнять,

Может, ты сумел бы побыть собой.
Я комета, я потеряла хвост,
Я совсем устала всю жизнь лететь.
И уже не греют осколки звезд,
Даже если долго на них смотреть.
Что я делаю? Пью из бокала сны,
И болтаю ногами, и вижу тьму.
Прилетай. Посидим на краю луны –
Я тебя, как раньше, без слов пойму.

ЗА ЧЕРТОЙ

Когда чаще и чаще в рассеянном взгляде
Станешь видеть тоску без особых причин,
Безнадёжно и ласково волосы гладить
И от вечной бессонницы чем-то лечить,
Обнимать, ощущая безвольное тело,
И сбежавшую душу искать по следам,
И ладонью к щеке прикоснуться несмело,
И разгадывать мысли по сжатым губам.
И уже исступленно листая страницы
Бесконечных стихов, посвящённых другим,
Как и прежде, прощать, не пытаясь добиться
Никаких объяснений, и прятаться в дым
Сигаретный, за день опротивевший просто,
И внезапно поняв, что уже за чертой,
Ты накажешь меня за мое вероломство,
Мой единственный друг, мой последний герой.

ПРИЕЗЖАЙ

*Племяннику и большому другу
Маське посвящается*

Конфетный дождь и клоун-весельчак,
Слоны и дрессированные мыши...
Вдруг стало трудно буквы различать
На яркой и заманчивой афише.

Тебя бы взять за теплую ладонь
И увести на пруд смотреть лягушек,

А на ночь спеть про голубой вагон...
Но голосок во мне звучит все глуше.

Была твоя – и сделалась ничья,
Никто не тянет руку с криком «няня!».
Ты вырос, милый. Знаю. Ну а я
Таскаю леденцы в своем кармане.

На полке твой подарок – добрый гном
И фокусник в смешной потёртой шляпе.
Ты знаешь, хоть и полночь за окном,
Но для меня сегодня снов не хватит.

Ты приезжай скорей, заждался цирк
И парк, и пруд, и кот, и друг твой Ванька.
Наверно, так тоскуют близнецы,
И вот она, большой любви изнанка.

Уходит ночь, по кромкам крыш скользя,
А я не сплю, и пальцы все в чернилах.
Мне без тебя совсем никак нельзя,
И ты уж приезжай скорей, мой милый.

НЕ ТЫ

Я ждала тебя долго. Лет пять или семь.
Ты крутился, как белка в своём колесе.
Я мечтала, как снова тебя обниму –
Для тебя был наш город размером с тюрьму.
Я хотела с тобой по аллеям пройти
И полгорода встретить на нашем пути,
И гордись, говорить: «Он вернулся ко мне,
Долгожданный, любимый, один на земле!»
Ты вернулся. Красивый, одет, как в кино,
И загадочен, будто Ньютона бином.
Что ни слово, то громкая, звонкая медь...
Мне с тобою неловко и рядом сидеть.
И рука твоя держит мою, как тогда,
И слова говорятся: «Всегда... никогда...»
И в лице не узнать ни единой черты.
Как ждала я тебя! Но вернулся – не ты.

ЛОШАДЬ

Сегодня я сказала другу,
Что жизнь моя на цирк похожа:
Я так боюсь бежать по кругу,
И не бежать мне страшно тоже.

Вот дрессировщик на арене,
Наездник, зрители – всё то же.
Устали ноги, морда в пене –
Беги, беги скорее, лошадь.

Тебе же выдали попону
И колокольца, чтоб звенела –
Пока бежишь, тебя не тронут,
Беги, пока не охромела.

ВЕСНА МОЯ

Мне, как в детстве, снятся цветные сны...
В них так ярко: жмурюсь, когда проснусь.
Я хочу увидеть уход зимы,
Я хочу с разбегу влететь в весну,
И вдохнуть не этот холодный, злой
И колючий воздух – как ёж в груди,
А весну, чтоб сделалось вдруг светло
И понятно стало, куда идти.

МАЛЬЧИКИ

Мужчина – самый лучший из мужчин –
В них умирает аккурат в двенадцать.
Тогда умеют просто улыбаться
И не искать для этого причин.

И на деревьях строят шалаши,
И жгут костры, ещё – дымят украдкой,
Изображая взрослые повадки
И будучи детьми – до дна души.

Тогда уходят, крадучись, бродить,
По дальним неизведанным дорогам,
И бдительной родительской тревоге
Не оборвать связующую нить

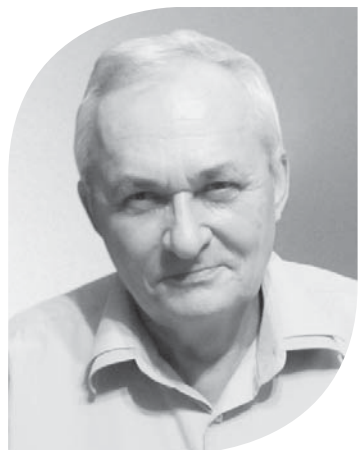

Их крепких дружб и драк до первой крови,
И жгучих слез – последних, может быть.
И ничего, увы, не изменить –
А может, ничего менять не стоит.

СТЕНА

*Стивену Кингу
с вечной благодарностью
за рассказ «Тело»*

Так старательно стену возводишь,
так желаешь, чтоб была она крепкой,
чтобы мимо ни соседний правитель,
ни враги твои в одежде из стали
не проехали кружными путями,
не увидели ни замок, ни земли
и не вызнали, как штурмом взять крепость.
И когда ты наконец-то достроишь,
и отъедешь на неё любоваться,
плющ зелёный, что обвил её камни,
будто плащ, небрежно сброшенный гостем,
станет мил тебе, как небо, как воздух –
тут услышишь за спиной «Здравствуй»...
И как будто в спину болт арбалетный.
И как будто ты опять – мальчик.
И как будто бы тебе сердце
приколачивают гвоздями,
чтобы раненой лягушкой не билось,
и не пачкало бы плащ кровью.
И не дышишь, а она смотрит
И смеется, и её кудри
треплет тот же озорник-ветер,
что играл с твоим плющом утром.
Обернёшься – и в глазах мука,
а она – всё та же, даже красивей.
...А стена... стена осыпалась с треском,
погребая под собой замок,
и тебя, и твое сердце-лягушку,
несмешную заводную игрушку,
немудрящую твою погремушку,
ту, которую она отшвырнула,
наигравшись, назвеневшись, измучив.

Родился в 1949 году в гор. Снежное, Донецкой области (сейчас ДНР), образование средне-техническое (Новочеркасский геолого-разведочный техникум). Работал в разное время геологом, метеорологом, охотником-промысловиком, художником.

В настоящее время проживаю в г. Будённовске Ставропольского края.

Публиковался в журналах «Нева», «Южная Звезда».

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

Далёкий другой берег озера отделялся от воды жёлтой линией суглинка, потом шла ярко-зелёная полоса весенней травы и тёмно-зелёная посадки вдоль трассы. По трассе на фоне неба солидно двигались длинномеры и шустро мотались легковушки. А ещё шевелился, покачивался тростник, рябила вода от слабого ветерка – и все. Поплавков не двигался, он уже часа два не двигался. В апреле я полмесяца на рыбалку вырваться не мог, на природу, на воду, на поплавок посмотреть, в конце-то концов! Вообще, первая рыбалка в этом году. Ну, вот – наслаждайся. А если поплавок молчит, а за спиной у тебя многоэтажки недалёкого города, а слева любимый завод (которому наплевать, что я уже ушёл с него на пенсию, – все равно травит), оживляет пейзаж громадным факелом из полосатой трубы и чёрными клубами дыма, то такой отдых на природе, если не клюёт...

– Ну как, клюёт?

Я полуобернулся – на раскладном стульчике не покрутишься. Мужичок среднего роста, с сумкой и удочкой, тоже явная жертва рыбалки, ждал ответа.

– Ни фигá. Часа два уже сижу.

– А на что ловите?

– Я не ловлю, я только наживляю. Пробовал и червя, и на хлеб...

– А я хлеб с маслом делаю, – говорит мужичок. – С подсолнечным. И хлеб должен быть чёрный.

– Да, – поддерживаю разговор специалистов, – с нерафинированным. Я ещё и чуть-чуть чеснока добавляю. Карась это любит.

Мужичок пошёл дальше, а я проверил червя на крючке (хороший червь, жирный, сам бы ел) и снова закинул. Поплавков всё-таки перемещался: то ли слабое течение у берега было, то ли ветерок помогал. Покачивались высокие, сухие, ещё прошлогодние стебли

тростника и показалась в одном единственном месте зелёная нынешняя поросль рогоза. Почему-то люди называют рогоз, и тростник камышом, и мало кто знает про эту путаницу. «Шумел камыш, деревья гнулись...» – и точка. Хотя, размышлял я, в слове камыш что-то шелестящее, занимающее много места, а рогоз – как шилом под ребра. Хотя, это у тростника листья шумят, а не у камыша... У камыша, считай, одни стебли... И тут я обнаружил, что поплавок-то нет! Филолог, туды его растуды! Да нет, вот же он, чуть в сторонку отнесло. Какого дьявола этой рыбе надо? Ведь мелочь должна бы клевать! Коту стыдно будет в глаза посмотреть... Вода уже немного прогрелась, растительность водяная кое-где уже до поверхности дотянулась – вон там уже не рябь от ветерка, это травка себя показывает и туда фидер-прикормку спиннингом забрасывать лучше не надо, потому что не поймёшь, как там снасть ляжет-зацепится...

– Ключёт?

Я опять вывихиваю себе шею: стоят парень с девушкой, сразу понятно, муж и жена, и сразу понятно, что все у них нормально, раз они и на его рыбалку вместе – удилище-то у него в руках одно.

– Все перепробовал – и без толку. Но – поднимаю палец, – главное – участие в самом процессе. Удачи вам!

Они синхронно улыбнулись, а я, услышав всплеск там, метров за тридцать, где трава уже на воде, успел заметить, как рыба падала в воду. От этого падения расходились круги, и не от какой-нибудь мелочёвки круги, а крутые такие – рыбка ведь кило на два, не меньше, сыграла. А это уже жить веселее намного, раз рыба играть начала. И, значит, хватит этой ерундой поплавочной заниматься, фидер будем закидывать и наживку подберём, не скупясь, сейчас лучших червей нацепим, начала рыба ходить, начала...

Я натолкал в пружину фидера прикормку, да тот же хлебный мякиш – и пахнуло от него чесночком, хорошо так пахнуло, а ведь совсем немного добавлял, чтобы запах был. Раздвигаю спиннинг – большой сначала: этот мне больше нравится, хотя и маленьким закидываю нормально, но на большом катушка качественная, надёжная. Немного подумал: то ли бойлы к фидеру цеплять, то ли хлеб, но решил: червей будет лучше. Насажу так, чтобы шевелились, так оно лучше будет, эх, сразу надо было так, а то ждал чего-то, неизвестно чего... Ну вот, полетели снасти куда надо и не в самую траву, а рядышком, и лишняя леска подтянута, и спиннинги закрепил так, чтобы видно было, когда леска станет натягиваться, вот тогда и подсекать, тут, главное, ушами не хлопать...

Теперь сядем на свой стульчик раскладной и ждать будем, когда леска, уходящая от кончика удилища в воду, станет натягиваться: я представил, как там, за сорок-пятьдесят метров карп схватит червя

и потянет его в сторону, не чувствуя ещё опасную острую жёсткость крючка, вот тут, как раз, и подсекать надо...

Через какое-то время я подумал, что может рыба и не играла вообще: может её паразиты замучили... У человека, когда зубы болят, он и на стенку полезет. А если ещё будет молчать, как рыба, то вполне можно подумать, что он такой резвый от хорошего настроения... А на обозримом краю земли, там, за посадкой, по трассе двигалась фура, и даже с такого большого расстояния было видно, что вся она жёлтого цвета – и тент, и кабина. И я почему-то подумал, что не знаю, какой цвет любила мать...

И тут справа, в камыше, что-то захлопало, захлопало по воде – утки частенько так пошумливают, когда две-три вместе собираются – правда, шум был такой, что хотя бы одна утка размером с бегемота должна быть. Но кончик удилища большого спиннинга дёрнулся, и, обречённо понимая, что раньше надо было подсекать, раньше, я подсек и потянул удилище на себя, чтобы и из травы снасть высвободить, и почувствовать: а вдруг не поздно, а потом стал крутить рукоятку катушки – теперь-то все равно наживку проверять надо. Да и поменять на свежую лучше, – и тут дёрнуло, и зачастило, задрожало, и ещё раз, хорошо так, дало знать, что есть, есть там рыба! Вот такие моменты и называются счастьем рыбацким, а сачка-то у меня с собой нет, возле берега надо не вверх тянуть, а пониже, а то не дай бог, сорвётся ещё...

– Как рыба? – слышу голос за спиной, и думаю – какая рыба, отцепись, не до тебя сейчас! Вон уже по поверхности воды трава, нацепившаяся на фидер, подтягивается, а за пучком травы, за фидером, она, она, родная, идёт, лишь бы не сошла с крючка... Да не дать ей в камыш уйти, не дадим, не дадим, ага, вот боком извернулась, блеснуло широко чешуёй, и понимаю, что карп это, и не маленький, – и рядом он уже, и я тащу его над близким дном на берег, – нет у меня сачка и не было, пока и так управляемся... Но когда вот такого тащишь, очень жалеешь, что сачка нет. Подхватываю пальцами карпа под жабры, так надёжнее, но чувствую: что-то не так было, не так...

На всякий случай – для подстраховки – шагнул от воды подальше и в садок его, красавца, хороший, всё-таки, попался. А теперь можно и на этого любопытного поглядеть, правда, я сначала садок с карпом в воду отнёс, и пока опускал садок в воду, понял, что меня удивило: этот человек спрашивал «как рыба?», словно он в столовой находился. Такой интонации у рыбаков не бывает.

Да и не рыбак он вообще, с первого взгляда понятно. Ну кто на рыбалку так одеваться будет: на ногах какие-то сандалеты-плетёнки (это в начале мая-то месяца), а из остальной одежды рубашка-распашонка и шорты из непонятной ткани. Хотя в любых тканях я ни

бум-бум – мне это триста лет не стучало. А вот то, что он весь мокрый и мелко челюстями стучит – это как понимать? А одежда выглядит сухой. Разделись, чтобы искупаться? Выходит, это он тут рядышком плескался? В мае-то месяце?! Везёт мне на интересных людей! На беглых клоунов из дурдома...

Парню на вид лет двадцать пять, причёска нормальная, без выпендрёжа, вообще-то приятное лицо и фигура уже сформировалась – похоже, вышел уже из того возраста, когда весной хвастаются – «а мы уже купались»...

– Ты чего в воду полез?! – господи, рыбалка ведь только-только началась, и чувствую, что закончилась: не оставишь его так, заболел же – ну я его сейчас в такси, и лети пташка, откуда прилетела. И сразу – мысль: сюда такси не проедет...

– Я случайно, я не лез, – отстучал зубами этот страдалец.

– А почему тогда одёжка сухая?! – чересчур громко спрашиваю я, а этот беглый клоун повторяет:

– Одёжка?

– Одёжка, одёжка, – захватываю пальцами его рубашку на груди и ощущаю: сухая. И чувствую, что кричать уже не буду: как-то перехотелось.

– А, правда, почему – сухая?

– Материал водоотталкивающий...

– Лучше бы он озероотталкивающий был, – мечтаю я и командую:

– Значит, так: ты начинаешь приседания – греешься, а я быстро всё собираю, и выходим к асфальту, я по дороге такси туда вызову...

– А почему сюда нельзя – заповедник?

– Потому, что нельзя. Летать они ещё не умеют.

– Понимаю.

...Мы идём быстрым шагом по тропинке, которая после вчерашнего дождя ещё не везде просохла, и опасаясь, что он может упасть, и кто нас тогда в такси пустит? Иногда ноги скользят на сыром суглинке, разъезжаются в стороны, но, наконец, мы выходим на сухое, и я слышу:

– Мне завтра утром обязательно надо быть на том же месте...

– На каком? – хотя я отлично понимаю, на каком.

Мы уже идём рядом – тропинка тут пошире – и я замечаю, что дрожать он перестал. Моё раздражение от прерванной рыбалки уже затихло, все равно скоро темнеть начнёт, да и парень этот вызывал какую-то симпатию.

– Давай ты сначала домой доберёшься, – продолжаю я, – а потом уже планы будешь выстраивать. Надо обувь в порядок привести, неудобно всё-таки грязь в салон тащить, – деликатно предлагаю я, хотя мне тут рядом, я домой и так дойду...

И чищу туфли о траву, и замечаю – не проявляет мой подопечный никакой активности, но и сандалии его чистить не надо, вроде это не он за мной на тропинке пыхтел, а по воздуху летел, аки ангел. Но лицо у него... Такие лица у детей бывают, когда за все надо отвечать самому, а папа с мамой потом ещё добавят.

– Что, тоже – грязеотталкивающие?

– Да. Вы мне поможете?

– Я как раз этим и занимаюсь, – отвечаю ему и набираю номер такси. И услышав: «Такси “пятнашка” слушает», – сообщаю куда подъехать, и быстро, чтобы успеть до «ждите», спрашиваю у диспетчера:

– Через сколько будет?

– Он тут рядом, сейчас будет.

Мы выходим на поворот асфальтированной дороги, и, действительно, подкатывает «пятнашка». Усаживаю своего клиента:

– Адрес своего... дома знаешь? Деньги есть? И уже таксисту:

– Сколько у вас такса?

– Ну, так это смотря куда ехать. Может вам за город надо...

Парень смотрит на меня, как на живодёра. И молчит.

– Куда тебе ехать надо, ты можешь сказать? – парень молчит.

Оживляется таксист:

– Ложный вызов оплачиваем?

– Я вам все объясню, – у парня несчастные глаза, наверное, только такие серые глаза могут быть такими несчастными, а я стараюсь сообразить, что же теперь делать...

– Оплачиваем или едем? – тон уже повышенный...

– Едем! – кричу я и говорю свой адрес. Таксист удивлённо хмыкает и смотрит на меня:

– Ну, так едем?

И я сажусь в такси, сажусь рядом с этим, не до конца согревшимся парнем (потому, что на переднем сиденье сидеть рядом с таксистом почему-то не хочется), умащиваю на колени свою рыбацкую сумку, а на сумку пакет с рыбацкими сапогами и думаю, что весь мир – дурдом. Две минуты езды, и мы дома, и мы идём к моим воротам, к калитке, а таксист наблюдает – интересно ему, видите ли. Наверное, удивляется, что на воротах никакой интересной вывески нет...

Уже стемнело и я не сразу попадаю ключом в замочную скважину, потом командую:

– Заходим.

– Но мне обязательно надо утром на том же месте быть... Привязка к нему...

– Ну, надо, значит, будешь. Тебя как зовут?

– Виктор, – произносит он с ударением на второй слог. Ну, надо же, с иронией думаю я, – Виктор...

– Ты меня Иванычем зови, я постарше буду...

Уже в доме замечаю, с каким интересом он всё осматривает. Ну, вроде до этого человек в пещере жил – и на тебе – в нормальный дом попал... Хотя, конечно, стульчики жена давно хочет заменить на другие, но меня и эти вполне устраивают. Так размышляю и стелю постели на всякий случай заранее. Как хорошо, что жена к внукам поехала. А то, что обои в прихожей возле вешалки потёртые, тоже не смертельно – я тут рукой опираюсь, когда обуваюсь – ну, они и вытерлись...

– Что ты тут такого невиданного увидел? В вашем доме, наверное, по-другому все обставлено?

И вот тут он выдал такое, что я не знал: обижаться на этого чудика или смеяться.

– Представляете, у вас здесь, как в музее, но всё руками можно трогать, – прямо с каким-то восторгом сообщает Виктор.

Насчёт того, чтобы все руками трогать – это он, пожалуй, перехватил, но обижаться на этого восторженного не получается. Мы тут четыре года назад такой ремонт сделали, а он – «как в музее»...

– Ладно, – объявляю я, – торжественная часть закончилась, сейчас будем кушать и лечиться.

– А я не заболел, я здоров, – отвлекаясь от изучения окружающей обстановки, сообщает Виктор.

– А вот про это не надо, – строго выговариваю ему, – вот это как раз не тебе решать, а специалисту. – Тебе сколько лет?

– Двадцать четыре круга.

– Чего???

– Вокруг Солнца.

– А-а-а.

Значит, будем лечить. Валидол ни к чему, анальгин – тоже, бутылка водки в холодильнике (хорошо, что одноклассник тогда не пришёл, вот и пригодилась) – дождалась всё-таки. И размер нормальный: ноль семь – то, что надо. Сейчас водку делают с такими пробками с шариками, что в них перец не засунешь, да и перца в наличии не оказалось, пойдёт и так. Картошку с мясом в микроволновку – жена наготовила перед отъездом, чтобы с голоду не помер...

– А там, на стене, фотография вашей матери?

– Да.

– Вы похожи, – сообщает Виктор. Я молчу. Уже два года прошло. Скажи кому, что глаза у матери на портрете стали грустными и осуждающими – пальцем у виска покрутят. У каждого человека к портретам ушедших своё отношение, но про это не рассказывают. Слова тут ни к чему. А ещё, бывает, они опаздывают. Слова. Запищала микроволновка, и я оживляюсь:

– Иду, иду, – это микроволновке, и Виктóру: – Прошу к столу, чем богаты, тем и рады, фу-ты, ну-ты, огурчики же есть, вот память-то, в холодильнике солений целая банка – живём! Кто сказал, что мы без жены ничего не приготовим?

– Мне обязательно завтра надо...

– Да будешь ты там, будешь! Вышел со двора – налево и вперёд – и через пять минут ты на берегу – там разберёшься? Чего ты так колотишься?

– Я могу очень отца подвести... Понимаете? Я был уверен... Где-то сбой был...

– Садись, Виктóр, – успеешь ещё объяснить. Тот оглядывает стол, задерживает взгляд на салфетках, – а как же, думаю, – вещь полезная, надо – и сам возьмёшь, скручиваю голову лекарству и спохватываюсь: вилки забыл. Ну, все, наконец.

– Ну, – торжественно объявляю, – подняли! За твоё здоровье!

Какое-то время мы молчим, за окном темнота и тишина нарушается далёким собачьим лаем, а у нас тут только хруст огуречный. Всё-таки мозги человеческие странно устроены, или, может быть, только у меня так? Вот с какой стати я решил, что у него родителей нет? Пожалуйста – отец у него. И беспокоится за отца – нормальный парень.

– Я у вас спросить хочу. Это очень важно – глаза у него очень серьёзные, не иначе судьба, нет – судьбы мира решаются...

– Ты говори, я слушаю. А, вообще, закуси нормально, а потом скажешь – и не стесняйся, не люблю я, когда стесняться начинают...

Виктóр слушается, жуёт и, когда рюмки снова наполнены и оприходованы, даёт мне понять: прививка от столбняка не всегда помогает. От некоторых высказываний и с прививкой остолбенеешь.

– В ваше время возникло философское направление о неконечном эволюционном развитии. Точнее, я уверен, – оно обязательно должно быть, потому что были люди, которые это поняли первыми. Понятно, что я не о самом начале спрашиваю, но, уже начиная с Тютчева, есть такие строчки: «Душа не то поёт, что море, и ропщет мыслящий тростник», – уже тогда понимали, – на время он замолкает, но только чтобы прокашляться. И опять этот юноша с горящими глазами (где-то я читал, что они и есть самые опасные) продолжает: – Нельзя отрываться от природы, это отрыв от эволюции, это тупик! Это шкатулочная цивилизация: снаружи красиво и внутри всё есть, а пути нет! Атомное конструирование – прорыв, громадная экологическая польза, но...

Я сижу неподвижно, а он говорит, говорит, а я думаю, что надо бы закусить, но я сижу и слушаю... слушаю... бум... бум... бум...

– Я убеждён, что должна была образоваться общность людей, которые это понимали. Понимаете, мне очень нужны такие факты.

Мне очень надо отцу помочь. В Планетном Координационном Совете, знаете, сколько будут перестраховываться? А почему вы не кушаете?

Лучше резко не двигаться. Надо как-то сменить тему. Привёл домой гостя на свою голову. Надо же, «в ваше время возникло». У меня после школы дороги с Тютчевым очень далеко разошлись, да и в школе... Тему, тему менять надо...

– А тебя как отец называет, – Виктором? – Ну, не нравится мне почему-то это ударение и хочется рассказать ему анекдот про неудачника, спрашивающего у неба, за что его так, а с неба голос отвечает: «Ну, не нравишься ты мне!». Какая дурь только в голову не придёт...

– Отец у меня старается строгим быть, – как-то очень повзрослому щурится Виктор, – и Виктором зовёт, и Виком.

А я почувствовал, что зря я себя так накрутил. Любит он отца. Любит. Поэтому и возбуждённый такой. Можно отдохнуть. И я ещё наполнил, чтобы не просто так сидеть...

– Вы понимаете, есть два философских направления: у наших оппонентов поддерживается только один вариант развития – технократический. Они утверждают, что атомное конструирование может полностью обеспечить наши потребности в питании и в ликвидации отходов, а альтернативные источники энергии...

А у меня мелькнуло – да разве это плохо? Но если это оппоненты... не будем лезть на рожон...

– А кем твой отец работает? – на миг он растерялся.

– Координатором...

– И что он координирует? – не отстаю я.

– Я же говорил... Он координирует процессы изучения неконечной эволюции. А наши оппоненты утверждают, что жизнь сама заставляет искать правильный выход, и потому их теория жизнеутверждающая, а у нашей теории прецедентов в истории не было! Ну, как же не было?! Как не было? Да был же Шкловский! О развитии, усталости и смерти цивилизаций – читали? Про железных коней, на которых мы доедем лишь туда, куда можно доехать, – тоже было – читали?

Захваченный врасплох, я резко дёргаю головой, что означает такое же резкое отрицание. Какое-то время стараюсь слушать внимательно, а вдруг ещё что-нибудь спросят, а я не выучил, что задавали... Школа вспомнилась...

– Были ведь единомышленники, – продолжается сотрясение воздуха, – не один Тютчев это понимал, не один Шкловский, все за экологию переживали, а движения, общности... как это у вас... хартии, нет – партии, партии эволюционного развития не было? Не может такого быть – эти данные убрали просто, потому что они мешали технократам... Теоретическое обоснование нужно! Да ведь сама экология планеты подсказывала...

И, пока он шумел, я вспомнил, что тему лучше поменять и продолжить:

– А сам ты кем работаешь?

– Я? Я – стажёр. Мы с братом отцу хотим помочь, но у нас допуска нет. А без допуска ... – он вздыхает. – Вот и пришлось так, пока мы с братом на дежурстве...

Ну, с этим-то все понятно – думаю я, – если допуска нет, то нагорит по первое число, а то и на весь натуральный ряд и ещё останется. Влезли куда-то пацаны, куда их лезть не просили...

– А, может, обойдётся? – спрашиваю, – жалко парня всё-таки...

– Там на одни вычисления знаете, сколько энергии уходит? Корректировка постоянно функционирует – ничего ведь на месте не стоит. По возвращении вся накопительная система в центре пустая будет... И все напрасно, не учли что-то...

– А мать тебя как называет?

Этот ребёнок килограмм на семьдесят смущается, ёрзает на стуле, покачивает головой и после всех этих телодвижений выдаёт, наконец:

– Она ласково называет...

– Знаешь, Витек, что я тебе скажу, – а у самого, чувствую, глаза влагой наполнились, – родители головы вам с братом не снимут, родители – они и есть родители. Но ты! Запомни! – я колочу пальцем по столу – запомни!!! Мать не обижай! Не груби, понимаешь?! Самому потом боком выйдет... Я замолкаю и немного погодя слышу тихое:

– Так я не обижаю...

– Ну, вот и хорошо. А за крик извини: нервы ни к чёрту... Давай ещё по одной, – я разбулькиваю по рюмкам остатки.

– И давай за тебя, Витек, нормальный ты парень, честно. Ничего, что я тебя так?

– Вы знаете, я больше не буду. От меня скоро искры полетят.

– Какие ещё искры? За тебя.

Пожалуй, мне тоже больше не надо. Я вижу его полную рюмку, а Витек пожимает плечами, разводит над столом руки и между его ладонями полыхает пламя. И я уверен, что такое пламя не обжигает. И я вижу за этим пламенем, что от него тоже идёт сияние. На полярное сияние похоже...

– Как ты это делаешь?! – кричу я, – ну вы даёте! У меня нет слов!

– Отец говорит, это следствие, а не причина, у нас все так могут, – говорит он, – энергию можно и напрямую брать, не обязательно так, наклоном головы указывает на стол, а я поднимаю между нами указательный палец и, покачивая им в такт словам, говорю:

– Завтра. Расскажешь. Как. Ты. Это. Делаешь.

И роняю руку вниз, и командую:

– Все! Теперь баиньки.
...Хорошо, что заранее постелил.

Ещё не раскрыв глаз, понимаю – рассвело. А вот сколько сейчас – это нужно приподыматься и посмотреть на часы над диваном, – светает в четыре, лучи солнышка появятся часов в семь, значит, семи ещё нет. Вставать не хочется, и я переворачиваюсь на другой бок. Один мой знакомый часто жалуется: «Почему вчера было так хорошо, а наутро так хреново?». И я вскакиваю как ошпаренный! Точно! Та комната, где он спал – пуста. Какое-то время смотрю на аккуратно сложенные на подушке простыню и одеяло и начинаю мыслить спокойно. Он предупреждал: утром ему надо обратно, ну и ушёл. А дорогу, помню, я ему ещё по-трезвому объяснил – тут до озера рукой подать. И иду на кухню, к холодильнику и остаиваюсь. Ему на то место надо, ему обратно надо...

...Я бегу по улице в туфлях на босую ногу и незастёгнутой рубашке: надо успеть. И вот уже поскользываюсь на тропинке у озера, добегаю до этого места в камыше и вижу: он стоит по колени в воде, и смотрит на меня молча и серьёзно. Кричу ему:

– Витёк, я успел! – ты мне вот так нужен! – я провожу рукой по горлу, – если бы ты знал...

И, зацепившись за какую-то кочку, лечу плашмя вниз, в воду, быстро вскакиваю – его нет, а передо мной в воздухе падает, как-то замедленно падает лужицами вода, лужицы разбиваются на круглые капли-шарики и крупным дождём соединяются с озером.

...Я прихожу на это место часто: мне тут спокойнее. И когда на той дальней трассе проезжает фура с жёлтой кабиной и жёлтым тентом, сердце начинает биться чаще. Хотя, конечно, такого совпадения не будет, это понятно. Я отвечаю на вопросы проходящих рыбаков и думаю: и чего вам дома не сидится? Хоть ставь табличку: «Не клюёт!». Да и не дура она, на голые крючки клевать... Как он тогда сказал: «бег на месте на своей ступеньке эволюции»? Насчёт эволюции – всем до лампочки... Как на ненормального смотрят. Один даже объяснил, что не Тютчев, а Тучев, он раньше инженером на второй автобазе работал... Знатоки...

...Но он должен был меня услышать, ведь видел он меня, по его глазам видно было, что видел... Зашумели, захлопали по воде крыльями утки, и я вскакиваю, но ещё раньше понимаю – это только утки – и опускаюсь на своё сиденье. Когда он появится, я на всякий случай сразу попрошу:

– Два года назад, до тринадцатого февраля, только не позже, скажи этому... мне скажи, чтобы на колени перед матерью стал и...

– Ну как, клюёт?

ВЗГЛЯД ИЗ ГОРОДА-САДА

Мои детские и школьные годы прошли в нижней части проспекта Ленина в районе двух вокзалов.

Автовокзал был главной достопримечательностью нашего района (от железнодорожного вокзала и до «площади Марии» – район 4-й школы). Летом объём розничного товарооборота там не уступал объемам пассажироперевозок. Великолепное мороженое разных наименований, беляши, пирожки, пряники, квас, кумыс, вода с сиропом по три копейки из автомата. Практически весь этот ассортимент, как сегодня стало понятно, был высокого качества. И весь он ежедневно употреблялся нами в тёплое время года.

На вокзале бурлила жизнь. «Отправляется рейсовый автобус «Нальчик – Аргудан»», – неслось из репродуктора. «Горячие беляши с мясом!» – не уступала по громкости энергичная торговка, продвигая свой товар. Неопрятные цыганки сновали между пассажирами, торгуя сахарными «петушками» и навязывая услуги гадания.

Из киоска грамзаписи раздавалась громкая музыка, в основном, по заказам слушателей. В начале 70-х большой популярностью пользовалась песня «Холодно» в исполнении сестёр Алоевых. Со слов уважаемого редактора газеты «Адыгэ псалъэ» Мухамеда Хафицэ, текст и музыку написал приезжий русский парень, студент Нальчикского музыкального училища. Популярностью пользовался и тир (выстрел стоил всего две копейки), оттуда тоже неслась музыка. В киосках продавались изделия местных цеховиков из пластмассы: клипсы, браслеты. Молодые ребята на спор лупили по силомеру...

Все это создавало неповторимую ауру автовокзала.

Рядом находился кинотеатр «Ударник» (впоследствии переименованный в «Юность») – центр нашей культурной жизни. С замиранием сердца бесчисленное число раз смотрели мы кинофильмы «Неуловимые мстители», «Верная рука – друг индейцев». Югославский актёр Гойко Митич, исполнитель главных ролей индейцев в гэдээровских фильмах киностудии «Дефа», был кумиром нашего детства. Среднего роста, спортивный, с атлетической фигурой и кошачьей походкой, он был не только воином, но и борцом за справедливость. В 70-е в нашей стране было принято считать, что индейцы хорошие, а белые плохие, за редким исключением. Стараясь быть похожими на него,

борца за свободу своего народа, многие ребята записались в спортивные секции.

Наши детские иллюзии разрушил настоящий американский вестерн «Золото Маккены», с Грегори Пеком, Омаром Шарифом и прекрасной песней «Старый гриф-стервятник» в исполнении сверхпопулярного Валерия Ободзинского. Вестерн имел большой успех, его посмотрели 63 млн человек, чуть ли не все мужское население СССР. А попал он на наши экраны потому, что один из создателей того фильма был членом компартии США.

Очень большое впечатление на нас чуть позже произвёл франко-западногерманский фильм «И дождь смывает все следы». Молодёжная мелодрама об отношениях старшеклассников, отношениях, которых в нашей стране в принципе не могло быть. У нас в то время вершиной счастья считалось посидеть на лавочке во дворе в компании ребят и девушек.

Помню, какое потрясение мы испытали, будучи уже старшеклассниками, от просмотра этого фильма. Но были, конечно, и иные впечатления, окрашенные не столь яркими красками.

У входа в кинотеатр нас подстерегали сельские ребята и отнимали деньги. Как сейчас помню: «Мелич есть? Нету? А ну, попригай!..» Это сейчас смешно вспоминать, а тогда было обидно.

В привокзальном сквере нередко случались драки с сельскими парнями. Зачастую нам приходилось нелегко, так как из десяти городских мальчишек двое музицировали, третий рисовал, четвертый конструировал... В остатке два бойца, а из трех селян все трое были бойцами.

Сельским ребятам могли противостоять лишь наши соседи, занимавшиеся силовыми видами спорта. Это братья Сабанчиевы: Миша, Жорик, Аслан; Юрий Коков (будущий Глава республики), Толик Кяров (будущий Герой России).

С Толиком мы дружили в детстве, вместе занимались настольным теннисом. Из всех нас он единственный, кто стал мастером спорта СССР. Со временем он возглавил отдел по борьбе с организованной преступностью (6-й отдел), успешно руководил им и погиб от бандитской пули в 2008 году. В настоящее время наша школа носит его имя.

Толик был невысокого роста, не имел особых физических данных, сравнительно поздно начал тренироваться (в 7 классе, я – в 6-м), из простой семьи со скромным материальным достатком и жилищными условиями, но у него был характер, желание и умение добиться поставленной цели.

Изменения, произошедшие в нашей жизни, очень точно, в четырёх строках, описал талантливый поэт и переводчик из Нальчика Георгий Яропольский (светлая ему память):

*Хоть в мечеть обратился «Ударник»,
Хоть реклама повсюду в чести,
Хоть все больше фасадов шикарных, –
От тебя, слобода, не уйти.*

...Спустя годы, когда Юрий Александрович Коков возглавил республику, он протянул руку помощи многим одноклассникам, друзьям детства. В частности, Володя Безгодько, выпускник Московского института стали и сплавов, профессиональный экономист, бывший работник Госплана и зампред Чегемского райисполкома, в 2013 году оказался без работы. Юрий Александрович направил его на ответственный участок – в администрацию Нальчика. В настоящее время Володя – депутат Парламента КБР, заместитель председателя одного из комитетов.

Мы часто встречаемся и, прогуливаясь по нашему замечательному парку, вспоминаем чудесные школьные годы и совместную работу в ключевом экономическом органе республики.

Директором школы у нас был осетин-дигорец, фронтовик, Джабраил Тазретович Макоев (Джага). Ранее он работал директором 2-й школы, но после того, как в школьной мастерской изготовили деревянный крест на могилу бабушки одной из учениц, его освободили от занимаемой должности и после года без работы он возглавил нашу школу.

Кличку «Джага» он получил еще в прежней школе, после выхода знаменитого в те годы индийского фильма «Бродяга». Джагу боялись и уважали и учителя, и школьники. Сотни взрослых нальчан помнят могучий осетинский подзатыльник. Сегодня я понимаю, что директор был значительной фигурой в городской системе образования. Учителя были под стать ему.

Недавно отметила свое 90-летие наша замечательная учительница биологии и прекрасный человек Гугова Людмила Даниловна. Её супруг, Рашад Хусейнович, в сложное перестроечное время десять лет успешно возглавлял Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований при Правительстве республики. Сын, Володя, – депутат Парламента КБР трех созывов, один из патриотов нашего города.

Учительница английского языка Никифорова (Шугалей) Лариса Владимировна тоже была депутатом Парламента республики. Ушла на пенсию с должности завуча. Её отца в своё время направили в нашу республику на должность заместителя министра внутренних дел. Так Лариса Владимировна оказалась в Нальчике, окончила факультет романо-германской филологии КБГУ и стала успешно учительствовать в нашей школе. Ей удалось адаптироваться к кавказской жизни лучше многих коренных жителей Нальчика.

Среди известных выпускников школы был и Сергей Магнитский, тот самый, после смерти которого на мировой сцене появился так называемый «Список Магнитского». Из-за разницы в возрасте с ним я не был знаком, но помню его деда, хорошего врача, уверенно владевшего кабардинским языком. Они жили по соседству в «хрущёвке» на Ленина, 75.

В нашем доме (пр. Ленина, 71/угол Захарова) проживало немало известных в республике людей.

Запомнился проректор и секретарь парткома КБГУ Лесев Виталий Дмитриевич, автор нескольких книг о земляках, участниках Великой Отечественной войны. Его внук, Вадим, сегодня первый проректор КБГУ.

А Котов Валентин Евстафьевич возглавлял республиканское управление «Каббалкгаз» в период его расцвета, его дочь Лена, отличница, активная комсомолка в школе, сегодня на руководящей должности в Министерстве образования, науки и по делам молодежи КБР.

Курданов Джабраил Османович, один из первых балкарских профессиональных строителей, лауреат премии Совета министров СССР за развитие рекреационного комплекса Приэльбрусья, заместитель управляющего трестом «Каббалкпромстрой», который возглавлял легендарный Виктор Иванович Попович. Дочь Курданова – Оксана, много лет руководила Эльбрусской больницей, имеет правительственные награды.

Лена Заика хорошо известна в юридических кругах республики. Высокопрофессиональный адвокат, федеральный судья в отставке.

Вацадзе Зураб Самсонович, заместитель директора комбината «Искож» по строительству. С его средним сыном Сашей мы учились в параллельных классах, дружили. А младший, Сережа, сегодня доктор химических наук, профессор, заместитель декана химического факультета МГУ.

Первой красавицей района в наши школьные годы считалась Рубушкова Тамара. В 70-е годы журналы мод были в большом дефиците, и о новинках моды мы узнавали благодаря элегантному гардеробу Тамары. Сегодня она известный женский врач, под фамилией Позднякова заведует отделением в республиканском перинатальном центре. По-прежнему в хорошей форме и в курсе новинок моды.

Председателем домового комитета (домкомом) был бездетный пенсионер Козлов (к сожалению, имени-отчества не помню). Всю свою энергию он направлял на благоустройство двора. Часто вспоминаю большую клумбу, подстриженные кустарники, побеленные деревья, аккуратные скамейки. Сегодняшний двор оставляет грустное впечатление. Ни одного цветка, кустарника, ни даже скамейки, и

новые гаражи практически в центре двора. В доме 51 квартира, из них в половине – новые жильцы. Другой двор, другой город...

Детские и юношеские годы всегда прекрасны и насыщены яркими событиями, но когда они проходят в тёплой атмосфере, в дружеской взаимоуважительной, интернациональной обстановке в школе и на улице, то жизнь расцветивается всеми цветами радуги.

*Зоя Даутовна Бекулова, мать,
в центре с цветами*

Мне посчастливилось родиться в интеллигентной семье. Мама, Зоя Даутовна, около сорока лет проработала в республиканской библиотеке им. Крупской (ныне – имени Т. К. Мальбахова). В то время библиотекари были уважаемыми людьми, а сегодня, к большому сожалению, их статус в обществе значительно опустился, а заработная плата граничит с нищенской.

Здесь позволю себе процитировать коллегу мамы, заместителя директора республиканской библиотеки им. Мальбахова, заслуженного работника культуры КБР Арзанунц Александру Сергеевну: «Зоя Бекулова – представитель замечательной плеяды библиотекарей старшего поколения. Вскоре после окончания университета она пришла работать в учреждение культуры, которое является крупнейшим книгохранилищем региона, трудилась в разных отделах, на различных должностях и везде проявляла ответственное отношение к делу, требовательность к себе, доброжелательность к читателям и коллегам.

Зою Даутовну отличают высокое чувство такта и интеллигентность. Все, кто работал в те годы, ощущали завораживающее обаяние, мягкую женственность этой замечательной женщины, вобравшей в себя лучшие черты горянки.

Увлечение художественной литературой было особым пристрастием Зои Даутовны, а великолепное чтение ею стихов до сих пор помнят наши верные читатели. Мудрость и афористичность речи З. Бекуловой всегда привлекали наше внимание, а теперь всё это сфокусировалось в сборнике «В мире мудрых мыслей», который вызывает неподдельный интерес у каждого из нас, кто берёт в руки это издание. В своей книге автор пишет: «Самая тяжёлая ноша в

жизни – быть тактичным, деликатным, интеллигентным человеком”. Для Зои Даутовны это не ноша, а образ жизни».

Поясню, что мама в свои 85 лет подготовила и выпустила сборник «В мире мудрых мыслей», который заинтересовал людей, имеющих отношение к книге и чтению.

Отец, Суадин Хабатович, большую часть жизни проработал в Министерстве социального обеспечения КБАССР, в том числе в должности заместителя министра. В молодости он был известным спортсменом, многократным чемпионом республики по национальной борьбе и лёгкой атлетике. Трудлюбивый, уравновешенный, всегда доброжелательный, отец в 70 лет увлёкся религией, с наставником, местным арабом Омаром Бааббу, мужем известного врача Алёны Тумовой, изучал арабский язык, совершил хадж в Мекку. Проводил в последний путь многих родственников, друзей, соседей и ушёл на небеса в возрасте 88 лет, оставив добрый след на земле.

Младший мой брат Юра родился 19 апреля 1961 г. через неделю после полета Гагарина и автоматически стал Юрием. Интересно, что спустя годы он проходил службу в Вооруженных силах СССР на космодроме Байконур, вернувшись оттуда «Почетным строителем Байконура». Брат был известным рок-музыкантом на районе, окончил Астраханскую консерваторию по классу фортепиано. Последние годы в связи с изменениями в нашем обществе Юра переквалифицировался в «мелкого лавочника» (киоск во дворе).

Супруга моя, Маргарита, – заслуженный врач КБР, заведует отделением в санатории «Нальчик» МВД РФ.

Старший сын Даут последние два года работает в системе Сбербанка и живет с семьёй в подмосковной Балашихе. Младший, Анзор, по профессии юрист.

После окончания школы я поступил в Ленинградский институт советской торговли на торгово-экономический факультет. На первом курсе часть занятий проходила на Невском проспекте – угол Думской, летняя практика на третьем курсе тоже была на Невском, в огромном универмаге «Гостиный двор».

С. Х. Бекулов, отец

Ю. С. Бекулов, брат

Со второго курса мы начали заниматься в новом современном здании в районе метро «Площадь Мужества». Добирались около часа на трех видах транспорта (автобус, метро, троллейбус), но в двадцать лет это не было проблемой, так же, как и холодные тамошние зимы, и сильные ветра. Это был один из лучших периодов моей жизни.

Общение с ленинградской интеллигенцией, профессурой, посещение музеев, выставок, спортивных соревнований мирового уровня развивало и обогащало студентов из разных регионов нашей страны.

Большой жизненной школой для меня было проживание в Ленинградском общежитии на 8-ой Советской с представителями разных национальностей практически из всех союзных республик нашей страны, кроме прибалтов.

Поначалу их манеры, поведение казались мне странными (каждый сам за себя, здоровались, держа левую руку в кармане), но к последнему курсу я понял, что они тоже не радовались бесконечному шуму из кавказских комнат, землячествам, лезгинкам¹.

У всех народов нашей страны есть чему поучиться, но кавказцы однозначно сильнее и сплоченнее в трудные минуты, когда необходимо плечо друга или родственника.

Спустя пятнадцать лет, в аспирантские мои годы, в финансово-экономическом институте на канале Грибоедова, я с большим интересом изучал культурную жизнь великого города на Неве. Сегодня часто вспоминаю слова А. С. Пушкина из поэмы «Медный всадник»:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит...*

Каждый из нас оставил в Ленинграде частицу своего сердца.

Со студенческих лет дружу с Алиханом Жадовым и Маратом Казаковым. Алихан много лет проработал в Совете министров республики, курировал сферу торговли, последние десять лет возглавлял один из банков республики.

Марат стал успешным предпринимателем, занимается спонсорской деятельностью в области книгоиздания, образцовый дед.

Тохов Хажисмел, выпускник престижного Ленинградского военного инженерно-технического университета, построил десятки объектов в разных частях нашей огромной страны. Вышел на пенсию в звании полковника, последним аккордом сдал в эксплуатацию

---

¹ Моя одноклассница, золотая медалистка Ира Скрипкина, окончила Киевский институт народного хозяйства и рассказывала, что когда преподаватель входил в аудиторию, вставала она одна. Там это не принято.

стадион «Ростов-Арена» в Ростове-на-Дону к чемпионату мира по футболу, проходившему в 2018 году.

Ближе всех я дружил с чеченцем Адланом Куразовым из Гудермеса, два года мы прожили в одной комнате. Земляки сомневались, что мы уживёмся.

Я, городской житель, совершенно не приспособленный к самостоятельной жизни. Адлан, сельский парень, специалист по обычаям и традициям Кавказа, но, как выяснилось позже, мы хорошо дополняли друг друга, по-братски делили кров и хлеб. На 90 процентов это заслуга Адлана. Инвалид детства, сильно хромающий, но при этом решительный, не теряющийся в сложных ситуациях¹, умеющий добиваться поставленной цели. Про таких, как он, говорят «сильные духом». При этом Адлан научил меня правильно относиться к нормам проживания в общежитии. Перед последним курсом он женился, и тогда я понял смысл фразы: «Если у тебя хорошая жена, ты – миллионер». Вторую такую, как его Таус, вряд ли можно сегодня найти.

После окончания учебы в 1980 году (олимпийский выпуск) мне повезло начать работу в ключевом экономическом органе республики – Госплане КБАССР.

Среди моих учителей были такие известные и уважаемые в республике люди, как М. С. Любашевский, Л. В. Погребняк², В. К. Сохов, В. Г. Серафимов.

Много внимания работе с молодежью уделял Пшикан Кесович Таов. Он часто собирал нас, рассказывал о своей учёбе и работе в Москве, ставил перед нами задачи, правда, не всегда употреблял понятные выражения. Однажды, недовольный какой-то из наших работ, заявил, что со времён царя Арбуза такой глупости не было. Только на второй день, благодаря Лере Кардановой, будущей супруге банкира Хамида Урусбиева, мы поняли, что речь шла о царе Горохе.

По линии правительства наш отдел курировал первый заместитель председателя Совета министров КБАССР Исхак Ибрагимович Казаков. Отличный профессионал, способный решать сложные эко-

---

¹ На семинаре по «Товароведению продовольственных товаров» Адлан переформатировал «консервы в собственном соку» на «в личном соку». Преподаватель смеялся до слёз и поставил зачёт «за творческий подход к учебному процессу».

² Спустя двенадцать лет, осенью 1992 года Людмила Васильевна пригласила меня в кабинет и предложила должность руководителя Миграционной службы КБР. В то время эта новая структура была создана при Министерстве труда и занятости населения РФ, а Погребняк занимала пост министра в Нальчике. Я поблагодарил за предложение и отказался, в тот период у меня были другие планы.

номические и социальные задачи, этот человек высокой культуры внёс большой вклад в развитие нашей республики.

К большому сожалению, анонимщики и завистники сделали своё чёрное дело, и Исхак Ибрагимович в расцвете сил, в 56 лет, ушёл из жизни: не выдержало сердце.

В Госплане было немало молодёжи. Мы общались не только на работе, регулярно выезжали на природу, вместе справляли свадьбы, дни рождения, с удовольствием работали на субботниках. Был замечательный, квалифицированный, интернациональный коллектив.

Сегодня вчерашняя молодёжь в зрелом возрасте. Хамид Урусбиев много лет возглавлял наш Сбербанк, Володя Безгодько – заместитель председателя комитета Парламента КБР, сёстры Сарбашевы Светлана и Фатима – заместитель руководителя Администрации Главы КБР и заместитель председателя Контрольно-счетной палаты республики. Г. А. Боровлёва возглавляла Министерство финансов КБР.

Роберт Журтов, сын известного кабардинского писателя Биберта Журтова, последние двадцать лет – мировой судья судебного участка Нальчика. Сегодня моим коллегой стал его сын Эльдар, возглавляющий пресс-службу Главы республики.

В августе 1984 года мы с супругой побывали в свадебном путешествии в Болгарии, на «Золотых песках». Чистое море, хороший отель, молодость – от поездки остались отличные воспоминания. Только неприятно удивило ироничное отношение части болгар (50/50) к советским туристам.

Я ехал в братскую Болгарию, которую мы в своё время спасли от турецкого ига, 16-ю советскую республику, как ее называли, а на деле оказалось все это не совсем так... Ещё запомнилось море кока-колы, швепс и большие глаза официантов, когда мы все просили добавки хлеба.

Как настоящие советские граждане мы повезли с собой несколько палок сервелата. Утром, выйдя на балкон, обнаружили, что болгарские чайки плотно позавтракали нашим копченым доппайком.

До сих пор вспоминаем гида. Женщина среднего возраста, прекрасно владевшая русским языком и бесконечно влюблённая в русскую, советскую литературу. Постоянно цитировала Пушкина, Чехова, а творчество Лермонтова знала на уровне Ираклия Андроникова.

Все дни отдыха я провёл на пляже с бутылкой кока-колы и хорошим болгарским пивом, а супруга, как дисциплинированная кабардинская невестка, треть поездки бегала по магазинам, выполняя поручения моей мамы.

Руководителем нашей делегации был Владимир Султанович Жамборов, на тот момент секретарь парткома могучего треста «Каббалкпромстрой». Позже выяснилось, что мы живём в соседних

домах. Владимир Султанович работал в Африке, по возвращении – в Администрации СЭЗ, министром внешних связей КБР.

Высокопрофессиональный, эрудированный, с нестандартным чувством юмора, в 2008 году он возглавил Аппарат Президента КБР, где я работал руководителем секретариата. Три года под его руководством аппарат функционировал как швейцарский часовой механизм. По мнению многих моих коллег, Жамборов В. С. – один из лучших чиновников новейшей истории республики. К сожалению, судьба отвела ему короткую жизнь, и, не дожив до 65 лет, он ушёл из жизни после сердечного приступа.

В конце 90-х мой друг Алакаев Арсен, работавший тогда заместителем начальника Ростовского университета МВД РФ, пригласил меня на работу совместителем на 0,5 ставки. Пришлось освежить экономические знания, полученные в годы работы в Госплане, проштудировать бюджетный и налоговый кодексы, полезным было и общение с офицерами МВД и налоговых органов, получавшими второе образование и глубоко знавшими своё дело. Один из них, Индрис Тлупов, сегодня занимает должность заместителя руководителя Администрации Главы КБР.

Интересная история случилась с моим отчеством (Суадинович). Слушатели из Дагестана, Ингушетии часто уточняли его. Тогда я напомнил им о современных истребителях-перехватчиках СУ-27, СУ-29, а имя моего отца – первая модель СУ-1. И буквально через неделю получил от остроумных слушателей кличку «Самолётович». Друзья шутят, что меня должны были назвать СУ-2, младшего брата – СУ-3. Учитывая, что у меня два сына и два племянника, была бы семейная эскадрилья.

С Арсеном мы познакомились в июне 1995 года в приёмной вице-президента КБР Г. С. Губина на собеседовании. С тех пор вместе идём по жизни, дружим семьями (он с Фатимой – первая в республике супружеская пара – кандидаты юридических наук). Надёжный, сдержанный, компетентный, работоспособный, он работал заместителем председателя правительства – министром образования, мэром столицы нашей республики, проявив на этих ответственных должностях свои лучшие профессиональные и человеческие качества.

Там же я познакомился и подружился с Муратом Атмурзаевым. Мурат, близкий мне по духу человек, разносторонне одарённый, профессиональный ревизор-финансист, к сожалению, уехал за пределы республики, ныне работает в Баку в «Россотрудничестве».

Интересно, что у обоих моих друзей по три дочери, как говорят в таких случаях, они «сделали ставку на калым».

Практически вся моя нальчикская жизнь прошла на проспекте Ленина («Брод» – сленговое его название). Первые и лучшие двад-

цать пять лет – на Ленина, 71. Сначала в двухкомнатной с видом на два вокзала, а с восьмого класса – в трехкомнатной квартире. Квартира была торцевая, в каждой комнате по два окна, целый день в ней светило солнце, в зал заглядывала липа, в детскую – каштан.

Второй этаж был на блок выше всех остальных. Руководство комбината «Искож» (дом был ведомственный) строило его для себя, заодно и нам повезло. Но узнали мы об этом только в 1998 году, перед переездом родителей на Кулиева (они прожили в этом доме 38 лет), причем заметил это сосед-кореец с третьего этажа.

Десять лет я проучился в прекрасной 4-й школе на Ленина, 69.

Тридцать семь лет работаю в Доме Советов (Правительства) на Ленина, 27.

В 1985 году получил квартиру на Ленина, 9 (спасибо Советской власти). И только последние два года, после смерти отца, переехал к маме на Кулиева, 3¹, но дом фактически расположен на углу улиц Ленина и Кулиева.

На «Броде» престижно было жить в прошлом веке. Сегодня нельзя открыть окно, копоть и шум сразу проникают в квартиру, количество автотранспорта выросло в семь-восемь раз. Практически никто не гуляет сегодня по проспекту, как раньше, – все переместились в парк. Но и в парке сегодня после 11-ти часов дымят костры от мангалов, создавая дискомфорт нальчанам и гостям нашего города (количество посадочных мест выросло в десятки раз). Наш городсад, таким вот образом, превратился в город-буфет...

А бесконечные переименования улиц вносят сумятицу в умы и в карту любимого нашего города. Вспоминается в этой связи интересный случай, произошедший на сессии Нальчикского горсовета в конце 80-х. Под занавес высокого собрания зампред горисполкома Илющенко объявил, что поступило письмо от одной из общественных организаций с претензией на понижение статуса одной из городских магистралей, а именно: проспект Мира стал улицей Кулиева... Зал оживился: «А какая разница?!». Юридически никакой разницы нет. Словарь поясняет, что проспект – это широкая прямая улица. Илющенко предложил, пока не последовали заявления и от других общественных организаций, перевести одновременно в разряд про-

---

¹ Это был первый дом, который санаторий «Нальчик» Управления делами ЦК КПСС, совместно с обкомом и Совмином, построил в 1973 году. Хорошая планировка, кирпичная кладка, месторасположение, номенклатурные жильцы, дом был престижным для того времени и получил название «Дворянское гнездо». Помню, как неожиданно заместитель министра культуры Ж. перешел на работу в санаторий, возглавив культурно-массовую работу. Там была выше зарплата, быстрее давали жилье, и престиж санатория был очень высок.

спекта не только улицу Кулиева, но и улицу Шогенцукова. И тут слово взял руководитель Госснаба КБР, авторитетный в республике человек, Кимов Султан Сафарбиевич. Смысл его выступления тогда не многие оценили, а ведь глубоки и правдивы были его слова о том, что в Нальчике есть улицы Пушкина и Лермонтова, не хуже наших замечательных авторов они писали. Тогда логично было бы и эти улицы перевести в ранг проспектов...

Что ж, сегодня Нальчик имеет три проспекта, а вот Пушкин с Лермонтовым до такого статуса не дотянули...

В свои шестьдесят два года могу сказать, что мне повезло с родственниками, друзьями, наставниками, коллегами. Я благодарен судьбе за знакомство с издателями Марией и Виктором Котляровыми и добрые отношения с Гятовым Русланом Хашимовичем, другом моего отца. Этих, на первый взгляд, разных людей, объединяет, в первую очередь, понимание значения и роли книги в формировании и воспитании разумного человека. И если подвижническая деятельность Котляровых на виду, то далеко не все знают, что генерал Гятов за пять лет организовал выход трех книг о Зольском районе, в том числе мощного фолианта об участниках Великой Отечественной войны с колоссальным объёмом информации. Впервые в этом районе появился историко-краеведческий музей, а объёмы капитальных вложений за счёт всех источников финансирования кратно превышают среднереспубликанский показатель по сельской местности. Глава Зольского муниципального района, генерал-майор таможенной службы Гятов Руслан Хашимович прошёл большой жизненный путь, занимаясь многогранной деятельностью. Его отличают чувство долга, высочайший профессионализм, компетентность, большая работоспособность и самоотдача, благодаря которым он снискал заслуженный авторитет, признание и уважение. Он именно тот человек, который всегда помогает не только словом, но и делом, и это очень ценное и редкое по нынешним временам качество.

Моя жизнь убедила меня, что роль личности в духовном и социально-экономическом развитии общества невозможно отменить.

Октябрь 2020 г.

*Наталья ШИНКАРЕВА,
руководитель Общества книголюбов КБР*

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ПАЛЬЦЫ Глава из повести

Мысли, сколько их и как они умещаются в таком непостижимом количестве в нашей голове, в какой последовательности и в какое время мы думаем о тех или иных вещах, – наверное, обо всём этом знает наука о мозге, которой я не владею даже в азах. Понятно, что повседневные события, какие-то задачи мы обдумываем, соотносясь с бытом и насущными делами, но вот возникает какая-то ассоциация с детством, и ты уносишься мыслями туда, в далёкое и потому, наверное, счастливое и безвозвратное время.

Маленькая

Я родилась в Нальчике, и мой дом и двор для меня – отдельная планета, на которую я летаю в снах всю свою жизнь. Какие бы события по воле Морфея ни происходили, локация их неизменна – квартира 24, дом 173 на улице Мечникова, или наш двор.

Я помню себя совсем маленькой, хотя говорят, что этого не может быть. Моё детство пришлось на ту пору, когда детей не страшно было отпускать на улицу без присмотра родителей. В то время, если с тобой что-то случилось, во дворе всегда находился тот, кто поднимет, если ты упал, отряхнёт одежду, вытрет нос, вынесет воды, помажет сбитые коленки зеленкой, поделится куском хлеба с маслом и вареньем и отведет домой. В общем, взаимовыручка и взаимопомощь были на высшем уровне, как говорится, всё по-родственному.

Тайн никаких не было, даже от детей. Каждый знал, что происходит в квартире, семье, сколько родственников, где живут, на что живут, откуда родом, кто на ком и почему женился, кто кому подарил букет, кто и где работает, сколько получает, чем подрабатывает, кто за что сидел и почему пьёт. Стесняться было нечего, потому что никому ничего нового не расскажешь – всё на виду.

С братом у нас пять лет разницы, мне два, ему – семь, и он, вроде, за мной присматривает. С этого времени я себя помню.

Квартира наша была на третьем этаже правого крыла П-образного дома, лоджия выходит во двор, под лоджией стою я в мокрых трусах и кричу:

– Мама, а-я-я-яй!

Крик разносится по колодцу дома, бьётся о левое крыло, резонирует, отскакивает и, вырываясь на свободу, летит к соседнему дому на улицу Чкалова. Слышат все!

Из окна появляется, как всегда, в делах, с сантиметром на шее, с подушечкой для иголок на лямке фартука мама, за ней стоит заказчица в лоскутах будущего наряда.

– Как же так! Почему же ты не сняла трусики и не присела у сарая или кустика?

– А там люди были-и-и, – протягиваю я, недовольная тем, что мама не понимает таких простых вещей.

– Ну, зато они тебя сейчас и видят, и слышат. Иди домой, – вздыхает мама и возвращается к своим делам.

Я разворачиваюсь и иду. Вход в подъезд с фасада, путь длинный, надо обойти всё крыло дома. По дороге трусы остывают, попа замерзает, за спиной со всех сторон слышится «ссыкуха», хочется взлететь на третий этаж и оказаться под теплым одеялом.

Отвлечься от неприятного происшествия всегда можно было наблюдением за примеркой платья, которую мама делала клиентке, дать совет по поводу фасона и сказать, например, что у госты слишком большой живот или некрасивые ноги. Это было очень интересное занятие, которое открыло мне ещё одну тайну – куда тётеньки надевают именно те шапочки, выстроченные по кругу, которые продает женщина у среднего подъезда соседнего дома. Раньше я никак не могла понять, что это за загадочная модель шапки.

Баня

Удобства в нашем доме появились только после капитального ремонта, я тогда перешла в третий класс. А до этого вся наша семья, как и другие жители окрестных домов, по субботам ходили в баню. Сборы в баню были сродни небольшому переезду, потому что принадлежности для этой процедуры на всю семью были многочисленными, да ещё и таз лучше было брать свой. Баня располагалась на улице Максима Горького за базаром и комбинатом «Горянка». Идти от дома недалеко, но с детьми, тазами и баулами – целая эпопея. По выходным дням в бане была очередь, но с детьми ожидать не приходилось, всегда пропускали. После покупки входных билетов наша семья разделялась: папа с братом шли в мужское отделение, мы с мамой – в женское.

В силу того, что на примерке своих нарядов дамы у нас в квартире постоянно раздевались, натуральный вид чужой женщины любого возраста меня совсем не занимал. Поэтому, когда я впервые попала в баню и увидела большое скопление голых мокрых тел, меня это никак не впечатлило. Больше понравились клубы пара,

вырывающиеся из-за таинственной двери в тот момент, когда неприкрытые женщины с полотенцами на головах то открывали, то закрывали её. Дверь была сбита из досок, наискосок укреплена рейкой и напоминала собой дверь дворового туалета. Я представляла себе трехголового Змея Горыныча и слегка побаивалась помещения со странным названием «парная». А ещё нравились эхо и звон от ниспадающих струй воды, вырывающихся из широкого мощного крана с деревянной ручкой. Их серебряные брызги прихватывали лучи солнца и разбивались о дно оцинкованного таза, который некоторые почему-то называли шайкой. На шайках были цифры, представленные синей или коричневой краской, и это слегка омрачало мои хрустальные образы.

Из бани наша семья всегда возвращалась без спешки, иногда заходили в 34-й магазин, что на улице Толстого, там родители покупали необходимые продукты, а я глазела на емкости с черной икрой, которые почему-то по форме напоминали больничное судно.

Как-то на обратном пути из бани мы встретили папиного друга, балагура и шутника, у которого в кармане всегда были припасены карамельки для детей. С улыбкой он протянул брату и мне по конфете, брат с благодарностью взял, а я отказалась, заявив, что такие не ем. Мужчина хмыкнул и для поддержания разговора спросил:

– Ну, расскажите мне, где вы были, что видели?

На что старший брат коротко и по-мальчишески простодушно ответил:

– В бане. Ничего не видел, искупался и пошел.

А я же с готовностью и детской непосредственностью поведала:

– Мы ходили в баню, купались. Там сквозь пар много чего видела: и тётенок, и сиси-писи, и огнедышащего дракона.

Родители не знали, куда деваться от моих откровений, мама тут же подтолкнула меня вперед, поспешив увести, как она думала, с места позора. По дороге она говорила, что такое рассказывать нельзя, а я не понимала почему, ведь меня спросили! Отец с братом ещё немного пообщались с женщиной, больше для того, чтобы сгладить неловкость ситуации.

Потом, спустя годы, когда уже все называли меня гордичкой, тот встретившийся человек сказал родителям, что характер девочки был виден ещё тогда, когда она отказалась от конфетки и откровенно поделилась увиденным в бане. Хотя я не уверена, что категоричность и открытость скоротечных впечатлений малышки могла определить будущий её характер.

В бане мама всегда старалась меня быстро искупать, одеть и выпустить на улицу, чтобы я не вспотела в душном помещении и не заболела. А болела я редко, хотя была желто-зеленого цвета и ничего

почти не ела. В итоге самой первой из бани выходила я, маялась в ожидании остальных и исследовала окрестности.

Вход в баню был с торца здания: каменное крыльцо в четыре ступеньки, ограда с цементными балясинами и широкими перилами. Для маленькой девочки всё это составляло довольно высокую конструкцию. Однажды я всё-таки умудрилась взобраться на перила. Сохранить равновесие не удалось, я полетела вниз головой и упала на асфальт. Причем весь этот процесс я реально наблюдала со стороны и видела свой полет. Необъяснимо, но факт. Кто-то увидел, кинулся искать родителей. Первым выбежал отец, взял на руки и понес домой. Все были напуганы и шли молча. Говорят, что в ответ на все вопросы я издавала звук, похожий на мычание, взгляд не фокусировался и был каким-то пустым. Принесли, положили на кровать, я уснула и спала почти сутки. Когда проснулась – заговорила. Потом были головные боли, видения, помутнение сознания, говорили, что это последствия травмы головы.

Спустя годы, когда картина моего полета снова возникла перед глазами, я спросила у мамы, почему не вызвали скорую, не обследовали? Она только пожала плечами и ответила, что не додумались.

Случись это сейчас, то УЗИ, КТ, МРТ, консилиумы, целая горсть таблеток, уколы и капельницы пошли бы в ход. А так я в своем детстве, кроме антиструмина, который нам во дворе раздавала медсестра из поликлиники, никаких лекарств и не знала. А у брата моего в детстве были ревматизм и ревмокардит и лечили его волшебными таблетками аспирина и ждали, когда наступит переходный возраст, так как участковый врач обещала, что он перерастёт и всё пройдет. Так и случилось...

Галушки

Как там у Райкина? Пить, курить и говорить я начал одновременно...

Примерно по тому же принципу я в четыре года вязала на спицах, сама лепила и варила себе галушки на керогазе и стояла в ночных очередях за мукой и хлебом. Удивительно, но мы, оставаясь детьми, обладали ответственностью и навыками, не характерными для своих лет.

Мы жили в большой квартире: у входа слева располагалась просторная кладовая, где, помимо продуктов, хранились аккуратно перевязанные кипы журналов – «Роман-газета», «Работница», какие-то книги по медицине, журналы мод, газеты. Дальше был вход на лоджию, она была большая, квадратной формы. Всё это было в ножке буквы «Т», так я всегда называла наш коридор. Действительно, в квартире было два длинных коридора, образующих букву «Т», а все комнаты и кухня находились в «крышке» буквы. Очень высокие,

почти четыре метра, потолки визуально расширяли пространство и без того просторной квартиры и делали её еще больше. Когда я оставалась на весь день одна дома, я была владычицей этих хором и творила всё, на что хватало моей фантазии.

– Видно, Кулина, что пироги пекла – все ворота в тесте, – говорила мама, возвращаясь с работы.

Картина указывала на то, что ребёнок самостоятельно осваивал азы кулинарии. Через всю квартиру, от кладовой в кухню, к столу и керогазу тянулась дорожка из муки. Путём множества экспериментов я постигала весь процесс приготовления галушек, которые полюбила ещё задолго до того, как попробовала.

Разговоры в очередях за хлебом и мукой значительно расширяли детский кругозор, добавляли опыта в житейских делах. Наверное, отсюда и ранние навыки в приготовлении фастфуда той поры – галушек.

Очередь занимали с вечера, отмечались в двенадцать и три ночи, потом в пять-шесть утра, а в восемь уже начиналась продажа. Кто-то один бежал во двор и извещал всех членов семьи и соседей. Так как полагалась одна буханка в одни руки и норма муки распределялась по такому же принципу, надо было, чтобы все «номера» были представлены вживую. Отмечаться ходили по очереди, зачастую дети в ночи ходили одни, страха не было, помню только холод. Не спасали сшитые мамой цигейковая шубка и шапка-шлем, а шарф покрывался инеем от дыхания с двух сторон. Подтанцовывая на морозе, мы ожидали переключки и «грели» уши взрослыми разговорами.

До сих пор люблю всё мучное, а особенно пышки на соде, которые делала мама, когда мы приносили муку, и казалось, что вкуснее ничего не было. Я теперь понимаю, почему она, вспоминая своё детство, говорит, что самым вкусным блюдом была мамалыга, которую варила её бабушка. Выходит, чем утоляли голод в детстве, то и остаётся в памяти как самое вкусное, ведь изысков не было.

Нюська

Жена сводного брата моего отца постоянно вязала носки, казалось, что висящий на спицах полуфабрикат был продолжением её пальцев. Если она не вязала, то пряла пряжу. Жили они недалеко, и я часто видела её за этим занятием. Таинство плетения и неизвестно откуда появляющиеся петли так привлекали моё внимание, что я попросила маму показать, как это делает тётя Нюся. С лёгкостью освоив премудрости, я вязала своим куклам наряды, а себе – шарфы, муфты и носки. Когда отец впервые увидел меня со спицами, воскликнул:

– О! Нюська!

Сводный брат отца и его жена Анна (та самая Нюська) были значительно старше моих родителей, лет на двадцать, и казались

мне древними ископаемыми, поэтому папино определение очень задело. Но для тех, кто заставлял меня за вязанием, с его лёгкой руки я осталась «Нюсской» на долгие годы.

Сейчас бы все говорили о пользе подобного увлечения ребенка, о развитии мелкой моторики, работе мозга, о применении таких навыков в дальнейшей жизни. В нашем же окружении это расценивалось как очередная моя причуда. Но в семье она приветствовалась как вариант отвлечься от лазанья по чердакам, крышам, от набегов за сливами в детский сад и на арбузные сетки на базаре.

Если опустить часть хулиганских достижений четырехлетней девочки, то на этом можно и остановиться в описании неординарных способностей ребенка.

Но объяснить, почему столь малая особа оставалась дома одна на весь день, всё-таки стоит.

Детский сад

Меня исключили из садика. Да-да. Из ряда вон выходящий случай. Но он имел место быть. В детском саду мне не нравилось ВСЁ.

– Да-а-а, ты не твой брат, – этой фразой приветствовали меня воспитатели и нянечки, а потом и учителя в школе.

После покладистого молчаливого упитанного мальчика им достался ребенок, который почти ничего не ел. В отчаянии мама брала меня за руку, вела на базар (благо – недалеко) и водила по рядам в надежде, что меня привлечёт какой-либо продукт. Ликовала, когда я что-то просила купить. Чаще происходило это уже на обратном пути, и были это пирожки с ливером по четыре копейки, продавала их с лотка с надписью «Нальчикский мясокомбинат» женщина в белых нарукавниках, переднике и колпаке. Не самая полезная еда, но мама и этому была рада.

Всё, что ставилось в садике на стол, вызывало у меня только отвращение и протест. А особенно кисель и щи! Серая слизь без запаха, а вкус я могла только вообразить, вызывала тошноту. Видеть это было неприятно, а есть – невозможно. Мнение об этих шедеврах кулинарии я в себе не держала, а выражала громко и публично. За что по головке меня никто не гладил.

А пытка дневным сном ребёнка, который с рождения не обременён детским расписанием! Естественно, я бунтовала, мешала всем спать и вносила сумятицу в тихий час. Наша группа располагалась на первом этаже, кровати стояли в два ряда плотно друг к другу, мне всё время хотелось на них попрыгать или через окно покинуть это царство Морфея.

Садик находился через забор от нашего двора, подружки-сверстницы оставались дома, поскольку у них были бабушки. У нас же

бабушек не было, поэтому меня пристроили, по примеру брата, в садик. Это было настоящей мукой – смотреть через штaketник, как играют на воле соседки, в то время как я вынуждена была выполнять указания воспитательницы.

Не помню, что меня сподвигло на аморальный поступок, но я заставила снять трусы всех одноклассников, спрятала их в урну, присыпала кленовыми листьями и, перемахнув через забор, пошла играть в куклы в свой двор. Когда меня пришли забирать из садика, оказалось, что на площадке девочки нет, дальше больше: дети без трусов, воспитатель не в курсе событий, а я пропала. В итоге, хотя заведующая садом была давно знакома с моими родителями, пришлось учесть накопившееся негодование воспитателей, все мои проделки, включая и критику в адрес поваров. По обоюдной договоренности меня решили в детский сад больше не водить. Подобный случай был единственный в истории садика, но случился он именно со мной. А с кем же ещё это могло произойти?

Вот так и пришли свобода, самостоятельная жизнь и вынужденный первый кулинарный опыт.

По правде сказать, спустя какое-то время ликование от свободы притупилось, я стала ходить к забору садика и наблюдать, чем занимается моя группа во время прогулки. Вдоль забора росли старые клёны, осенью их желтые листья устилали дорожку пышным мягким ковром. Или я была маленькая, или листья были необыкновенно крупными, не знаю, но кажется, что сейчас они мельче. Явный свой интерес к происходящему за забором я маскировала под сбор листьев в букет, исследование жизни насекомых, и так бы и продолжалось, но я случайно разворошила среди листьев осиное гнездо. Поднялся рой ос и устремился на меня. Надо было сразу бежать, но я не понимала, какая опасность меня ждёт, и потеряла время. Осы впились мне в голову, искусили руки, которыми я размахивала, пытаюсь сбросить их с головы.

На мой крик выбежали соседи из первого подъезда, стали предпринимать какие-то меры спасения и обезболивания, приговаривая: «Хоть бы не в отца пошла! Хоть бы не в него!». Оказывается, у моего отца была аллергия на укус осы, и у него в детстве случился анафилактический шок, о чем помнили старожилы нашего двора. Я, ко всеобщей радости, в папу не пошла и отделалась малыми жертвами, но и скучать по садику как-то перестала.

Сандалии

В первом подъезде нашего дома на втором этаже жила очень интересная семья, жизнь их была предметом ежедневных обсуждений наших бабок, от всевидящего ока которых не ускользала ни

одна деталь. От бабок и я не отставала. Если не гуляла на улице, то дежурила у своего наблюдательного пункта на лоджии, дожидаясь появления мужа Эсфирь Ионовны на противоположной стороне.

Это было действо, интересное со всех сторон. Как только он появлялся на балконе, наши дворовые глаза и уши всем составом поворачивались в ту сторону: Давид в вылинялой майке-алкашке с веревкой прищепок на тщедушной шее начинал чинно развешивать нижнее белье и платья своей несравненной Фирочки.

– Хорошо постирал? Смотри, заругает! – с издевательским смехом кричали бабки.

Он молча улыбался, доводил дело до конца и с достоинством покидал сцену. Зрители теряли интерес, по инерции ещё немного злословили в адрес счастливой соседки, потом переключали своё внимание на другой объект.

Эсфирь Ионовна, действительно, как говорится, уже не первый раз была счастлива замужем. От предыдущих браков имела двух сыновей, как поговаривали, совсем неблагополучных. Зато с мужем ей опять повезло. Его заботе, вниманию, сдержанности, отсутствию вредных привычек завидовали все. Я же безмерно уважала эту чету и мечтала, в свои-то детские годы, о таком муже или, в крайнем случае, о моряке дальнего плавания.

Эсфирь Ионовна носила платья из простого ситца без рукавов, с двумя накладными карманами. Почему-то помню её только в летний период. В ушах у неё неизменно сверкали крупными бриллиантами старинные дорожные серьги, и для меня это было непонятным несоответствием. Я всё время размышляла: либо она забыла надеть наряд, либо снять украшения, переодевшись в домашнее платье.

Почему эти люди вызывали у меня уважение? Да потому, что никто из них никогда не говорил со мной в фривольном тоне, ни разу не назвал меня обидным дворовым прозвищем, излучал добро и вежливо обращался с просьбой, а не понукая давал распоряжения.

В один из летних дней по двору разнеслась весть: Люсик приехал.

– Люсик вернулся! – радостно воскликнула мама и устремилась на улицу, оставив срочный заказ. Я последовала за ней.

Внизу уже собралась небольшая кучка улыбающихся людей, в центре которой стоял молодой человек в армейской форме. Он был мне совершенно не знаком. Как позже выяснилось, он ушел в армию, когда я еще сидела в коляске.

От первого подъезда к соседям шла Эсфирь Ионовна, в руках у неё были мужские сандалии. Я пошла к ней навстречу с приветствием, и вдруг она попросила отнести эти сандалии, как я поняла, гостю. Я протиснулась сквозь кольцо взрослых и чинно вручила сандалии Люсику. А кому же еще? Он, виновник всеобщей радости, человек,

которому все уделяют столько внимания, забрасывают вопросами, восхищаются.

– Это вам! – торжественно произнесла я, вручая сандалии.

Молодой человек пришел в замешательство. С удивлением рассматривая дарительницу и обувь, пытаюсь понять, откуда прибыло и кто я, с доброй улыбкой спросил: «А кто эта девочка черноглазая, чья ты и что за сандалии?» – и наградил ещё какими-то комплиментами тех, кто это создание произвёл на свет.

Я ему назвала имя, фамилию и кто меня попросил передать этот подарок. Надо отметить, что сандалии были далеко не новые, но вполне прилично выглядели после ремонта, который сделал сосед-сапожник.

Замешательство длилось недолго, так как подплыла Фира и спросила, почему я до сих пор не отнесла Давиду обувь.

– Если тебе тяжело, детка, так я это сделаю сама, – немного помолчав, разглядывая прибывшего, добавила: – Потом.

Все засмеялись, включая обладателя случайного подарка, а я была в ужасе. Кто же мог подумать, что в столь знаменательный момент, как прибытие Люсика, эти злосчастные для меня сандалии были предназначены другому человеку!

Я убежала домой, спряталась в кладовке и долго не покидала свое убежище, переживая публичный позор. Именно, позор! Так мне казалось на протяжении долгих лет, хотя я всегда знала, что человек имеет право на ошибку, не ошибается тот, кто ничего не делает, и тому подобное. Но этот случай расценивался мною как позор.

Наконец, покинув убежище, я пошла выяснять у мамы, кто такой Люсик, и смеются ли ещё надо мной во дворе?

Мама сказала, что переживать не о чем, что это свои родные люди, и о недоразумении давно забыли. Илья – сын тети Любы Аронс, которая умерла ещё до моего рождения. Мы жили рядом, она была очень хорошим врачом, пользовалась большим уважением, к сожалению, долго болела, спасти её не удалось. Когда Илья был маленьким, его называли Илюсик, со временем первая буква потерялась и, даже отслужив в армии, он остался Люсиком для близких людей.

Тут я вспомнила, как наши бабки говорили, что моя мама вышла замуж за отца непонятно почему, ведь совершенно разные люди, наверное, сирота хотела быть поближе к своим, будто Люба её тётка, да и Эсфирей полдома.

Никогда больше не видела такого радостного единения наших соседей, как в день возвращения Ильи! Наверное, мать и сын были действительно хорошими людьми, раз вызывали такую сплоченность жителей нашего пёстрого двора.

А у меня на всю жизнь осталась ассоциация Люсика с мужскими сандалиями, которыми я его хотела надеть из-за безмерного уважения к Эсфирь Ионовне и симпатии к незнакомцу, возникшей с первого взгляда.

Сараи

Мне часто снятся сараи, которые в два ряда отделяли наш двор от территории детского сада и грузинского дома. Так все называли дом, в котором жила большая грузинская семья. Он был самый красивый на улице. Дом и забор были облицованы колотым бежевым камнем, а швы отделаны извилинами из серого цемента. Всё это на фоне белёных саманных строений или кирпичной кладки создавало впечатление зажиточности и неприступности.

Но сараи... они имели магическое притяжение. Особенно один, который стоял обособленно и принадлежал плотнику, там были широкие щели между досками, и было очень интересно наблюдать за работой мастера. Мне всё время представлялось, что это папа Карло, и сейчас он закончит делать Буратино, который обязательно оживет, перепрыгнет через забор и пойдет хулиганить в наш садик.

А за другими сараями, на крышах, между рядами, где-то внутри происходила тайная жизнь детворы. Правда, свободу действий ограничивало всевидящее око – бабки, постоянно сидящие во дворе бабки. Стоило мне пробежать по крышам сараев, как сразу раздавался истошный крик:

– А-а-а, ссыкуха, опять все крыши провалила! Слазь сейчас же, пискля! Мать придет, всё расскажу!

Причём передо мной пробежало человек пять и все молчали, но как только на крыше появлялась я, дозор прозревал и раздавался истошный крик.

Почему я у них была как бельмо на глазу? Этот вопрос мучил меня долгие годы. А обидное прозвище уже давно не имело под собой никакого основания, но крепко закрепилось за мной и эхом отдавалось во мне долгое время.

Варенье

Летом и ранней осенью наши бабки варили варенье. Прямо во дворе у подъезда или у своего сарая устанавливали керогаз или примус, сверху водружался плоский медный таз, и начиналось волшебное действие. Их внукам выпадала завидная доля – облизывать с ложки и блюда пенки.

Пенки от варенья – это лучше любой конфетки, особенно когда они застывали и превращались в тягучую карамель. Самые вкусные для меня пенки были от вишневого варенья, но большинство предпочитало

малиновые, как и само варенье. Оказывается, есть даже особый день малинового варенья, который отмечается 16 августа. Справедливости ради, надо бы в июле учредить и день вишнёвого варенья.

Кто же не любил пенки! Не молочные, конечно, хотя... Помните, даже у Пушкина есть про медовое варенье и «кипучие пенки»?

У нас таз для варенья был алюминиевый, хранился в кладовой от лета до лета и служил нам долгие годы, аж до моей взрослости. Я всю жизнь мечтала купить медный, но всё как-то не складывалось.

Технология приготовления варенья, причем из разных ягод и фруктов, была детворе знакома с раннего детства. Поэтому, когда к нам на работу назначили нового руководителя, женщину пенсионного возраста, и она между делом поинтересовалась у нас, как варят варенье, я испытала искреннее удивление и одновременно разочарование в этой даме, хотя шлейф заслуг у неё был длиннющий.

Тутовник созрел

В детстве мы всем двором делали вылазки за тутиком на улицу Чкалова и дальше. Наевшись, с чернильными руками, ртами, довольные отправлялись искать способ, как отмыть красоту, привести себя в порядок и паиньками вернуться домой. Помню, когда слышали от кого-то слово «шелковица», сразу понимали – приезжие. А попадались и такие ребята, которые не понимали, что это такое мы едим и чем красимся, эти вообще считались «с северов».

Тутик у меня всегда ассоциируется с детством. Летом наш большой двор, да и город наполнялся гостями. Поезд «Нальчик – Баку» привозил много отдыхающих, которые спасались у нас от палящего зноя. Кто-то приезжал к родственникам, кто-то снимал квартиру и жил всё лето. К концу сезона местные дети говорили с легким азербайджанским акцентом, а у отдыхающих он немного сглаживался. На базаре всё дорожало, даже пучок петрушки стоил пять копеек вместо обычных трех. Местные сетовали на приезжих, а нам все было нипочём, так как детям делить было нечего, тутик рос на деревьях бесплатно, а арбузы мы получали на базаре за помощь при их разгрузке.

Интеграция различных культур работала всё лето, и мы обогащались знаниями, ходили к приезжим на обед и учились дружить, несмотря на различия укладов жизни, языка и культур.

Бабушки в традиционном понимании у меня не было, она жила далеко. Мне было почти четыре, когда она приехала в Нальчик со своим вторым мужем. По этому случаю мама послала брата на рынок купить мне новые сандалики, хорошие, аж за 1 рубль 80 вместо 78 копеек. А ещё мне сшили платице из остатков ткани от маминного платья. Оно было с короткими рукавчиками, на кокетке, под

грудью начиналась присборка и, если покружиться, образовывался колокольчик. Брат получил рубашку-вышиванку и тубетейку, тогда это было очень модно.

Стоял жаркий июль, мама переживала, как бы груши на даче не переспели и дождалась бабушку, она очень любила груши. ГруЩИ, так она говорила, протягивая «щ». У меня в памяти осталось лишь это особенное произношение, говорила она по-русски, но волшебным образом слышался идиш. И еще сохранилась общая фотография родственников, собравшихся по поводу приезда гостей.

Считалось, что бабушка приехала повидаться с младшей дочерью и внуками, но в большей степени она привезла своего нового мужа «на Юг». Сейчас понимаю, как маме было тяжело пережить это смешение чувств: переступить через память любимого отца, расстрелянного в застенках НКВД, через детдомовское детство, юность без материнских наставлений и советов, сиротство при живой матери, и с радостью принять её визит.

Не знаю, как к брату, но ко мне бабушка проявила мало интереса. Я не понимала, какие отношения должны быть между внучкой и бабушкой, и сочла это нормальным. Зато, как и другие дети с нашего двора, я теперь могла говорить о бабушке, осязая её реальное существование, хоть и где-то там, вдали. И даже песенку, которую мне пела соседка:

*– Вырасти, деточка, гибкая веточка,
Шейне ве лихтекер туг,
Бабина родинка, твердая меточка,
Ямочек свет в полукруг.
Фишеле, фейгеле, таере мейделе,
Ты вырастай, не ленись,
Жизни пути виадиненке брейтеле,
Кинделе, не оступись! – я теперь мысленно вкладывала в её уста.*

В итоге меня её визит впечатлил меньше, чем новые сандалики. Каждый остался, как говорится, при своих.

Но всё это я к чему вспомнила... Увидев меня, перемазанную тутовником, мама сказала: «А мне мама всегда оттирала руки зеленым крыжовником». Не «твоя бабушка», не «мама меня научила», а просто факт, легкое воспоминание. Всё-таки для ребенка, выросшего вдали от матери, каждая мелочь, связанная с ней, имеет особую ценность, наверное, и делиться этим он ни с кем не хочет, даже с собственной дочерью. Так интересно – не «моя бабушка», а её «мама».

Вот много лет спустя собираю я тутовник на маленьком деревце у речки Нальчик под мостом, ведущим на терренкур, вспоминаю наши детские вылазки, смотрю на свои чернильные пальцы и думаю о том, что мамина мама удаляла пятна зеленым крыжовником...

Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук

К ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ
И ПОЛИМОРФИЗМУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ: «КЫЗБУРУН»

(К 120-летию со дня рождения А. Шогенцукова)

Реалии современной культуры отражаются не на жанре оперы как таковой, а на ее сценическом, музыкальном и литературном воплощении. Положение же национальной оперы в современном мире может быть описано общими тенденциями, влияющими на классические искусства. Элитарный по своей природе жанр западноевропейской оперы затронул черкесскую тему в XVIII веке в операх Г. Р. Бишопа (1786–1855)¹, Д. Ф. Обера (1782–1871)², Ж. Бизе (1838–1875)³, Ф. Зуппе (1819–1895)⁴ и многих других, тогда как русские композиторы лишь в начале XIX обратили внимание на удивительный музыкальный фольклор черкесов и использовали в своих сочинениях черкесский мелос. Напомним, что первым рус-

---

¹ *Генри Роули Бишоп* (Bishop Henry Rowley) (1786–1855), английский дирижер и композитор, родился 18 ноября 1786 в Лондоне. Творческая популярность Бишопа укрепилась с первого и единственного исполнения его оперы «Черкесская невеста» (The Circassian Bride) в театре Друри-Лейн в 1809 году (на следующий день после премьеры пожар уничтожил театр). Умер Бишоп в Лондоне 30 апреля 1855.

² *Даниэль Франсуа Эспри Обер* (Daniel-François-Esprit Auber) (1782–1871), французский композитор, автор бывшего французского гимна La Parisienne, Член Института Франции (1829 г.). В 1842–1871 гг. директор Парижской консерватории, с 1857 – также придворный композитор. Наряду с Дж. Мейербером является одним из создателей жанра большой оперы, а также крупнейший представитель французской комической оперы. Опера «Черкешенка» (Lacircassienne), написана в 1861 году и поставлена 2 февраля 1861 года в Париже в театре «Опера комик». Скончался Обер от сердечного приступа 13 мая 1871 года.

³ *Александр Сезар Леопольд Жорж Бизе* (Alexandre-César-Leopold Bizet) (1838–1875), французский композитор периода романтизма. Мировую славу завоевал благодаря опере «Кармен» (по новелле П. Мериме, 1874), которая явилась крупнейшим творческим достижением и одновременно его лебединой песней. Опера «Иван IV» («Ivan le Terrible», 1865) символизирует любовь героев – Царь Иван Васильевич влюбляется в кабардинскую княжну Кученей (Мария), младшую дочь князя Темрюка.

⁴ *Франц фон Зуппе* (Franz von Suppe) (1819–1895) – австрийский композитор и дирижер в венском «Йозефштеттер-театре» (Theater in der Josefstadt), автор популярных песен и оперетт (31). Оперетта «Фатиница» состоит из 3 актов. Премьера состоялась 5 января 1876 года, в Вене в театре «Карлстеатр» (Carltheater).

ским композитором XIX века, обратившим внимание на богатство народной музыки адыгов, был выдающийся представитель русской музыкальной культуры А. А. Алябьев (1787–1851). А в первой половине XIX века Кавказ посетил основоположник русской классической школы М. И. Глинка (1804–1857), который позднее использовал горские мелодии в своих сочинениях (опера «Руслан и Людмила»). Ярчайший композитор XIX века, один из лидеров знаменитой «Могучей кучки» М. А. Балакирев (1836–1910) несколько раз посещал Кавказ и создал на основе горских танцевальных мелодий фортепианную фантазию «Исламей».

Али Шогенцуков

Вопрос зарождения национальной оперы весьма сложен и связан с процессами взаимодействием драмы и музыки – комплексными и неоднозначными, детерминированными на каждом историческом этапе конкретикой контактов музыкальных практик этноса с общекультурным контекстом не только литературы и музыки, но и общекультурным контекстом соответствующей эпохи. В то же время, схемы взаимной интеграции двух составляющих национальной эстетической сферы – музыки и поэзии – разворачивают перед исследователями возможности нетривиального взгляда на эволюцию эстетического сознания народа.

Именно попытка создания национальной оперы «Кызбурун» А. Авраамовым, в основу которой легла одноименная драматическая поэма классика кабардинской литературы Али Шогенцукова, открыла новые перспективы в исследовании закономерностей и взаимодействия драматической поэзии с мелодией. В связи с тем, что нотный материал оперы не сохранился, как, собственно, и сама поэма, в основу данного исследования вошли сохранившиеся переложения трёх ярчайших отрывков указанного произведения, переведённые выдающимися русскими поэтами А. Ахматовой, Д. Самойловым и В. Звягинцевой.

Творчество Али Шогенцукова выдержало самую строгую проверку временем – и оказалось также созвучно противоречивым нынешним поискам в безудержно глобализирующемся мире. Поэтому сегодня можно говорить о втором рождении поэта, ибо становится ясно, что с течением времени значение его творчества для национальной литературы и культуры только возрастает.

Как ни неожиданно это звучит, говорить о литературном процессе XXI века и месте в нем творческой индивидуальности невозможно

без художественного опыта Али Шогенцукова. Пришло время, чтобы талантливый кабардинский поэт со всеми его прозрениями и противоречиями был прочитан по-новому.

Значимость творческой эволюции поэта заключается не только в формировании его творческой индивидуальности, не только в становлении и развитии самой национальной литературы, но и жанра национальной оперы.

В страну поэзии А. Шогенцукова ведут самые разные пути. Один из них – попытка прочитать и осмыслить художественный мир кабардинского поэта в национальном историко-культурном контексте. Речь идёт не только о цивилизационно-культурных и цивилизованных основах, в течение столетий сменявших друг друга, и к которым восходит творчество поэта XX века, не только о 20–30-х годах, в которые формировалось и развивалось творчество Али Шогенцукова, но и о том, что в художественном мире кабардинского стихотворца на глубинном уровне встретились и пересеклись Запад и Восток, Россия и Кавказ, ислам и социализм, поэзия и музыка. Этим многообразием слагаемых художественного мира Али Шогенцукова объясняется и значимость, и, порой, противоречивость его творчества. В одном художественном мире, в одном поэтическом сознании «присутствуют» и взаимодействуют «Нарты» и русская классическая литература, гыбза и романтическая баллада, традиционная мифоэпическая модель мира и современная ему художественная картина мира. Ученик *баксанцев* Али Шогенцуков в своей творческой судьбе воплотил высшие общечеловеческие идеалы, оставаясь преданным сыном своего народа. По сути дела, художественный мир кабардинского поэта видится равновеликим многовековой адыгской культуре.

И здесь перспективным и плодотворным, как нам представляется, является прочтение мифоэпических основ художественного мира кабардинского поэта. Последняя оговорка сделана потому, что пока ещё не существует выверенной хронологии произведений поэта, неизвестны многие факты его личной и творческой биографии, имеется множество сложностей в советской интерпретации его творчества и переводов на русский язык. Всё это, естественно, затрудняет попытки целостного осмысления художественного мира Али Шогенцукова и оставляет творчество поэта на стадии полуизученности и выборочного, адресного признания, если угодно – полупризнания. Советская эпоха была сложнейшим, внутренне глубоко противоречивым и многогранным целым, подлинную сущность и неоднозначность которого мы ещё долго будем постигать.

И именно осознание исторической необходимости выжить и сохранить веками накопленное культурное наследие воспроизводится

поэтом в произведении «Кызбурун», где А. Шогенцуков снова обращается к национальной структурообразующей функции адыгской культуры и сформированному ею типу художественного сознания.

К сожалению, законченная и отправленная самим поэтом в издательство рукопись поэмы, видимо, исчезла навсегда. Дошедшие до нас фрагменты представляют собой первые подступы к реализации крупного по масштабам художественного замысла. Здесь уместно вспомнить замечание А. Пушкина, что даже самый план Дантова ада – плод великого гения.

Различные версии начала «Кызбуруна» представляют собой поиски А. Шогенцукова – автора уже многих песен – этого самого плана, который должен был постепенно оформиться в первую национальную оперу. Неизвестно, что, в конце концов, должно было представлять произведение, созданное в соавторстве с А. Авраамовым – лишь один отрывок его представляет безусловную и любовную историю двух молодых людей с выдвиганием на первый план образа Данах.

Не исключено, что дошедшие до нас фрагменты варианта произведения свидетельствуют о некотором «противоречии» в самом замысле Али Шогенцукова и о попытках его преодоления. Во-первых, замысел «Кызбуруна» связан с ростом личностного самосознания в перипетиях становления нового мира. В этом случае индивидуум, в которого превращается родовой человек, оказывается один на один с целым миром, и автору приходилось решать не возникавшую ранее в национальной литературе и музыке проблему личностного выбора и ответственности за этот выбор. В связи с этим резко возрастает избирательность и любовного чувства, которое теперь определяется не традиционными, не родовыми характеристиками (в этом случае героем, возможно, должен был стать Айтек), а личностными предпочтениями. Поэтому героем остаётся все-таки КанаMAT, то есть человек, сохранивший в себе все качества эпического персонажа, героя-воина, но уже преображённого развёрнутым и чётко сформированным уникальным «Я». С Айтеком же в «Кызбурун» входит традиционно-эпический герой. В целом же, необходимо констатировать, что дошедший до нас фрагмент далёк от норм условно-романтического представления. В нём превалирует реальный быт адыгов и, одновременно, чётко вырисованы функции адыгской этики. Другое «противоречие» – нарастание эпического начала и стремление поэта расширить музыкально пределы художественного пространства оперы, воплощающей полноту эпического бытия народа.

Резкое усиление личностного начала в образах-героях сопряжено в «Кызбуруне» со «смирением» героев перед национальным эпикомифологическим сознанием родового человека. Эта противоречивая

целостность и определяет перерастание лирической поэмы в национальную оперу в условиях «эпического состояния мира», созданных эпохой перехода адыгов к новому типу духовного бытия и культуры. Поскольку «центральный сюжетом произведения и оперы остаётся история любви, то она возвращает поэта, с одной стороны, к традициям западно-европейской литературы и оперы «Тристан и Изольда», и к традиции восточного эпоса «Лейла и Меджнун». Случайно ли поэт выбирает временем действия XVII–XVIII вв. – время формирования идей Жабаги Казаного и процесса исламизации, который не занял ещё своего места в духовной жизни общества? Этот переходный период и определяет разноплановость и противоречивость характеров главных героев: отец Данах, Айтек и другие, в которых борются традиционные черты воина-адыга с властолюбием и жадностью. В этом произведении Али Шогенцукова уже не устраивает традиционная мотивировка, данная в народном предании, он ищет основу трагедии в личностных мотивах».¹

Редкостный факт перевода трёх фрагментов из произведения тремя выдающимися русскими поэтами недвусмысленно говорит об эстетическом качестве текста и требует пристального литературоведческого анализа как оригинала, так и переложений. Может быть, есть своя закономерность в том, что наиболее лирическим и личностным оказался перевод А. Ахматовой первого фрагмента «Данах и Канагат», где отчётливо проявляется взаимообусловленность лирического и эпического начал:

*У нищей лачуги белёные стены,
А крыша покрыта соломой гнилой.
Тугие жгуты из кручёного сена
Её обвивают волнистой струёй.
И свет проникает сквозь узкие щели...
Под вечер на улочках узких шумней.
Там всадники, те, что в боях поседели,
Сноровкой гордясь, объезжают коней.
К колодезю невестки идут молодые
И прячут улыбки в узорных платках.*

*Гоняют по взгорьям джигиты лихие
На резвых, горячих степных скакунах.
Джигиты, шутя, вспоминают былое,
Смеясь, о набегах ночных говорят.*

---

¹ Тхагазитов Ю. М. Али Шогенцуков. Поэт драматической судьбы // Литературная Россия. М., 2005. 28 октября.

*Селенье таится под серой скалою,
Где правит округою князь Камбулат.
Он в жизни не знал ни забот, ни печали.
В округе он был полновластным царьком.
Столь грозным, что женищины с места вставали.
Едва только речь заходила о нем.
Когда ж пред набегом, в вечернем тумане,
Он плетью охаживал бёдра коня.
От мрачных предчувствий вздыхали крестьяне,
В молчании горькую долю кляня.
Старик ещё бредил любовною негой.
Чтоб девушек не отпугнуть сединой.
Он бороду, ставшую к старости негой.
Окрашивал огненной крымскою хной.¹*

Д. Самойлов во втором фрагменте «Канамат и Айтек» обращён к трагическому началу:

*В час, когда солнце, помедлив на склоне,
Тронет рубцы на угрюмой скале,
И оглядит оно из-под ладони
Всю Кабарду как дозорный в седле, –
Память мне шепчет преданье простое,
Сердце опять вспоминает о ней –
Девушке с шапочкою золотою,
Сгубленной злобой умчавшихся дней.
Словно лоскутья её одеянья
Вьются на зубьях угрюмой скалы,
Словно опять раздаются рыданья
Там, где стоят вековые стволы.
Ты, Кызбурун, устыдившись позора,
Тенью дубов прикрываешь чело...²*

В. Звягинцева же возвращается в третьем фрагменте «На санопитии» к эпическому миру адыгов и традиционным ценностным ориентациям:

*Утром чуть встанет в алом свеченье
Над Кызбуруном солнечный день, –*

---

¹ Избранные произведения / Али Шогенцуков / сост., подг. текста и коммент. А. Х. Хакуашева и М. А. Хакуашевой. Нальчик: Тетраграф, 2014. С. 178.

² Там же. С. 184.

*Вниз, на сады, на кровли селенья
От Кызбуруна падает тень.
В дни санопития всадник гибкий
Ловко сбивал иглу на лету,
А песнопевцев нежные скрипки
Славили доблесть и красоту.
Стройные девушки в танце плыли
Стайкой степенною лебедей
Вместе с джигитами, что любили
Покрасоваться блеском мечей.
Редко бывали дома мужчины,
Их за гостей привыкли считать.
Даже во сне любимого сына
Вооружённым видела мать.
Труса встречали дома укором,
А храбрецам красавицы в дар
Ткань расшивали пышным узором –
Да золотым, горящим как жар!
Мужество только и воспевалось –
Жили сурово в те времена.
Тайной из тайн любовь почиталась.
Не потому ль была так сильна?!¹*

Али Шогенцукову предстояло подняться до новых художественных высот в этом произведении, ибо уже по этим трём отрывкам и трём различным переводам начала «Кызбуруна» ощутима смена «бунтарского» отношения поэта к национальной истории её поэтизацией. Эпический синтез, музыкальный и литературный, достигнутый в «Кызбуруне», привёл к тому, что творчество поэта переросло чисто литературные рамки и стало одним из самых значительных факторов в культурной жизни кабардинцев, фактором формирования духовной культуры народа и, более того, попыткой создания новой формы самовыражения этно-эстетического сознания.

---

¹ Избранные произведения / Али Шогенцуков / сост., подг. текста и коммент. А. Х. Хакуашева и М. А. Хакуашевой. Нальчик: Тетраграф, 2014. С. 207.

Инна КАЖАРОВА,
кандидат филологических наук

Идеологическая семантика поэзии Али Шогенцукова 20-30-х годов

Наверняка каждый, кому довелось читать стихи Али Шогенцукова в оригинале, ловил себя на том, что его вниманию приходится балансировать между двумя областями поэзии. Одна из них вторит естественному строю переживаний и через самовыражение отдельного человека запечатлевает имманентный мир духовных ценностей его народа, другая – ответственна пафосу времени и через готовые образные стандарты отражает становление нового этапа истории.

Наиболее активно тематика коммунистического строительства развивалась поэтом с 20-х и примерно до середины 30-х, изредка перемежаясь незатейливыми пейзажными зарисовками. В этих стихотворениях происходит осознанное упрощение языка и образной семантики, и причиной тому не только особенности аудитории, которой они посвящены, – школьники, рабочие и крестьяне, мало знакомые или же совершенно не знакомые с книжной культурой. Здесь сказывается также императивность пролеткультовского канона мировосприятия, утверждавшего превосходство простоты над утонченностью, требовавшего от художника осознания идеологической сути этой простоты.¹ И, в соответствии с эстетическими доктринами большевизма, Шогенцуков осознанно упрощает свой язык и образность. При этом, по выражению Заура Налоева, он настойчиво ищет «ту грань, которая отделяет благородную простоту от примитива»². Темы и сюжеты по преимуществу ситуативны, то есть представляют собой поэтическую фиксацию конкретных свершений тех лет: открытие школ, создание Отдела народного образования, строительство Баксанской ГЭС, открытие оросительного канала, первые шаги газеты «Карахалк», издание газетой «Карахалк» приложения «Детский листок» и т.д.

Период с 1923 по 1934 наполнен в жизни поэта активной культурно-просветительной деятельностью. Получив в 23-м году педагогическое образование, он трудится учителем в школах и ликбезах, инструктором-методистом Баксанского района, руководит курсами

¹ Богданов А. Простота или утонченность (1920) // Указ. соч. С. 176.

² Налоев З. Творчество Али Шогенцукова // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 127.

по повышению квалификации учителей. Педагогическую и организаторскую работу совмещает с агитационно-пропагандистской.¹

Естественно, особо популярные клише пролеткультовской эстетики не обходят творчество хорошо знакомого с русской поэзией Шогенцукова. Здесь сопоставляется старое и новое, подчеркивается грандиозный масштаб человеческих свершений, непременно сопровождаемый оптимистическим пафосом, звучат призывы к борьбе, молодые силы изображаются как воинство, будущее – как цветущий сад и т.п.: ««Под знаменем общим / Новую жизнь построим, / В радости пребывая / Великим солнцем воссияем» (*«Майский праздник»*, 1938)².

Субъект пролетарской поэзии А. Шогенцукова никогда не ощущает себя исполином, никогда не бывает с мирозданием на «ты». Есть лишь отдельные случаи, где намечается космическая масштабность, но и она имеет отстраненный характер: «Шар земной, на котором живем, / Солнце свободно озарило, / В эти лучи свободы я мечтаю взглянуться» (*«Прошу, одобри мое усердие»*, 1930). В качестве исключения можно было бы сослаться на более позднее стихотворение *«Октябрь»* (1939), но опять же, космическая масштабность причастна здесь человеку только в опосредованном виде – она утверждается мощью революции и явлена в словах обращения к ней.

Очевидно, такая особенность сопряжена с «модальной ориентированностью»³ субъекта его поэзии. Он радуется свершениям, призывает к борьбе, мобилизует молодые силы, но, как бы, балансируя при этом между поэтическим «Я» и «Мы», личностным и надличностным, сохраняя определенную дистанцию между собой и изображаемым. Несмотря на то, что пролетарий – хозяин жизни, а поэт (субъект), разумеется, мыслит себя подлинным пролетарием, здесь нет полного слияния с коллективистическим «мы». Субъект агитирует, призывает, вдохновляет, следовательно, осознает дистанцию между «я» и «мы», однако при этом нет и осознания собственной высокой миссии. В этом смысле черты, индивидуализирующие субъекта пролетарской поэзии А. Шогенцукова, не спешат отвечать стереотипам самовыражения человека нового строя, они нигде не декларируются, никак не подчеркнуты.

В роли трансляторов нового мира намного выразительнее оказываются герои, к которым устремлено его внимание. Так, на

¹ Из воспоминаний А. Березко // *Котлярова М. А., Котляров В. Н.* Ты создал мир, и он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. С. 51.

² Здесь и далее переводы подстрочные. – *И. К.*

³ См. об этом: *Бройтман С. Н.* Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 66 с.

место юноши, противостоящего лишениям на чужбине в раннем стихотворении «*Матери*» (1917), приходит ребенок, поступательно отодвигающий тьму былого уклада. На место напряженного психологизма и тонкой образности – акцент на движении и цветовых контрастах.

Герой, который появляется в поэзии 1920–30-х годов, наделён именем собственным – *Хъэсани цЫкIу* (маленький Хасани), но вместе с тем внедрён в гражданскую множественность, – всех детей утверждающегося в Кабарде социализма поэт обобщённо именует *маленькими Хасаншами*: «Маленьких Хасаншей давайте обучать / Работников отчизны возвращать!» («*Кабардинские учителя-курсанты*», 1925).

Ребенок в новой действительности – целеустремленная личность, и склад этой личности оценивается А. Шогенцуковым однозначно положительно. Так, в стихотворении «*Хасани-ученик*» (1925), раннее утро, с которым невольно соотносится детский возраст, путь, который держит маленький Хасанш, не сворачивая с него, говорят сами за себя. Маленький Хасанш чист, смел, жизнерадостен, аккуратен. Это безупречный, «правильный» ребенок: «Не глядя по сторонам, / Он к своей школе держит путь». В школе он *вежливо* здоровается с учителями, *радостно* проходит на свое место; *тихо, вежливо* дает ясные ответы на вопросы учителя; играя на перемене, *не ввязывается в драку*. Кроме прочего, в стихотворении «*Милосердие маленького Хасанша*» (1925) сказано, что он имеет хорошие задатки, и дополнен ряд положительных характеристик: «очень умный», «со светлым сердцем», «сострадающий», «золотой мальчик». Малыш Хасанш весь – в положительных характеристиках и положительных действиях. В художественном плане – это гармония, выведенная на поверхность, в идейном – та трогательная и душевная «часть» новой действительности, в которой поэт провидит ростки светлого будущего.

Несколько иначе воссоздана пионерия. Пионеры А. Шогенцукова предельно обобщены. Не трудно заметить, что здесь преобладают не характеристики, а действия и мобилизующие призывы, оформленные глаголами будущего времени и глаголами повелительного наклонения: «будем жить», «продвигайтесь», «зажжем свет», «сотрем», «послужим», «будем светить», «уничтожим», «создадим», «сделаем», «будьте готовы», «разбейте ударом», «шагая, вверх иди», «вам путь держать, вставайте, / дробь барабанную начните», «чеканя шаг, идите». Даже через этот ряд нарастает ритм маршевого шествия, ведь «митинг и шествие как формы тогдашнего публично-гражданского быта синтезировали в себе восторг безграничной воли, готовность к самопожертвованию, радость победы, стихию чувств и раскрепо-

щенного воображения»¹. Стихи о пионерах составляют целую группу: «Пионеры» (1931), «Пионерская жизнь» (1931), «Новая школа» (1931, 1933, 1934), «Пионерская песня» (1939). Мы не видим этих ребят. В отличие от собирательного образа малыша Хасанша, здесь отсутствуют какие-либо внешние детали, нет даже их поверхностной прорисовки. Мобилизующие призывы, по сути, – основная форма, в которой заявлен образ и представлены его действия.

В поступательном нарастании решительных действий пионерия переходит в силу не только активную и побеждающую, но нападающую и в чем-то даже устрашающую. Военизированность, маршевое движение, агитационность в полной мере нашли себя здесь. Важно заметить, что из всех персонажей, которые включены в новую картину мира, именно пионеры оказываются наиболее приближенными к решению задач коммунизма. Малыши-Хасанши – пока всего лишь будущие «трудящиеся родины», ее светлый потенциал, пионеры же, судя по обращенным к ним призывам, – наиболее реальные творцы пролетарских побед: «Друзья, приготовьтесь, / Радостно постройтесь, / Устрашающий капиталистические страны / Пятилетний план осуществим!» («Создать», 1931).

Казалось, было бы логичнее спроецировать призывы о воплощении пятилетнего плана на фабрично-заводских рабочих, однако главное действующее лицо, вокруг которого и во имя которого вырастает пролетарская поэзия, в произведениях Шогенцукова оказывается «смазано». И происходит так по причинам объективного характера.

Образ пролетария, нового человека нового мира, был актуален на тех «участках» строящегося коммунизма, где имела место индустриальная деятельность. В Кабарде 20–30-х фабрики и заводы только зарождались – «Фаб-заводы не позже чем завтра / На землях низинных взрвут» («Наш великий план», (1931 – только начинала осваиваться железная техника, и столь очевидным символам пролетарской поэзии, как заводской железный молот, заводской гудок и прочие только предстояло войти в культурное сознание горцев. Таким образом, в той реальности, какая наличествовала, наиболее воодушевленной, организованной и сплоченной массой, готовой «догнать и перегнать», «воплотить пятилетний план в четыре года» оказывалась пионерия, – на нее смещаются задачи пока еще не обозначившейся прослойки фабрично-заводских рабочих, и этим обуславливается оригинальность «расстановки» героев пролетарской поэзии Шогенцукова.

---

¹ Мазаев А. И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг): Проблемно-теоретические очерки и портреты. М.: КомКнига, 2007. С. 129.

Помимо прочих стандартов, универсальных для пролетарской эстетики 20–30-х годов, надо отдельно упомянуть «симптом» новой жизни, для северокавказского региона особый – это вступление в преобразовательное движение женщины-горянки. Ясно, что, как и в предыдущем случае, речь не могла идти о заводской девушке. В полной мере охарактеризовала героиню шогенцуковской лирики этого периода М. Шакова: «Сатаней, лютик» – так зовут молодую учительницу. Все в этом любовно очерченном образе девушки напоминает весну. Вокруг нее буйно цветет весна новой свободной жизни. Своим благородным трудом она несет в родное село радость, преграждая путь суевериям и невежеству. Сатаней способна на подвиг и не отступает перед силами тьмы»¹.

С одной стороны, *Сатаней*, как и маленький *Хасани*, – это личность, включенная в гражданскую множественность: «По возвращению вашему Сатаней, / Как сильно они соскучились!» («*Кабардинские учителя-курсанты*», 1925) – имеются в виду школьные учительницы (имя собственное употребляется здесь во множественном числе). С другой – единственная из героев новой реальности, чью точку зрения А. Шогенцуков пытается обозначить. Причем попытки эти становятся зримы в стихотворениях 30-х годов. Внутреннего мира малыша Хасанша и пионеров он никак не касается, в изображении же женщины явно проглядывают именно ее интенции. Во всяком случае, женский угол зрения принят во внимание в произведениях «*Сатаней*», «*Сатаней красивая*», «*Лалина*».

Итог внутреннего движения героини Шогенцукова – она избавляется от того, что угнетало её раньше и получает от новой действительности то, что делает существование полновесным (её не отдают насильно замуж, она не носит неудобные наряды, может открыто высказывать свое мнение, к ней прислушиваются и т. д.). Важно при этом обратить внимание, что представление женских образов опирается на щедрое перечисление атрибутов красоты – «*черные большие глаза*», «*твои камышового оттенка пальцы*», «*твой белый подбородочек*», «*твои белые предплечья*» и т. д. Причём, присутствие уменьшительно-ласкательной лексики не оставляет это перечисление в области простой констатации, а скорее обнаруживает заинтересованное любование объектом, при этом социальные свободы – лишь дополнение к нему: «Если ты не цветёшь – что значит солнце? / Если ты не улыбаешься – в чем радость? / Ты, моя красавица, моя душа, / Бытие преображающая» («*Сатаней*», 1935).

---

¹ Шакова М. К. Мой Али Шогенцуков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. 96 с.

Подобные детали особенно примечательны на фоне нового культурного стереотипа женщины-горянки, который формировался в 20–30-х годах. Непосредственно на время появления стихотворений «Сатаней» и «Сатаней красивая» приходится знаменательное событие – проведение Первого съезда трудящейся женской молодежи Северного Кавказа (1935 г.). Это событие не просто удостоверяло равные с мужчиной права женщины в деле строительства коммунизма, но и стало значительным шагом к демократизации вековых традиций. Ведь до этого момента возможность участия в общественной жизни являлась приоритетом женщин старшего поколения.

Областной съезд активно освещался в прессе. Газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» в каждом номере с 10 по 15 октября 1935 года публиковала приветствия к делегаткам Съезда, поэтические произведения, посвященные новой женщине, интервью с новыми кадрами республики. О себе рассказывали девушки – секретари комсомольских комитетов, члены областного суда, стенографистки, зоотехники, альпинистки, парашютистки, ударницы труда. Страницы пестрели их портретами, текстами выступлений, звучавшими на Съезде. Словом, культурная революция свершилась, и вступление в строительство нового мира новой женщины-горянки стало несомненным фактом.

Шогенцуков запечатлевает новую для адыгской женщины роль через обращенные к ней призывы («Давайте обучать маленьких Хасаншей / Работников родины взращивать!») и через её активные действия: для Лины-трактористки «безразлично – какие (на пути) заросли / То, что попадается первым, угождает под трактор». Но героиня лирики Шогенцукова входит в эту жизнь не только радостно и счастливо, но и женственно, и поэт настойчиво выделяет эту женственность, словно опасается потерять её из виду. И здесь, конечно же, речь должна идти о ценностных установках самого поэта. Вот как он воссоздаёт эпизод из жизни активистки в стихотворении «Самоотверженная девушка» (1931): «Постановления партии / Выслушав, она выступила: / В сходе рабочих и крестьян / Мягко, радостно участвовала».

Мягкое участие в партийном сходе – логический диссонанс, но в свете идеала женственности он вполне гармоничен. В таком же духе смягчает Шогенцуков действия героини в «Сатаней-красавица» (1935). Иными словами, в освещение пролетарского идеала привходит сентиментальный модус, порождающий некую двойственность, а, точнее, глубину образа: с одной стороны – величавость, грандиозность действий героини, с другой – смягчение этой грандиозности через акценты женственности. С одной стороны – новая суть, с другой – «прежнее» имя. Действия Сатаней-красавицы вернее было бы

назвать деяниями, ее образ синтезирует величавую красоту богини, мудрость фольклорной героини и смелость пролетарской активистки. Ее устремления полностью соответствуют идеологии нового времени, но при этом нет никакого соответствия каноническим моделям поведения пролеткультовской героини.

Беззащитная природа женственности звучит завершающим аккордом стихотворения *«Самоотверженная девушка»* – летний вечер и лес оплакивают красоту убитой бандитами активистки: *«Ту, чьи волосы цвета голубки, / До утра оплакивал лес»*.

В плане соотношения женственности и социальных свобод и в плане дальнейшей эволюции образ новой женщины находит логическое развитие в произведении *«Лалина» (1936)*. Логическое в том смысле, что поэтизация женственности начинает перевешивать остальное. Упоение героя красотой Лалины и опьяняющая прелесть весеннего мира виртуозно воссозданы в едином поэтическом порыве, последовательно усиливающимся на протяжении шести строф стихотворения. Стихотворение появилось в 36-м, спустя лишь год после Областного съезда женской молодежи. Но в данном тексте уже нет и намёка на упрощение семантики, на лозунговые шаблоны и агитационную риторику. Автор даёт себе полную свободу в воспевании женской красоты: *«весны нарядной роза», «степная голубка», «голубка-белошейка», «роза, выросшая у подножья леса», «как плод, созревший на скале, девушка эта неприступна»* – обилие подобных метафор и сравнений, определяя эмоциональный и идейный строй произведения, красноречиво свидетельствует о ценностных доминантах поэта. Социальный же мотив, как отмечалось выше, выступая лишь дополнительным элементом идеала красоты и молодости, сообщает ему необходимую полновесность: никто не вправе покушаться на свободу прекрасной Лалины.

Когда подобные явления целенаправленно выделяются из общего контекста пролетарской поэзии, невольно происходит их утрирование, а важно именно то, что они тихо прорастают сквозь стандарты отражения новой действительности.

В 1936-м году появляются стихотворения *«Баю-бай, мой мальчик»* с подзаголовком *адыгэ гуцаицхьэ уэрэд* (дословно «адыгская песня над изголовьем колыбели») и *«Колыбельная песня»*. Пролетарская семантика в эти годы уже утрачивает актуальность. Происходит органичное сращение идеологии нового времени и национальной духовности. Это сращение воссоздано здесь искренне и любовно, темы новой жизни, свободы, победы, патриотизма, труда, социального равенства мягко просвечены сквозь лад колыбельной песни:

*Замечательной страны новое поколение, мой родной.
В колыбели прекрасного мира
Ты спишь, не бойся!*

*Старшие братья твои книги
Золотыми буквами печатают,
Для тебя Красная Армия на шинелях
Ордена большие пришивает,
«Баю-баю-баю-бай, мой мальчик,
«Ко мне иди», – говорит родина,
А как большие глазки свои откроешь,
Тянется, чтобы поцеловать тебя.*

*Счастливый мой мальчик,
С жизнью свободной (наравне) расцветай,
Притесняемых (людей) дитем
Не будучи, мой милый.
Баю-баю-баю-бай, мой мальчик,
Страны свободной новое поколение,
Большевиков звезда,
Ясноглазый мой, засыпай!*

(«Баю-бай, мой мальчик»)

Впечатляет творческая смелость поэта, внедрившего в материю текста, который должен умиротворять ребенка, общественные и политические реалии времени. Еще больше впечатляет идеологическая и эстетическая гармония, возникшая в результате, искренность и глубина веры, которая не дает даже сегодня, в эпоху явного крушения идеалов, ни одному слову из «*Адыгской колыбельной*» Шогенцукова прозвучать натянуто, наивно или смешно. Даже критикующий взгляд «из сегодняшнего дня» не в силах примыслить к этим строкам иронический подтекст.

Похожий синтез, но уже приближенный к философскому, – в стихотворении «*Старик-сторож*». Здесь сопоставление прежнего и нового миров происходит камерно: во встрече мелодии, которую тихо напевает старый сторож, и песни молодежи, которую доносит до него ветер.

Старик (иначе говоря, уходящее время) – в сознании кавказца образ авторитетный: «*Будто памятник прошедших времен / Вдруг замирал он, вслушиваясь*». Конечно, поэт не мог не понимать, что новый строй несет не только радость прогрессивных свершений, но отесняет и вроде бы делает ненужным прежний мир, обращенный

к древности, традиционности. Новое большей частью выросло не на преобразовании, а на отрицании культуры прошлого, а значит, многого из того, что было дорого и понятно старшему поколению.

*Люблю я белобородых,
Дни многие повидавших –
Словно зеркало прожитых дней,
У кого щеки морщинистые.*

*Хоть и по душе мне его напев,
Стал (он) вдруг тише,
На палку бугристую
Опершись, стал он.*

*Теперь этот старик, замерев,
К какой-то песне прислушивается,
Средь молодых, подпевая им,
Ему хотелось бы быть.*

Поэт вполне логично ставит знак равенства между молодостью и счастьем («Подпевай им, мой дедушка! / Мир с ними становится прекраснее») и здесь же – мучительная грусть от понимания того, что уходит старый мир и вместе с ним – его авторитеты и идеалы («Кто этого сторожа обидел? / Тихий напев свой оставил / Словно пугало для воров, бездвижным, / Безмолвным стал он»). Уязвимость, так тонко прочувствованная автором за «основательностью», «кряжистостью» образа (широкий тулуп, плотно обернутый вокруг стана; скрывший шапку высокий меховой воротник; крепко сжатая в руке палка), заставляет совершенно иначе взглянуть на одиночество старика-сторожа, суровую независимость его облика, родную и понятную именно кавказцу. Образ проникновенен настолько, что, несмотря на жизнеутверждающую, вполне в духе времени, концовку произведения, вызывает щемящее чувство безвозвратной утраты, которое борется с цинично-констатирующим превосходством нового над старым.

В сопоставлении старого и нового нет торжественности, нет ситуативности, нет призывов (разве только лирическое обращение к старику), нет контрастности – это 1937 год, когда были написаны стихотворения «Верховному Совету», «Съезд», «Не стало Серго Орджоникидзе». Подобно этому, в течение одного 1939 года, появятся с одной стороны, – «Октябрь», «Песня пионеров», «Ленин», с другой – преисполненные глубоких философских раздумий «Посредник», «Горькое предчувствие».

В своё время Дж. Налоев высказал несколько весьма тонких и обоснованных мыслей о шогенцуковском творчестве 20-х годов: «... Оно представляет из себя какую-то стройную гармонию образов, какой-то приятный, цветущий садик, где и музыка, и счастливый труд гражданина, который трудится и, трудясь, слушает пленительную симфонию, наслаждается наукой, искусством. Его гражданин живет в обществе, живет с песней. У него нет печали, он оптимист и в своем оптимизме – творец»¹. Не касаясь эмоциональных, образных и идейных модификаций, которые проявятся в последующие годы, скажем лишь, что критик чутко уловил непритязательность масштаба, в котором был смоделирован Шогенцуковым новый мир. Возможно, этим и вызван был такой упрек, как «совершенно недостаточный размах его творчества»². Действительно, грандиозные преобразования жизни требовали грандиозности художественного выражения. И в этом отношении можно заметить, что в порывах пролетарского воодушевления Али Шогенцукову никогда не изменяло чувство меры.

Реальность менялась кардинально и выдвигала на арену истории свой авангард – пролетариат. В художественной практике модель нового мира первым и весьма успешно регламентировались схемами Пролеткульта. В поэтической интерпретации этой модели Али Шогенцуковым оказываются воспринятыми многие образные шаблоны. Но усваивая пролеткультовскую семантику, он не выводит, тем не менее, ее центральный образ – образ пролетария, выходца из рабочих масс, ибо фабрично-заводская реальность попросту еще не оформилась. В его пролетарской реальности наиболее чётко оказываются очерчены две фигуры – ребёнка и женщины, при этом решение великих преобразовательских задач, задач, которые, по идее, должны иметь своим адресатом пролетариат, адресуется пионерии. В сегодняшнем, ретроспективном прочтении такая расстановка героев кажется во многом символичной.

Способ внедрения в художественное творчество идеологических стандартов, в каждом конкретном случае индивидуален. Возможно, есть и своя справедливость в том, что становление так называемого «нового мира», при всей его прогрессивности оставившего глубокие рубцы на судьбах современников, под пером талантливого художника, пусть лишь до некоторой степени, но все же утрачивает свою бескомпромиссность.

---

¹ Налоев Дж. Указ. соч. С. 122.

² Там же. С. 131.

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ

К 80-летию со дня рождения Х. Кауфова

Хачим Хабасович Кауфов (1940–2019) – писатель-публицист, имевший непосредственное отношение к становлению и развитию печатной и радио-телевизионной журналистики Кабардино-Балкарии. Человек, перу которого принадлежит ряд художественно-документальных повестей, публикаций и работ по социально-философским проблемам. Член Союза писателей РФ (СССР) и член Союза журналистов РФ (СССР), заслуженный работник культуры Российской Федерации, один из руководителей Союза писателей Кабардино-Балкарии, в своё время заведовавший сектором печати, радио и телевидения обкома КПСС, председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию, ответственный секретарь Кабардино-Балкарского отделения Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Родина».

Х. Х. Кауфов

Предлагаемое нашим читателям интервью было опубликовано в журнале «Дружба народов» (№ 9, 2004). Балкарский поэт, тележурналист, главный редактор журнала «Минги-Тау» Аскер Додуев беседует с Хачимом Кауфовым – автором книги «Вечные странники», вышедшей в кабардино-балкарском издательстве «Эльбрус» и посвященной трагическим последствиям Кавказской войны. Книга повествует о возникновении черкесской диаспоры на Ближнем Востоке, о горячей любви потомков мухаджиров (переселенцев) к родине отцов, об их роли в истории и культуре тех стран, где им выпало жить. Очерки, составившие книгу, основаны на изучении документов и личных впечатлениях автора от встреч с зарубежными соотечественниками.

***

Аскер Додуев. Судьбы книг порою схожи с судьбами людей. Вашу книгу можно назвать многострадальной...

Хачим Кауфов. Да, как и судьбы тех, о ком в ней идет речь. Книга была написана более тридцати лет назад. Но в силу существовавших тогда политико-идеологических установок не могла увидеть

свет. Особенно отпугивали редакторов описанные в ней эпизоды из истории Кавказской войны и геноцида адыгских (черкесских) народов. Как известно, в советской историографии эти факты замалчивались, в силу чего Кавказская война, длившаяся пятьдесят, а по другим оценкам, все сто лет, оставалась войной неизвестной. Еще меньше знали в Советском Союзе о вынужденном переселении части горцев за рубеж, о том, как сложилась их судьба, как живут сегодня их потомки. Процесс переселения у кабардинцев, да и у всех адыгов, получил название «Истамбылаклуэ» – исход в Стамбул. В науке закрепился термин «мухаджирство» («махаджирство»), а самих переселенцев стали называть «мухаджирами». Слово это арабское, так называют мусульманина, покидающего родные места по причине преследований за веру. В нашем случае этот термин применяется условно, так как мотивы ухода горцев далеко не всегда были религиозными.

О трагедии «Истамбылаклуэ» каждый адыг знает с детства – по фольклору, по рассказам старших. Я тоже рос под впечатлением жутких сюжетов этой великой драмы. И, как только выдалась возможность, в начале 60-х годов прошлого уже века, начал ездить, правда, поначалу в составе тургрупп, в страны проживания зарубежных адыгов и одним из первых писать о них. Затем мне посчастливилось несколько лет проработать в Кабардино-Балкарском отделении Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»). А это новые поездки и новые впечатления.

В 1972 году я переработал первоначальные очерки, добавил новые, и получился первый вариант книги.

А. Д. В «Странниках» много документальных материалов, тем не менее вы с самого начала предупреждаете читателя, что у него в руках – не научный трактат, а литературные очерки.

Х. К. Написанное я называю книгой художественно-публицистических очерков и эссе, объединенных единым стержнем повествования и общей идейно-тематической направленностью. Это не труд историка, а скорее, история глазами писателя. В ней важны не столько факты, хотя их много, сколько отношение к фактам. Трагедия народа, пропущенная через сердце писателя.

А. Д. Годы, прошедшие под знаком перестройки и демократизации, были периодом переоценки ценностей. Это коснулось и истории Кавказской войны. Можно ли, на Ваш взгляд, считать ликвидированным еще одно «белое пятно» в истории России?

Х. К. То, что события XIX века на Кавказе стали предметом острых научных дискуссий и жарких общественных дебатов, что появилось столько новых книг, – само по себе явление отрадное.

Следует добавить, что приняты определенные меры и на официальном уровне. В Кабардино-Балкарии и соседних республиках прошли специальные парламентские слушания о политико-правовой оценке Кавказской войны; в 1994 году отмечалось 130-летие ее окончания. 21 мая, день ее завершения, в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии считается Днем памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж. В Нальчике им воздвигнут памятник. Создана Международная черкесская ассоциация, объединяющая региональные национальные организации (хасэ) адыгов. В феврале 1992 года Верховный Совет КБР принял постановление об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Кавказской войны.

В преддверии 130-летия окончания войны произошло событие, которое, казалось бы, должно было иметь далеко идущие последствия: к народам Кавказа обратился президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин. В обращении, впервые на таком уровне, признавалось, что все государства, вовлеченные в кавказский конфликт – Российская империя, Великобритания, Иран и Турция, – несут свою долю моральной ответственности за многострадальную судьбу горских народов. Также впервые от имени России выражалось сострадание тем, кто пал на поле боя, кто потерял жизнь вследствие тягот войны, кто, будучи вынужденным покинуть отчизну, умер на чужбине. В своем послании президент подчеркивал, что в наше время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как «мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера».

Возможность действительно появилась. Но объективной трактовки тех событий как не было, так и нет. Неоднократные обращения парламентариев трех северокавказских республик к Федеральному собранию о признании факта геноцида адыгских народов остались без последствий. Так что, друг Аскер, говорить о ликвидации этого «белого пятна» в нашей истории пока преждевременно.

А. Д. В книге Вы сетуете на отсутствие в России (да и во всем бывшем Советском Союзе) достаточных знаний о Кавказе. Что-нибудь изменилось в этом смысле в последнее время?

Х. К. Безусловно, благодаря тому, что уже давно к Кавказу приковано внимание страны, да и всего мира, о нем сегодня знают больше, чем 15 или 20 лет назад. Но удивительно: чем больше приобретает знания о Кавказе, о Востоке вообще, тем больше множатся и ошибочные представления.

Между тем, при наличии необходимых сведений о разных сторонах жизни Кавказа и стран Востока, включая историю, национальный характер их народов, можно было не только предотвратить многие эксцессы, имевшие место при установлении большевиками «революционного порядка» на Кавказе и в Средней Азии, но и избежать многих позднейших ошибок, в том числе при вторжении в Афганистан в 1979 году и при вводе войск в Чечню в 1994-м.

При всех его преступных деяниях Ермолов был одним из немногих царских генералов, верно оценивавших военный потенциал Кавказа: «Огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Штурм будет стоить дорого». Это в военно-стратегическом смысле. В духовном же отношении в ментальность кавказцев смог проникнуть, похоже, только Лермонтов: «Им бог – свобода, их закон война». Война для них становится законом по необходимости: на их свободу покушаются, ее приходится защищать. Войну они ведут не где-нибудь, а на своей земле, на которую посягнул захватчик – «...там поразить врага не преступленье». «Верна там дружба, но вернее мщенье. / Там за добро – добро и кровь за кровь, / И ненависть безмерна, как любовь». Великий русский поэт зашифровал в этих строках свой завет относительно Кавказа: добро может прийти лишь в ответ на добро, за кровь бывает только кровь.

А. Д. Насколько, по-вашему, нынешняя война в Чечне связана с той, Кавказской?

Х. К. Прямой связи, возможно, и нет. Но, не будь той войны, не было бы и этой. Все хорошо помнят, как события в Чечне нам подавали вначале лишь как следствие депортации 1944 года. Легковесность подобных идеологических мифов соответствовала стратегической наивности генерала Грачева (помните: «Один полк ВДВ и...»).

А. Д. Связь нынешней войны с Кавказской Вы усматриваете и в том, что нынешняя привела к новому прочтению истории той войны. Так ли это на самом деле?

Х. К. На самом деле так. Но «читают» по-разному. В моей работе представлены две тенденции нового прочтения: на официальном уровне, а также последователями охранительной идеологии – и прочтение автором книги и его единомышленниками.

Война в Чечне, неудачи федеральных войск обнажили тот факт, что в России никогда не умирали и, вероятно, не скоро умрут имперское мышление и имперские амбиции. В прессе, в заявлениях отдельных политических и военных деятелей усиленно пропагандируется мысль, что в Кавказской войне XIX века (следовательно, и в нынешней) виноваты сами горцы. Модно становится проводить параллели между причинами возникновения этих войн, ходом военных операций. Но столь легковесная экстраполяция явлений одного

порядка на другие представляется непродуктивной. Она нужна для того, чтобы оправдать неадекватные действия федеральных войск в нынешней Чечне и карательные экспедиции тогдашних царских генералов. События войны XIX века локализируются вокруг Чечни и Дагестана, основной акцент переносится на личность Шамиля, на отношение имама-пленника в последний период его жизни к русскому царю. Основным истоком противостояния на Кавказе объявляются мюридизм и исламский фанатизм. Все, что было до возникновения движения мюридов, отсекается. Идеализируется деятельность царских наместников на Кавказе. Особенно импонирует некоторым пишущим на эти темы политика кнута и пряника, которая была, по сути, политикой кнута для простого народа и пряника – для феодальной верхушки. По новой «раскладке» получается, что в борьбе с царизмом участвовали одни чеченцы. На обуздание их исконной привычки к набегам якобы и были направлены военные походы Ермолова.

Подобная концепция Кавказской войны отражается как в фундаментальных трудах, так и в учебниках и популярных изданиях, адресованных, в том числе, и молодому поколению.

Вот, к примеру, соответствующий том по истории России в роскошном издании «Энциклопедия для детей» (Издательство «Аванта+», 1997). Отсчет истории Кавказской войны энциклопедия ведет с 1817 года. Россия, если следовать энциклопедии, начала войну на Кавказе с исключительно благородными намерениями: распространить среди горцев законность и просвещение, прекратить междоусобицы и набеги. «Одновременно, – сказано далее, – горцы были вынуждены покинуть удобные равнинные земли, привычные пастбища. Это вызвало их недовольство и сопротивление». Кем «вынуждены» – дети, наверное, должны угадать во время игр на переменке. Похоже, в наших школах детей уже не учат тому, что если захватчик пришел в твой дом, убивает твоих родителей, то ты обязан их защищать так же, как свою родину.

В нашем новом государстве, если оно действительно строит правовое гражданское общество, нужна – нет-нет, не национальная идея! – национальная идея, основанная на интересах одной нации, бывало, кончалась фашизмом; нужна разумная политика гармонизации национальных отношений, не допускающая извращения истории ни одного из входящих в федерацию народов, рассчитанная на укрепление дружбы и сотрудничества между ними, построенная на признании уникальности и неповторимости каждого из них.

А. Д. Что же мешает созданию правдивой истории Кавказской войны?

Х. К. На этот вопрос ответить и трудно, и просто. Скажу о том, что, на мой взгляд, проще. Надо примириться с историей, с прошлым.

Открыто сказать, что и как было. Преодолеть идеологические, национальные и прочие пристрастия. Признать, что неравенство участников процесса, господство сильного над слабым есть непреложный факт истории. Все империи, в том числе Российская, создавались двумя путями: путем осознания самими народами целесообразности их вхождения в то или иное сообщество – и путем отвоевывания у соседей их земель, а в случае с Северным Кавказом – еще и путем изгнания с этих земель коренных жителей. Инерцию имперского мышления преодолеть трудно, но необходимо. Новая Россия сорвала покров со многих тайн своей истории, но относительно Кавказа еще остается сказать многое. Кавказская война – ключ к пониманию многих важнейших сторон российской истории.

Несколько лет назад, к 150-летию выхода поэмы Тараса Шевченко «Кавказ», журнал «Дружба народов» опубликовал статью украинского писателя И. Дзюбы. Вспыхнула горячая дискуссия. Не о поэме – о Кавказской войне. Один из участников спора свои заметки озаглавил так: «Разговор по существу». А существо, по мнению автора, состоит в том, что вину за войну на Кавказе должны разделить обе стороны. «Какой смысл, – вопрошает он, – детально говорить о зверствах «пылкого Цицианова», если опускаешь, к примеру, детали набега Гази-Магомед на Кизляр в 1831 году?» Детали последнего действительно опускать не следует. Но смысл говорить о зверствах Цицианова и других царских сатрапов на Кавказе все же есть: Кизляр – военная крепость, построенная завоевателями на земле горцев, – в этом вся разница. Одна сторона завоевывает, другая защищает свою землю, свою честь. Разве можно на одну доску ставить жертв геноцида и тех, кто его осуществляет, и тем самым творить великую фальсификацию – теорию «равной ответственности»?

А что касается набеговой системы, то феодальные междоусобицы в свое время имели место везде, в том числе в древней и средневековой Руси. Княжеские междоусобья здесь были пресечены монгольским нашествием. Почему это нашествие следует считать игом, а вмешательство царизма в раздоры горских феодалов признавать за чистое благо? Тем более что последствия оказались разными: монгольское завоевание объединило раздробленную страну, что стало основой создания централизованного русского государства, царское же завоевание Кавказа рассеяло его народы, в частности, адыгов: одни племена были истреблены почти полностью, другие вытеснены за пределы Кавказа, третьи колонизованы.

А. Д. Вопрос о периодизации истории этой войны тоже все еще остается открытым?

Х. К. Да, остается. На самом деле война началась задолго до 1817 года. Произвольно установленная периодизация истории войны

выводит за рамки ее проблематики весьма важный этап военной колонизации Кавказа – войну с Кабардой, уничтожение ее политической самостоятельности, захват района Пятигорья, разгром расположенных там кабардинских поселений. Кабарда не только приняла на себя первый и наиболее организованный удар российской экспансии на юг, она понесла в войне и наибольшие потери.

Уже в третьей четверти XVIII века овладение Кавказом стало в России чуть ли не национальной идеей. Выяснение причин самой войны заведет наш разговор слишком далеко. Концепция, которой мы придерживаемся, исходит из парадигмы обострения русско-турецких и русско-иранских противоречий, осложненной вмешательством Англии и Франции в кавказские дела. Более того, мы считаем, что отход Кавказа к России был исторически предрешен. Но никак невозможно принять методы, коими осуществлялось присоединение.

А. Д. Хачим Хабасович, поясните, если можно, один момент, вызывающий у многих, в том числе, признаюсь, и у меня, непонимание и удивление. Всем известно: в 1557 году Кабарда – добровольно! – присоединилась к России. Царь Иван Грозный сочетался браком с дочерью старшего, правившего в то время кабардинского князя. Породнились в буквальном смысле. И вдруг – «битва русских с кабардинцами»...

Х. К. Не вдруг, а через два с половиной века. За это время многое изменилось. Россия становилась, по меркам того времени, сверхдержавой, а силы Кабарды, зажатой между вечными антагонистами – Россией, Турцией и Ираном, да еще притесняемой ханским Крымом, – таяли и таяли. В русско-кабардинских отношениях того периода много неясного. Прежде всего – статус кабардинских князей по отношению к России. Как следует определять их положение: они союзники русского царя, его подданные, его вассалы? К тому же не все кабардинские феодалы придерживались безусловной московской ориентации. Плюс отсутствие верховной централизованной власти в Кабарде – после смерти Темрюка Идаровича, тестя Ивана Грозного, страна вновь распалась на удельные княжества. Надо учитывать и то, что историческая Кабарда – лишь один из сегментов общеадыгского этнического массива, части которого находились в определенном взаимодействии. Западные, или причерноморские, адыги были ориентированы, скорее, на Турцию, что не могло не отразиться на настроениях части кабардинских владык. Следует принять во внимание и влияние Крымского ханства – вассала турецкого султана.

Кабарда занимала важное стратегическое положение на Кавказе. Некоторые соседние племена находились в вассальной зависимости

от кабардинских феодалов. Кабардинская аристократия выступала в роли лидера, законодателя моды и обычаев для привилегированных сословий других народов Кавказа. Поэтому считалось, что овладение Кабардой даст ключ к покорению всего Кавказа. К этому стремились не только русский царь, но и иранский шах, и турецкий султан, да и крымский хан, чем, кстати, ловко пользовались отдельные представители кабардинской элиты, принимая сторону то одного, то другого и набивая себе, таким образом, цену. Надо признать, что это сильно усложняло задачу российской дипломатии и военного командования на Северном Кавказе.

Но вернемся к вопросу статуса. Кабардинские феодалы, апеллируя к сути «соглашения с Иваном-царем», считали себя не подданными и не вассалами, а союзниками России. Временами они готовы были признать себя подданными, но только при условии сохранения целостности их территории и невмешательства в их внутренние дела. То, к чему они стремились, можно охарактеризовать как систему протектората на определенных условиях. Видные представители горской политической элиты не были такими уж наивными и недалекими, какими их порой изображают. Понимая величие и мощь России, они, в том числе и те, кто поддерживал постоянные отношения с Турцией и Персией, всегда искали покровительства России как сильной державы, с которой имели давние связи. Покровительства, но не деспотизма. Однако в царском окружении возобладал курс на завоевание с помощью грубой военной силы.

А. Д. Немало известно и о совместных действиях горских ополчений и русских войск...

Х. К. Все эти годы кабардинцы (вместе с ними, как правило, выступали в поход и воины из зависимых от них племен Северного Кавказа), исполняя свои союзнические обязательства, участвовали во всех войнах России, в том числе против тех же султана, хана и шаха.

Даже в 1812 году, когда русская армия была занята войной с Наполеоном и впору было думать о реванше здесь, на Кавказе, кабардинцы вместе с закубанскими черкесами горячо откликнулись на призыв сформировать ополченский полк для участия в войне в составе русской армии. По неизвестным причинам русское командование на Кавказе полк на войну не отправило, а распустило его. История ополчения, тем не менее, свидетельствует о благонамеренности кабардинцев по отношению к России.

А еще раньше, в 1787 году, когда на северных границах Кабарды уже начинались кровавые стычки с царскими войсками и было отчуждено немало горских земель, кабардинский отряд принял участие в походе русского генерала Теккели за Кубань, привел в покорность

России абазин, бесленеевцев, башильбаевцев (это адыгские племена) и кипчакских татар. Пятьсот кабардинских панцирников прошли горами до Суджук-Кале (нынешнего Новороссийска) и, рассеяв там турецкий отряд, отбили две пушки, освободили более ста русских пленных. Но милости от царицы кабардинцы не дождались. Захват их земель продолжился.

А. Д. Продолжилось и строительство знаменитой Кавказской линии. Давайте уточним, что это такое.

Х. К. Кавказская линия – это цепь крепостей, протянувшаяся от Азова до Моздока и далее до Кизляра. Она отрезала кабардинцев от их главной житницы – плодородных нив и пастбищ. Кабардинцы, до того депортированные из района Пятигорья, теперь не имели права появляться там, где жили раньше, где оставались их разрушенные дома, могилы предков. Линия создала настоящую резервацию для коренных жителей края. Пропускали через Линию только по специальным билетам, по соизволению комендантов крепостей, иные из которых были законченными самодурами. Кто бы мог терпеть такое на собственной земле! И что оставалось делать ограбленному, оскорбленному народу? Кабардинцы стали большими и мелкими партиями нападать на военные укрепления, постоянно тревожить Линию, ведя военные операции за ее пределами. Вот это и вошло в русскую литературу, в том числе и в большую (Пушкин, Грибоедов), под названием «набеги на Линию», участников же «набегов» окрестили «хищниками». Случались – к чему отрицать – и разбои на Линии, которые, однако, ни в какое сравнение не идут с погромами аулов царскими войсками.

По своей сути «набеги на Линию» были разновидностью горского движения сопротивления, партизанской войной. Выбор средств в такой войне ограничен. Ее участники мстят за отнятую родину. Следуя иной логике, придется признать славного гусара Дениса Давыдова, громившего со своим отрядом тыловые части Наполеона, «хищником», партизан Ковпака – боевиками, а юную патриотку Зою Космодемьянскую – террористкой. Вот в каких нравственных дебрях можно застрять, если события прошлого не взвешивать на правильно сбалансированных весах истории. Массовые же выступления против колониальных захватов в тот период называются в официальной историографии Кавказской войны «восстаниями кабардинцев». Наиболее крупные из них имели место в 1779, 1794, 1809 и 1810 годах. Все они были жестоко подавлены.

Но самое большое преступление – это ничем не возмещенный до сих пор захват земельных владений Кабарды. Только в XVIII веке, задолго до ермоловских экзекуций, у кабардинцев было отнято более 623 306 десятин земли. Эти, как и отчужденные впоследствии земли,

отошли под военные поселения и усадьбы царских военачальников. Безземелье, проистекающее с тех далеких времен, по сей день остается главной бедой горских народов Северного Кавказа. Современные политики не прочь порассуждать о причинах конфликтов в нашем крае. Но мало кто вспоминает, что основная причина – в отсутствии у горцев достаточных для их жизнеобеспечения земельных площадей, что все тянется оттуда, с XVIII–XIX веков, что такое наследие оставили нам царские генералы.

А. Д. Вы не жалеете черной краски для генералов...

Х. К. Стараюсь быть справедливым. Были генералы, которые сами выступали против кавказской политики царского правительства, недостойных приемов ведения войны и зверств в обращении с местным населением. Они предлагали различные проекты мирного освоения края. Генерал А. П. Торماسов, главнокомандующий на Кавказе в 1808–1811 гг., подал в 1810 году военному министру записку о вреде и ненужности репрессий против горцев, осуждал жестокие методы подавления восстания кабардинцев, советовал прекратить злоупотребления на Линии, налаживать с горцами мирные связи, развивать торговлю. Об этом же писал царю в 1816 году адмирал Н. С. Мордвинов – тот самый, который в 1826 году, будучи членом Верховного уголовного суда, отказался подписать смертный приговор декабристам. Такие же записки, только с еще более резким осуждением бойни на Кавказе, слал в столицу генерал Н. Н. Раевский – начальник Черноморской береговой линии. Из-за резких разногласий с правительством по этому вопросу ему пришлось подать в отставку.

Не принимали тогдашней политики на Кавказе и сосланные сюда после восстания 1825 года декабристы, а также А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, П. И. Ковалевский, В. Т. Нарезный, Т. Г. Шевченко, А. А. Бестужев-Марлинский, Л. Н. Толстой и многие другие виднейшие представители русской интеллигенции, представлявшие «другую Россию» – Россию вне пределов Зимнего дворца, как говорил А. И. Герцен. Раскрытию их позиции по кавказским проблемам, отношению к этим проблемам демократически, гуманно настроенных кругов России в книге посвящены две главы, не раз я возвращаюсь к этой теме и на других страницах.

Война на Кавказе тяжким бременем ложилась на русский народ и на все государство. А материальные затраты за столько лет! По официальным данным, боевые потери русских войск в Кавказской войне составили 96 275 человек, в том числе 4050 офицеров и 13 генералов. Не боевые потери, как то: смертность от ран и эпидемий – превышали боевые как минимум втрое.

Эти цифры вызывают сомнения. Существуют и такие данные: каждые 7 лет на Кавказе погибали 120 тысяч русских солдат. Со времен Екатерины II по 1864 год 1,5 миллиона российских солдат легли в кавказскую землю – без учета потерь казаков.

С Кавказской войной, кстати, так или иначе связана гибель Лермонтова и Грибоедова. При высадке русского десанта в район нынешнего Сочи пропал без вести А. Бестужев-Марлинский. Неизгладимый рубец оставила эта война в сердцах А. Полежаева, Л. Толстого, декабристов А. Розена, Н. Лорера, А. Якубовича, В. Норова, многих других выдающихся представителей русской культуры и передовой общественной мысли. На Кавказе умер от болезней замечательный поэт Александр Одоевский.

И такая война, самая долгая в истории России, остается самой неизвестной россиянам.

А. Д. «Вечные странники» в заглавии Вашей книги – это кто?

Х. К. В данном случае эта метафора относится к кабардино-черкесской (или адыго-черкесской) части населения стран Ближнего Востока, состоящей из потомков горцев, вынужденно переселившихся в ходе Кавказской войны и после ее окончания в бывшую Османскую империю. За рубежом они более известны под названием «черкесы». Этноним этот собирательный, так часто называют всех выходцев с Северного Кавказа, а иногда и из Закавказья, в частности – из Грузии. Но примерно 90–95 процентов зарубежных северокавказцев – это адыги. Они и есть вечные странники на пути к потерянной родине.

А. Д. Вы трогательно пишете об их любви к исконному отечеству, о стремлении вернуться на землю предков, о ностальгии...

Х. К. Ностальгия – это трагическое ощущение великой, ничем не восполнимой утраты. Это особый род заболевания, томление души, плач сердца о том, что когда-то составляло главную ценность жизни человека, а теперь ушло, вероятно, навсегда. Эта тоска, безжалостно подтачивающая силы даже очень крепких людей, неоднократно описана в литературе. Но то – о ностальгии отдельного человека. А у нас речь – о ностальгии целого народа! Страданиям, испытанным горцами при переселении в Турцию, и понесенным ими потерям мало найдется аналогов в истории.

А. Д. История переселения более или менее описана. В книге Вы больше говорите о причинах, его вызвавших.

Х. К. Скорее – о мотивах. Я ведь подхожу к предмету опять-таки не как историк, а как писатель. Но давайте о фактах. Трагедия Кавказской войны достигает своего апогея именно в финале. Это была величайшая гуманитарная катастрофа. И потому при определении размеров потерь горцев речь должна идти не только о численности

павших на войне, а и о гибели целых народов, этносов, об уничтожении уникальной культуры, словом – об этноциде.

Заключительный этап войны носил исключительно жестокий характер. Царские войска продвигались к морскому побережью, сметая все на своем пути. К этому времени в высших правительственных кругах Петербурга созрел план дальнейших действий по отношению к адыгам Западного Кавказа, состоявший в том, чтобы переселить часть из них на Кубань или во внутренние губернии России, а остальных принудить к уходу в Турцию. Как осуществлялся этот замысел на практике, выразительно обрисовал один из мемуаристов. Вот что он писал: «Мы продвигались вперед шаг за шагом, бесповоротно и навсегда оставляя за собою каждую пядь занятой нами земли во владениях непокорных горцев. Туземное население, теснимое со всех сторон, устремилось в недоступные ущелья гор, но и там не могло удержаться. Отряды наших войск проникали всюду и очищали занимаемые ими места до последнего человека. Война шла с неумолимою суровостью. Черкесские аулы выжигались сотнями, посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявившие покорность, выселялись на плоскость под управление наших приставов, непокорные же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию...»

На морском берегу, примерно от нынешнего Темрюка до Сухума, скопились огромные толпы горцев для переправки морем в Турцию – это не считая тех, которые добирались туда по суше. Ни Россия, ни Турция не выполнили своих обещаний о предоставлении судов в достаточном количестве. Многим пришлось ждать недели, месяцы... А пришли они к морю в легкой одежде, без достаточного запаса пищи и воды. Люди умирали тысячами. Очевидцы рассказывают, например, как вымирал лагерь в Новороссийской бухте, где остались на зиму около 17 тысяч человек. Только на северо-восточной стороне этой бухты на пять верст простирались кладбища, на которых было погребено 1480 трупов.

Люди во множестве гибли при переходе через море. Трупы выбрасывали с кораблей, их долго еще прибывало прибоем к берегу. Некоторые суда утонули из-за того, что были перегружены. Неласково встречал переселенцев и турецкий берег. Власти этой страны совершенно не были подготовлены к приему такого количества горцев. Здесь так же стихийно образовались опасные в санитарном отношении лагеря черкесов, где они умирали от холода, голода и болезней. И теперь, по прошествии стольких лет, волосы встают дыбом, когда читаешь документы об этих лагерях. Многие из них опубликованы, да и в нашей работе приводится немало. Вот несколько цифр из сообщений русского консула в Самсуне. Только в

ноябре и декабре 1863 года в Трапезунд и Платану прибыли около 10 тысяч горцев, 2400 из них умерли в пути уже после отправления отсюда в глубь страны. Общее количество горцев в Трапезунде в ноябре 1863 года перевалило за 40 тысяч. К маю 1864-го количество умерших в этом городе горцев доходило до 30 тысяч. В Самсуне и окрестностях скопилось более 100 тысяч душ. Средняя смертность в день 180–250 человек. Там был отмечен небывалый случай: в начале сентября 1864 года в городе одновременно насчитывалось 50 тысяч неубранных трупов и 60 тысяч еще живых переселенцев. И это лишь выборочные показатели. Так погибал народ, о мужестве, доблести, физической и нравственной красоте которого оставили самые высокие отзывы писатели, историки, путешественники, начиная с античных времен. Народ, предки которого создали самое древнее на территории нынешней России государство, обогативший мировую культуру бесподобным героическим эпосом, а этическую мысль человечества – нравственным кодексом «Адыгэ хабзэ» (адыгский обычай, адыгское поведение), ставшим образцом для подражания у всех кавказских племен.

А. Д. Нередко можно слышать, что уход горцев – это их добровольный выбор. Им, мол, предложили остаться, а они не захотели, последовали за своими предводителями, предпочитавшими быть подданными турецкого султана.

Х. К. Не исключено, что такое тоже могло иметь место. Некоторые предводители действительно уводили своих холопов и всех зависимых от них. Но это не более 1–2 процентов общего количества ушедших. А в целом это миф из той же серии, что и теория «равной ответственности».

Претерпеваемые переселенцами бедствия получили широкую огласку в европейской прессе. Чтобы как-то нейтрализовать нежелательные для России колебания международного общественного мнения, перед иностранными дипломатами в Санкт-Петербурге выступил сам канцлер А. М. Горчаков. Приличия ради он заявил, что императорское правительство сожалеет о гибели людей. При этом всю вину за случившееся он возложил на самих черкесов, которые, по словам канцлера, настаивали на выезде из страны, отвергнув сделанное им предложение о переселении на равнинные земли. Этот тезис муссируется и по сей день.

Да, под конец войны оставшимся в прибрежных горах черкесам было предложено переселиться на равнины. А равнина в те времена – это болотистые, непригодные для возделывания земли. У черкесов побережья была своя, веками освоенная среда обитания, свой «вмещающий ландшафт». Это народы моря, весь жизненный уклад которых связан с морем, лесами и горами. Они, естественно,

отказались переехать в степь. К тому же переселиться туда означало окончательно подчиниться завоевателям, чего душа черкеса никак не могла принять. Винить адыгов за это огульно, как делали тогдашние историки и публицисты, а порой делают и иные нынешние, кощунственно.

Другая сказка: русские войска хотели прекратить военные действия, лишь бы горские старшины согласились на признание царской власти. Как бы не так. Согласие убыхских старшин покориться принял сам главнокомандующий, великий князь Михаил. И тут же приказал ускорить намечавшуюся ранее экспедицию в покорившуюся землю для очищения ее от тех же убыхов.

Часто напоминают и о встрече царя Александра II с абадзехскими старшинами в 1861 году: царь, мол, предложил горцам мир, а они его не приняли. При этом упускают из виду, что к тому времени был захвачен почти весь Северный Кавказ; спасать покорностью было уже практически нечего. К тому же царь предложил мир не просто так, а на условии очищения побережья, переезда в степные районы под управление русской военной администрации, что старшины действительно отвергли. О том, о чем горцы и ранее просили неоднократно, а именно: отвести войска, не вырубать леса, не разрушать аулы, не выжигать посевы, не отнимать веру, разрешить жить на прежних местах – тогда царь может считать их своими подданными, не было и речи. Александр II отказался обсуждать вопрос в такой постановке и изрек знаменитую фразу: «Выселиться, куда укажут, или переселиться в Турцию».

Абадзехи бурно обсуждали предложение царя и разделились на две группы: одни призывали сложить оружие, другие – не сдаваться. Большинство поддержали последних, и война длилась еще три года. Возможность достижения мира хотя бы на этом этапе была упущена. Но кто может осудить тех, кто решил защищаться до конца или потом ушел, чтоб не покориться врагу? Может быть, историку это легче. Писатель не может их судить.

А. Д. Отдавая им должное, Вы совершенно справедливо предлагаете читателю оценить и выбор тех, кто согласился поселиться в отведенные места и прекратить борьбу. Ведь были и такие?

Х. К. Да, такие были. Герой повести М. Лохвицкого «Громовый гул», оказавшись перед необходимостью принять решение в условиях, когда одни соплеменники уезжали в Турцию, покидая родную землю, другие за эту землю умирали, так рассуждает о третьих – тех, которые были согласны «выселиться, куда указано»: «Не дальновиднее ли последние, не окажутся ли они в будущем мудрее нас, ибо хотя бы часть изъывивших покорность сохранит свои жизни и жизни своих потомков?»

В общем-то, так и получилось. Альтернатива была горькая в нравственном отношении. Но если говорить не только об осколках обширного когда-то адыгского этнического массива на Западном Кавказе, но и обо всех адыгах, то те из них, которые не ушли, сохранили не просто свои жизни и жизни своих детей. Они сохранили край, нацию, имя ее на карте. Вместе с другими народами России прошли они сложный путь социального обновления и сегодня строят новое, демократическое государство. Утверждение читателя в этой мысли было самой дорогой для меня целью в период работы над книгой.

А. Д. Давайте теперь поговорим о судьбе тех, кто дошел до турецкого берега и кому посчастливилось остаться в живых.

Х. К. Генерал Р. А. Фадеев злорадно предрекал ушедшим в Турцию черкесам близкий конец: «Просуществуют лишь в одном поколении». Оракул просчитался. Черкесы-мухаджиры, на долю которых выпало столько бед и лишений, смогли не только собрать силы для сохранения себя как этноса, но и заявить о себе в новых своих отечествах. Правда, было трудно. Особенно вначале: непривычный климат, неблагоустроенные места поселения, огромная разница между тем, что было обещано, и тем, что оказалось на самом деле, плюс гнетущее чувство чужбины и раскаяние за содеянную ошибку. Оглядевшись на новом месте, огромные толпы мухаджиров бросились обратно к российским границам, но от царя последовал приказ: никого обратно не принимать. Имели место попытки с оружием пробиться обратно на Кавказ. По требованию российского правительства против восставших были двинуты турецкие регулярные войска. Мухаджирам пришлось смириться со своей участью. Большинство занялись тем же, чем они занимались на Кавказе, – земледелием и скотоводством.

Некоторые пополнили армию, полицию, жандармерию, аппарат государственного управления. Султанское правительство использовало черкесские контингенты армии и специальных полицейских отрядов для подавления национально-освободительного движения в империи, прежде всего – в районах с христианским населением. Вскоре получилось так, что черкесы оказались в Турции на особом, отличном от других нацменьшинств положении, стали своего рода опорой султанского трона, чем-то вроде казачества в России. Многие черкесы занимали видное положение при султанском дворце. Добавьте к этому, что черкешенки, попавшие в султанский гарем, становились матерями многочисленных принцев. Непререкаемым авторитетом пользовались черкешенки – матери правящих монархов, которых уважительно называли «валиде». Наибольшую известность приобрела мать султана Абдул-Меджида – черкешенка, которая фактически правила страной многие годы.

А сколько было в Турции великих визирей, то есть премьер-министров, министров, генералов, адмиралов, послов из числа мигрантов! Были также маршалы и генералиссимусы, немало выдающихся государственных мужей, реформаторов и революционеров.

Едва ли можно найти и у нас, и за рубежом биографический словарь, в котором не названо имя Хайрадина ат-Туниси (Тунуслы). Прибавление к своему имени титула по названию африканской страны он получил за вклад в ее историю: в то время Тунис входил в Османскую империю. Хайрадин – тунисский просветитель и государственный деятель, автор конституции 1861 года. Он основал в Тунисе и национальную библиотеку. Султан отозвал его в Стамбул и назначил великим визирем.

Маршал Фуад-паша Дели – самая колоритная фигура в истории Турции конца XIX – начала XX века, полководец и дипломат, посол Турции в Австрии и России. Со временем Фуад-паша начал открыто критиковать деспотический режим султана Абдул-Хамида, а в поданной ему записке заявил, что такого управления страной далее терпеть нельзя. Военный суд приговорил маршала к смертной казни, но, опасаясь, что дело популярного в Турции и за рубежом паши получит широкую огласку, султан заменил приговор пожизненным заключением.

Несмотря на близость черкесов к султанскому двору, многие из них приняли активнейшее участие в младотурецкой революции, покончившей с султанским абсолютизмом, и в кемалистской революции.

Большой и многообразный вклад внесли черкесы в турецкую и арабскую литературу. Это и основоположник турецкой романистики Ахмед Мидхат, и создатель турецкой социальной новеллистики Омер Сейфеддин, и одна из ближайших помощниц Мустафы Кемалю периода национально-освободительной войны писательница Халиде Эдиб, удостоенная турецким парламентом почетного титула «Адывар», что значит «Знаменитейшая». Это великие арабские поэты Махмуд Сами аль-Баруди и Ахмед Шауки, талантливейшие египетские писатели братья Теймуры – Махмуд и Мухамед, многие другие. Можно составить длинный список черкесов – выдающихся деятелей культуры, спортсменов, артистов театра и кино, в который войдут и потомки черкесских мамлюков.

А. Д. Мамлюки – предшественники мухаджиров?

Х. К. Да. Хотя это совершенно разные типы, условно говоря, эмиграции, но я убежден, что историю черкесской эмиграции на Ближнем Востоке следует отсчитывать от мамлюков. Именно память о мамлюках побудила Турцию согласиться на иммиграцию черкесов. Их боевые качества издавна были хорошо известны на

Востоке, и с давних пор правители мечтали иметь в составе своих армий черкесские дружины.

А. Д. А что представляет собой черкесская диаспора сейчас?

Х. К. Сегодня черкесы проживают более чем в 50 странах мира. Общая их численность, по их собственным подсчетам, приближается к трем миллионам. Страны более или менее компактного проживания черкесов это прежде всего Турция (приблизительно 1,5–2 миллиона), Сирия (85 тысяч), Иордания (75 тысяч), Германия (20 тысяч), США (6 тысяч), Египет (5 тысяч), Израиль (3 тысячи). В еврейском государстве черкесы оказались не потому, что эмигрировали в «землю обетованную», а вследствие разделения Палестины после Первой мировой войны.

Такая же не зависящая от них географическая «прописка» у черкесов на Балканском полуострове, где на территории бывшей Югославии сохраняются островки адыгских поселений. В свое время турецкий султан расселил их среди балканских народов по типу казачьих станиц на Северном Кавказе и с теми же задачами – усмирения местного населения. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по требованию царского правительства их депортировали оттуда. Для них это был второй исход в Стамбул. Претерпевая новые лишения, балканские черкесы переселились в Малую Азию и на территорию Сирии и Иордании. Но в Сербии, в районе Косово, осталось несколько деревень. Уже в наше время они оказались в эпицентре известных межэтнических конфликтов. В соответствии с договоренностью между компетентными органами Российской Федерации и Союзной Республики Югославии с участием президента и правительства Республики Адыгея в 1998–1999 гг. в Адыгею возвратились 174 человека – 38 семей. Через столько лет, пройдя столько испытаний, эти потомки мухаджиров-изгнанников вернулись на историческую родину. Для них выстроен новый поселок около Майкопа. Их «Истамбылаклуэ» закончился.

Черкесы в США и Западной Европе – это эмигранты с Ближнего Востока, покинувшие свою вторую родину по причинам уже экономическим. Процесс этот усилился после израильской агрессии против арабских стран в 1967 году, когда израильтяне оккупировали район Голанских высот, где в городе Эль-Кунтейра и близлежащих деревнях уже хорошо обустроенной общиной проживали черкесы, в основном кабардинцы.

Адыги в России поддерживают тесные связи со своими родственниками в диаспоре, с землячествами соотечественников. Наибольшее развитие получили отношения с иорданскими адыгами. В этой стране черкесы традиционно занимают высокое положение. Объясняется это их ролью в строительстве нового иорданского государства, той

поддержкой, которую они оказали правящей династии Хашимитов в момент прихода к власти первого короля этой династии Абдаллаха. Хашимиты не забыли об этом и щедро одаривали черкесов своей милостью. И в наши дни королевская гвардия набирается из черкесов. Некоторые черкесские семьи состоят в близком родстве с королевской фамилией. А один из кабардинцев был женат на дочери короля Хусейна принцессе Алие. Но ближе всех к черкесам по воспитанию и окружению – ее брат, принц Али. Он активно участвует в мероприятиях, проводимых черкесской колонией, и даже возглавил конный поход иорданских адыгов по обратному маршруту дороги мухаджиров и местам проживания адыгов в Иордании, Сирии, Турции и России. 6 октября 1998 года во главе колонны всадников, в белой черкеске, на белом коне принц Али въехал в Нальчик, где завершался поход. Здесь принц продемонстрировал неплохое знание адыгских обычаев, отлично танцевал кабардинский танец «Кафа» и, выступая в парламенте КБР, приветствовал депутатов на кабардинском языке.

Черкесы в Иордании широко представлены в армии, полиции, государственном аппарате, в торгово-финансовой, земельно-аристократической элите. Однако оценка подобных фактов не должна быть однозначной. Замечательно, разумеется, что этническая масса, которая по всем законам естественной истории должна была бы давно раствориться в среде, куда она попала, смогла выдвинуть из своего состава людей, достигших такого высокого статуса, сохранив при этом не только «этническую память», но и национальную самоидентификацию, родной язык, обычаи и традиции своего народа. Есть факты и вовсе удивительные: в области культуры мухаджирам удавалось многое, что было невозможным в кавказской истории адыгов. Например, они сумели осуществить вековую мечту – создать письменность на родном языке, в начале XX века в Стамбуле основали первую адыгскую газету и первое издательство.

Но, с другой стороны, воинственные кавказцы на Ближнем и Среднем Востоке часто оказывались карающим орудием в руках деспотических правителей. Правда, в такой непривлекательной роли выступали лишь избранные лица, специальные военно-полицейские формирования. Массы же черкесов в целом жили жизнью того народа, среди которого оказывались, в том числе принимали активнейшее участие в национально-освободительной борьбе, в движении за демократизацию жизни своих стран, в защите их свободы и суверенитета. Но в любом случае – закон чужбины суров. Все культурные начинания адыгов потерпели крах: газета просуществовала лишь несколько лет, письменность на родном языке не развилась, обучение на нем было сорвано политическими событиями в Турции.

Среди крупных государственных, политических и общественных деятелей – выходцев из современной черкесской диаспоры – можно назвать Сабри Чангаянгиля в Турции и Халеда Мохе эд-Дина в Египте. Первый многие годы был министром иностранных дел Турции, с начала 1980 года до военного переворота, случившегося в сентябре того же года, исполнял обязанности президента. Второй относился к ближайшим соратникам Насера, являлся лидером левых прогрессивных сил Египта, был вице-президентом Всемирного Совета мира, ему была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

И где бы ни жили сегодня потомки мухаджиров, чем бы ни занимались, отечеством своим они почитают Кавказ и из поколения в поколение хранят завет отцов – вернуться туда.

А. Д. Скажите, пожалуйста, в каком соотношении находится северокавказская эмиграция с русской в целом?

Х. К. Спасибо за этот вопрос. Он дает возможность внести ясность в возникающую иногда путаницу. Диаспора, о которой шла речь до сих пор и о которой рассказывает моя книга, никакого отношения ни к «белой» эмиграции, ни к «невозвращенцам» и «перемещенным лицам» периода Второй мировой войны не имеет. Правда, в свое время среди мухаджиров оказалось ничтожное количество горцев, выехавших за рубеж после революции и Гражданской войны в России, а также «невозвращенцев», лиц, служивших в гитлеровской армии и сотрудничавших с оккупационными властями в 1942–1943 гг. Но эти немногочисленные беженцы и предатели своими рассказами о «зверствах» большевиков (в чем-то правдивыми, но большей частью лживыми) внесли такое смятение в мухаджирскую среду, что многие возненавидели строй, существовавший тогда в нашей стране, и это осложняло наши отношения с диаспорой в период холодной войны.

Но история есть история. Во вторую свою книгу я включаю специальный раздел об истории и этой части эмиграции с Северного Кавказа.

А. Д. Вернемся к тем, которые не ушли, и, как Вы сказали, сохранили нацию. Насколько способствовало последнему их развитие в составе царской России, а затем Советского Союза? И вообще как можно, исходя из опыта прошлого адыгов, оценить сегодня историю русско-кавказских отношений?

Х. К. Говоря о русско-кавказских отношениях, надо всегда помнить о двуедином процессе. Распространение российской юрисдикции на Кавказ несло в себе известные зачатки прогресса, просвещения, культуру городов. Даже такой последовательный критик (вместе с К. Марксом) колониальной политики царизма, как Ф. Энгельс, при-

знавал, что, несмотря на всякий сопутствующий негатив, «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», и что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей». Не призываю при этом забывать, что силой оружия Россия устанавливала на Кавказе порядки военно-полицейского государства.

Но правда есть правда. Русско-кавказское сближение происходило в ходе самой войны. Даже в разгар боевых действий, вдоль той же Кавказской Линии возникали обширные территории интенсивного общения горцев и русских. Исследователи сегодня называют такие территории контактно-цивилизационными зонами, а всю территорию конфликта – районом цивилизационного разлома. В таких зонах происходили не только вооруженные столкновения, но и укреплялись хозяйственные и культурные связи, вызревали те отношения, которые впоследствии стали называться интернациональными. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Простой же люд в России и на Кавказе тянулся друг к другу. Кавказская война дала яркие примеры сближения, объединения горских и русских крестьян. Именно в годы войны окреп институт куначества у горцев, которые за большую честь почитали иметь кунака-русского. А о том, что это значило для русских, замечательно писал А. С. Пушкин. Экономическое и культурное значение возникновения меновых дворов, торговых центров, школ, в которых обучались и горские дети, трудно переоценить.

В эти же годы, в основном из среды аристократии, начала формироваться горская интеллигенция, позиция которой в отношении к России играла весьма существенную роль. Если взять конкретно адыгов, достаточно напомнить имена Измаила Атажукина, хорошо известного по поэме М. Ю. Лермонтова; первого кабардинского ученого и просветителя Шоры Ногмова; этнографа и писателя Хан-Гирея, бывшего командира Кавказско-горского полуэскадрона – почетного конвоя царя; или поэта и общественного деятеля Лукмана (Дмитрия) Кодзокова, кстати, выросшего в семье вождя славянофилов А. С. Хомякова... Они и многие другие смогли получить образование и реализовать себя лишь благодаря поддержке и покровительству прогрессивно настроенных русских военных, ученых, писателей.

Другая историческая истина состоит в том, что вхождение в состав мощной и сильной державы навсегда избавило Кавказ от угрозы извне.

Окончательная интеграция края в российскую действительность произошла в советскую эпоху. Как бы кто ни относился к Октябрьской революции, последствия ее, со всеми их издержками,

оказали благотворное влияние на исторические судьбы горских народов. Они получили свою государственность в форме советской автономии. Сформировались современная экономика, наука, культура, литература, искусство, печать, театр, телерадиовещание на родном языке – предел мечтаний зарубежных черкесов, мечтаний, на чужбине недостижимых, хотя их в несколько раз больше, чем нас, российских адыгов. Это нынче пошла мода утверждать, будто после революции с Севера направлялись к нам одни буйноголовые красные командиры и кровожадные чекисты. Но шли и русские учителя, врачи, инженеры, рабочие высоких квалификаций. Они открывали в горах школы, больницы, строили дороги, мосты, заводы, города. Помните замечательное стихотворение Кайсына Кулиева «Учитель Борис Игнатьевич»? Сколько их было – русских учителей, приобщавших горских детей к русскому языку, ставшему великим культурно-духовным достоянием наших народов!

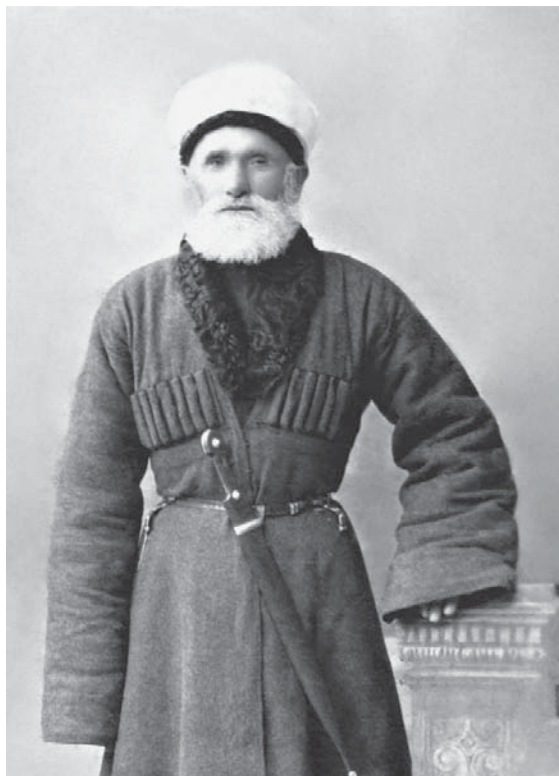
К сожалению, сегодня находятся люди, пренебрежительно называющие нас «лицами кавказской национальности» и как бы отделяющие этим нас от остальных россиян. Но мы люди, вековым своим прошлым, духовными корнями вросшие в русскую историю и русскую культуру. И никто с этим ничего поделывать не сможет. В условиях Кабардино-Балкарии, например, бредовые идеи о реванше за события XIX века или сепаратизме могут прийти в голову только какого-нибудь безумца.

Во второй книге «Странников» будут специальные главы о русско-адыгских связях и о том, как истекшие 140 лет истории оказали разное воздействие на адыгов в диаспоре и адыгов в России.

Сакинат АБАЕВА,
член Союза журналистов РФ

НАСТАВНИК: СЛОВО О ДАУУТ-ХАДЖИ ШАВАЕВЕ

Д.-Х. Шаваяев

Дауут-Хаджи Шаваяев – один из основоположников балкарской литературы, создатель карачаево-балкарской письменности на основе арабского алфавита, фактически, первый известный нам представитель национальной интеллигенции в современном понимании этого слова. Феномен, даже у больших народов рождающийся раз в столетие, человек, проложивший свою дорогу в этой большой жизни, создавший и построивший уникальную судьбу, личность, значение которой в истории культуры и литературы балкарцев переоценить невозможно. Он один из тех немногих, память о которых народ хранит, невзирая на любые испытания и

трудности, один из тех, кто, собственно говоря, и формирует сам феномен исторического прошлого, служа своим компатриотам эталоном и образцом этнической значимости, идентификационной сущности нации.

Обстоятельства сложились так, что продолжительное время судьба и творческий путь Д.-Х. Шаваяева представляли, по сути, фактическое белое пятно национальной гуманитарной науки. Лишь после двух опубликованных о нём книг, многое стало на свои места, читатели узнали, откуда Абайхановы попали в Верхний Чегем, где и как Дауут-Хаджи сумел получить образование, как он попал в университет «Аль Асхар» – а это для Северного Кавказа XIX столетия было случаем исключительным – в те времена горцы редко пытались связать свою судьбу с наукой и образованием. Быть может, именно нетипичность жизненного пути Шаваяева способствовала тому, что его опыт не был в полной мере интегрирован в коллективные жизненные практики народа, тому, что перипетии его жизни, да и само творческое и духовное наследие постепенно забывались и, по крайней

мере, в эпоху СССР оказались не востребованными. Но у каждого великого человека есть время, когда он произносит своё гениальное слово, есть и время, когда слово о нём скажет история. И быть может сегодня – только сегодня! – мысли первого балкарского теолога, философа, религиозного деятеля могут быть восприняты в аутентичных национальных формах, быть может, только сегодня Даут-Хаджи Шаваев выполнил свою сложную миссию, вновь вернувшись к своему народу в качестве глубокого и тонкого религиозного просветителя.

Путь его, как и у многих религиозных подвижников, был тернист и извилист. Он ушёл из дома в четырнадцатилетнем возрасте и, пешком дойдя до Темирхан-Шуры (ныне Буйнакск) в Дагестане, стал учеником в медресе при соборной мечети города. В течение восьми лет обучения он был лучшим и, естественно, мечтал продолжить обучение. Вскоре после окончания медресе Даут-Хаджи было доверено сопровождать своих учителей, шедших на поклонение в Мекку. Хадж начинался вполне благополучно, но где-то в районе Северного Ливана их группа подверглась нападению разбойников.

Их ограбили, оставили без пищи и питья; измученные тяжёлой дорогой эфенди все умерли, и каждый поручал себя заботам молодого муталима. В конце концов, случилось так, что, похоронив всех своих спутников в полном соответствии с исламским обрядом, Шаваев остался совершенно один в незнакомой стране без каких-либо средств к существованию. Так и началось самое тяжёлое испытание его жизни, чем-то похожее на странствия Афанасия Никитина, автора путевого дневника-повести «Хождение за три моря».

Даут-Хаджи не знал, как быть, что делать дальше. Он двигался в сторону Мекки, опрашивая местных жителей и купцов, зарабатывая на хлеб случайной подённой работой. Несколько раз смертельное уныние охватывало молодого человека, но каждый раз, словно по велению Всевышнего, благородство и милосердие людей спасало горца. Позже он с пронзительной благодарностью вспоминал в своих записях всех тех, кто не прошёл мимо голодного и оборванного паломника, о каждом, кто дал ему краюху хлеба, кто посадил на верблюда, кто пригласил к своему костру; он вспоминает, как встречные, видя его состояние, своим сочувствием придавали ему силы, как немолодой араб успокоил его в минуту отчаяния и своей музыкой воодушевил на продолжение хаджа.

Он запомнил их на всю жизнь. И он дошёл до Мекки и решил попасть к эмиру, чтобы рассказать о том, что выпало на его долю. Но, увы, приняв его за бродягу, охрана эмира бросила Даута в зиндан. Ему вновь повезло – он чудом передал через одного из охранников весть во дворец. Как его послание дошло до эмира, какими прихотливыми и извилистыми тропами оно добралось до эмира – навсегда

останется тайной, но фактом является то, что это всё-таки произошло, более того – владыка заинтересовался историей Шаваева и принял измученного жизнью и дорогой парня. К его счастью, он поверил рассказу Дауута-Хаджи и, вообще, был немало удивлён его прекрасным знанием шариата и чистым арабским языком. Дауут-Хаджи Шаваев подробно рассказал правителю Мекки о системе обучения на Северном Кавказе, о народах региона, о балкарцах, о необходимости перемен и религиозного просвещения. Эмир поверил паломнику, и это был тот переломный момент, когда решалась судьба странника. Властитель решил помочь парню, посчитав, что любое другое решение было бы ограблением целого народа, ждущего перемен в своём духовном бытии.

По распоряжению монарха Шаваеву некоторое время дали отдохнуть, затем снабдили деньгами, документами и с попутным караваном отправили в Каир.

Отбор в «Аль-Ахсар» был очень жёстким, в этом университете случайные люди не учились. Студенты со всех краёв огромного исламского мира оказались однокурсниками и друзьями Дауут-Хаджи – это, кстати, в дальнейшем очень помогло ему, и позволило поддержать многих своих учеников, оказав им протекцию для поступления в духовные учебные заведения различных стран. Именно благодаря Шаваеву сразу несколько одарённых учеников его медресе в Эль-Тюбю стали студентами престижных университетов Стамбула, Багдада, Каира.

Первое поколение балкарской интеллигенции – то есть людей, чья роль в социуме полностью определялась их трудом на духовном, научном и культурном поприще, – было сформировано в стенах медресе крошечного горного села Эль-Тюбю, сегодня более известного как родина великого балкарского поэта Кайсына Кулиева. Медресе Д.-Х. Шаваева дало образование целой плеяде заметных и знаковых деятелей национального просвещения. Его учениками, в частности, были братья Энеевы – Алий, Дударук, Жумакку – Билял Калабеков, Муса Ульбашев. В горном медресе учились и кабардинцы из сёл нынешнего Баксанского района, и их роль в дальнейшем становлении одноимённого просветительского центра ещё предстоит изучить.

Практически всех выпускников медресе Эль-Тюбю в дальнейшем нельзя было оценивать, как рядовых, среднестатистических членов общества. Это были те люди, которые решали важные вопросы и принимали зачастую судьбоносные для всего балкарского народа решения – достаточно упомянуть шаги по окончательному внедрению в сознание исламских норм и стереотипов мышления, связанные с деятельностью Али Энеева, срубившего последнее дерево языческого поклонения – знаменитое Раубазы. Целая плеяда значимых и

масштабных личностей, авторитет и вес которых в народной среде был непререкаем. Это, естественно, не было случайностью – методы и стиль преподавания в медресе Шаваева, вкупе с высочайшим эрудиционным и интеллектуальным уровнем наставника, не могли не сказаться на его учениках.

Интересы же его и возможности были в высшей степени универсальны. Им была создана самостоятельная адаптированная версия карачаево-балкарской письменности на основе арабского алфавита, в медресе Эль-Тюбю Даут-Хаджи Шаваев преподавал своим ученикам начала астрономии, философию, восточную литературу. Им была собрана невероятная по тем временам библиотека, насчитывавшая, по сведениям из разных источников, от тысячи до трёх с половиной тысяч томов. Он руководил Большим Тёре, фактически исполнял роль административного руководителя Чегемского ущелья. Талантливый поэт, неутомимый труженик, просветитель и педагог, один из образованнейших людей Северного Кавказа, считавший своим долгом передать все свои знания молодому поколению. И народ воздавал ему сторицей – достаточно много об отношении простых горцев к Даут-Хаджи говорит тот факт, что большая часть его наследия дошла до нас в устной форме – люди, не знавшие грамоты, заучивали наизусть его тексты. Такой чести, кроме Шаваева, удостоился лишь один человек – Кязим Мечиев.

Понимание сути его поступков, его слов и учения – своеобразный цивилизационный барьер, свидетельствующий о духовной зрелости народа, о его интеллектуальной готовности шагнуть вперёд. Это актуально даже сегодня, даже в наши дни философия и этика поступков Даут-Хаджи Шаваева могут быть приняты в качестве высокого эталона, образца для подражания. Что же касается периода его жизни – времени окончательного завершения борьбы за канон классического ислама – мы можем только удивляться прозорливости, мудрости и терпимости этой личности. При этом всё противобожественное было ему чуждо. Он знал несколько языков, имел большие связи, использовавшиеся им для решения важных задач, и делал свою работу богобоязненно, правильно, вёл себя и поступал так, как должно видеть и поступать умному, порядочному гражданину общества на стадии его реформации.

ИЗ ИСТОРИИ КАБАРДИНСКОГО ТЕАТРА

Часть 2. Театр в 1940-е годы

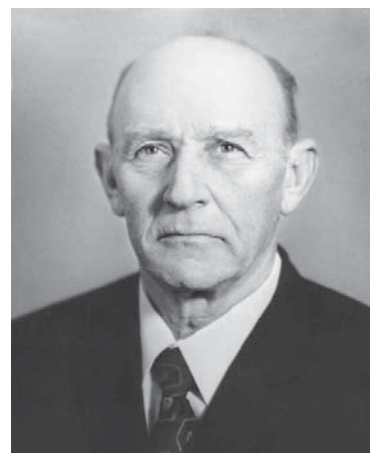
Летом 1940 года из Москвы возвратились первые выпускники национальных студий ГИТИСа, дипломированные актёры кабардинской и балкарской трупп. Это были ученики театральных педагогов А. А. Ефремова и И. Я. Судакова, ведущих на то время специалистов по подготовке национальных театральных коллективов. Вот он, тот легендарный первый выпуск Кабардинской студии ГИТИСа:

Буха Сибекова

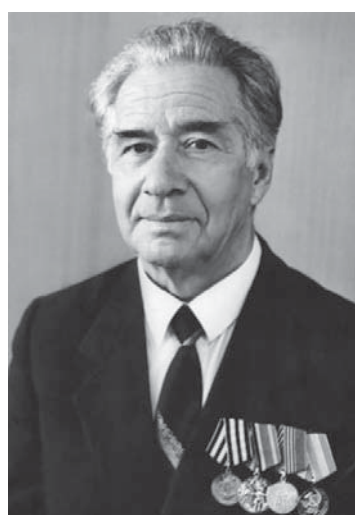
Али Тухужев

Мухарбий Сонов

*Калиса
Балкарова*

*Зарамук
Кардангушев*

*Мухамед
Шхагапсоев*

Азрум Шериев

Таужан Шхагансоева

Башир Сонов

Хужа Кумахова

Азрет Тхазаплизев

Тазрет Аталиков

Выпускники привезли в республику опыт ведущих мастеров театрального искусства, а также ряд готовых спектаклей по пьесам мировых классиков и молодых национальных драматургов. Слившись с коллективом колхозно-совхозного театра, выпускники ГИТИСа составили ядро театра, официальное открытие которого приурочили к 23-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Решающую роль в подготовке кабардинских актёров и режиссёров сыграла система сценического искусства К. С. Станиславского. «В работу нашей группы, –

Тимофей Жигунов

писал впоследствии её руководитель А. А. Ефремов, – мы кладем педагогический опыт, который сложился у меня в результате многих бесед и встреч с К. С. Станиславским в последние годы его жизни. Я старался обнаружить у актёров-студийцев природные особенности кабардинского характера и через это нащупывать типические черты национальной формы театра. Забота театра – воспитывать не исполнителей, механически выступающих в тех или иных ролях, но полноценных органических художников, которые бы жили большими мыслями и чувствами, чтобы наш театр был театром нового типа, достойным своей славной родины, чтобы он своим искусством помогал великому делу – воспитанию народа».

Новый статус – Государственный драматический театр

29 октября 1940 года газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» в редакционной статье «Большой успех молодых артистических коллективов» писала: «Вечером 26 октября началась новая полоса в культурной жизни нашей республики: открылся Кабардино-Балкарский государственный драматический театр».

Так, от фольклорных театрализованных представлений и игрищ, от самодеятельных драмкружков 1928–1935 гг., от республиканского Колхозно-совхозного театра был проложен путь к открытию полноценного профессионального государственного драматического театра.

Та же газета писала: «27 октября состоялась премьера кабардинской труппы «Женитьба Фигаро» Бомарше. Спектакль оказался на уровне серьёзных требований. Бессмертная комедия французского

Здание Кабардино-Балкарского Государственного драматического театра

драматурга, полная изящного темпа, остроумия, блеска, была воплощена на сцене нашего молодого театра ярко, умело. Постановщик – художественный руководитель А. Ефремов – и его талантливый коллектив были встречены овациями. Артисты Лакунов (Фигаро), Кумахова (Сюзанна), Шериев (граф Альмавива), Сибекова (графиня Розина) и другие своей яркой игрой показали, что кабардинская труппа отлично обучена, имеет растущую талантливую молодёжь».

Ярким явлением в довоенной и послевоенной истории Кабардинского театра был и остаётся Тима (Тимофей) Талибович Жигунов. Он также, вместе со своими известными соратниками (Зарамуком Кардангушевым, Али Тухужевым, Бухой Сибековой, Мухарби Соновым и др.), прошёл конкурс и был в числе первых студентов и выпускников того самого легендарного выпуска ГИТИСа им. Луначарского в 1940 году.

Жигунов по своему профессиональному амплу был острохарактерным драматическим актёром. Это стало заметно уже по первым его работам: Павел Корчагин – «Как закалялась сталь», граф Альмавива – «Слуга двух господ», Аскер – «Аршин мал алан».

Пожалуй, наиболее ярко и колоритно Тима Жигунов заявил о себе уже в самом начале своей профессиональной актёрской карьеры, когда сыграл роль Хлестакова в бессмертной комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Сыграл блистательно, с неподражаемой энергией и экзальтацией, сыграл роль легендарного проходимца так, каким мы себе и можем представить Хлестакова. Его партнёрами по той знаменитой постановке 1957 года были Мухарби Сонов, Тазрет Аталиков, Данитка Шортанова, Мурат Болов, Али Тухужев и другие замечательные актёры. Спектакль тогда получил самую высокую оценку московской театральной критики и зрителей. И, в числе прочего, особо отмечалась великолепная игра Тимы Жигунова.

Тима Жигунов и Мухарби Сонов.
«Ревизор», 1957 г.

*Жигунов в роли Хлестакова.
«Ревизор», 1957 г.*

И в дальнейшем проявилось острохарактерное дарование Тимы Талибовича. За долгие годы работы он воплотил на сцене множество самых разнообразных образов: это Алмастин в «Даханаго» З. Аксирова, суровый и злобный князь Ашажоко в пьесе Шортанова «Камбот и Ляца», Часовщик в «Кремлёвских курантах», Дормидонт и Миловзоров в потрясающих пьесах Н. А. Островского

«Поздняя любовь», «Без вины виноватые», и во многих других. Сыграл в 1987 году в знаменитом в то время художественном фильме «Вершины не спят».

Бесспорно, Тима Талибович Жигунов был одним из корифеев Кабардинского драмтеатра и своим искусством честно и самоотверженно служил родному театру и народу.

«Каншоубий и Гуашагаг»

После торжественного открытия КБГДТ состоялась премьера спектакля по пьесе Зарамука Кардангушева «Къанщобийрэ Гуашцэгъагърэ» («Каншоубий и Гуашагаг»). Интересна история создания этого поистине уникального произведения, вошедшего в золотой фонд адыгской культуры как первого профессионального спектакля в истории национального драматического искусства. Находясь в селении Кахун, Зарамук Кардангушев услышал рассказ о Каншоубии и Гуашагаг от народного певца-сказителя Амирхана Хавпачева. История народного эпоса сильно взволновала его и навеяла мысль создать пьесу о судьбе этих героев.

Своим замыслом он поделился с художественным руководителем А. Ефремовым, который одобрил и поддержал его желание. В то время перед кабардинской студией ГИТИСа стояла сложная проблема создания национального спектакля на базе национальной драматургии, и предложение Кардангушева оказалось весьма кстати. А его непосредственное участие в спектакле (он исполнял роль певца-сказителя Амира) позволило по ходу репетиций совершенствовать не только сюжет пьесы, но и язык её героев.

Не нарушая общей ткани народного повествования, начинающий драматург связал жизнь и действия главных героев своей драмы с

социально-политическими проблемами Кабарды XVIII века. Кстати, герои народной песни Каншоубий и Гуашагаг – реальные люди. До сих пор ещё в верховьях реки Баксан, вблизи селения Заюково старожилы могут показать вам место, где стоял дом, в котором жила эта влюблённая пара.

Сюжет пьесы проходит на фоне борьбы Кабарды с агрессией Крымского ханства. Кардангушев тем самым возвеличил своих героев, сделав их представителями подлинно народных сил, боровшихся за свободу и независимость Кабарды. Именно в таком плане пьеса и была прочитана постановщиком А. Ефремовым и двумя молодыми ассистентами, студийцами режиссёрского факультета Х. Мидовым и А. Лакуновым. Им удалось сохранить именно национальный колорит пьесы, и спектакль зазвучал как народная трагедия. Он получился многоплановым, глубоким по замыслу, широким по своему сценическому выражению.

Спектакль «Каншоубий и Гуашагаг»

В день премьеры, 31 октября 1940 года, вместе с молодым автором, с отличием окончившим ГИТИС, радость творчества испытали присутствовавшие на спектакле в тот вечер Али Шогенцуков и Хасан Эльбердов. Они дали высокую оценку увиденному и особо отметили тот факт, что «Каншоубий и Гуашагаг» – первая национальная профессиональная пьеса.

Эмоции зрителей: забавные случаи

Накануне войны театр много гастролировал по населённым пунктам республики. Артисты ездили по районам, выступали в сельских клубах, на полевых станах. Спектакли кабардинской труппы вызывали искренний и неподдельный интерес у зрителей, которые живо, эмоционально реагировали на происходящее на сцене. Вот, например, интересный эпизод, связанный с постановкой пьесы З. Кардангушева «Каншоубий и Гуашагаг», о котором 10 апреля 1941 года писала газета «Социалистическая Кабардино-Балкария»: «Был такой случай. Театр впервые приехал на гастроли в Муртазово. Зрители собрались в клубе задолго до начала. И вдруг... кто-то из пришедших на спектакль запел. Его пение дружно подхватили, и весь переполненный зрительный зал вдохновенно пел песню страдания Гуашагаг и Каншоуби». Пьесы здесь ещё не видели, песни Гуашагаг ещё не слышали со сцены, но народный эпос бессмертен, он вечно живёт в народе; из поколения в поколение передаётся сказание о Каншоуби и Гуашагаг. И зрители, знавшие своих любимых героев по сказаниям и песням, теперь пришли, чтобы увидеть их живые образы... Вжились в свои роли и хорошо ведут их на сцене молодые кабардинские артисты М. Сонов, играющий Каншоубия, Балкарова – Гуашагаг, Сибекова – Асият, сестра князя Гери, и Алоев – нищий. Театр создал замечательный волнующий интересный спектакль, запоминающиеся образы героев кабардинского народного эпоса».

Надо сказать, что зрители зачастую довольно близко воспринимали игру актёров.

Аскербий Шортанов в своих воспоминаниях рассказывал о том, как в буквальном смысле этого слова страдал за свой талант актёр Сафарбий Нартыжев. Он играл в пьесе Ф. Шиллера «Коварство и любовь» Вурма, уродливого коварного горбуна, страшного и видом своим, и злостными делами. И Сафарбий воплотил образ Вурма бесподобно.

«Когда театр уехал на гастроли, Сафарбий претерпел все беды и мучения, которые могут выпасть на голову ни в чём не повинного человека. Все горцы обходили его стороной. В ту пору зрители приглашали артистов к себе в гости – на ночёвку. Но никто не соглашался пускать к себе Вурма – Нартыжева. А однажды по ходу спектакля в него пальнули из ружья. И старик, стрелявший в Вурма-Нартыжева, сокрушённо качал головой: «Ах, как жаль, как жаль, что промахнулся!».

Зарамук Кардангушев (1918–2008)

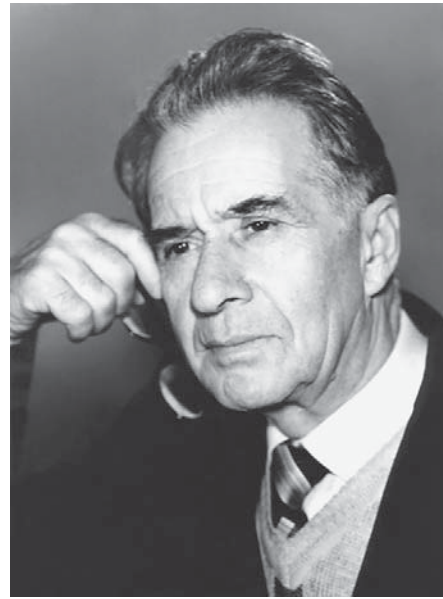
Зарамук Кардангушев стоял у самых истоков зарождения и становления Кабардинского национального театра. Он был в числе первых профессиональных актёров театра и стоял у истоков кабардинской драматургии. Ещё будучи студентом ГИТИСа, он написал первую национальную пьесу на кабардинском языке «Каншоубий и Гуашагаг».

Вообще, Кардангушев – явление уникальное не только в истории национального театра, но и всей культурной жизни кабардинского народа: актёр, драматург, учёный-этнограф, писатель, собиратель музыкального и устного фольклора. Его дарования и круг деятельности были по-настоящему многогранны и удивительно плодотворны.

После окончания школы он учился в Нальчике в Ленинском учебном городке и на рабочем факультете в Пятигорске. А в 1935 году, после отборочного смотра-конкурса, был принят в состав первой национальной актёрской студии ГИТИСа и уехал учиться в Москву. Будучи студентом театрального вуза, он с третьего курса стал стипендиатом Сталинской премии. А в 1940 году, с отличием окончив институт, в составе первой плеяды молодых актёров-профессионалов, вернулся в родную республику. В том же 1940-м его пьесой «Каншоубий и Гуашагаг» открыл свой первый театральный сезон Кабардино-Балкарский государственный драматический театр.

Зарамук Патурович прошёл всю войну с 1941 по 1945 годы, служил в десантных частях, имеет ранение. За боевые заслуги Кардангушев был удостоен ордена Отечественной войны I степени и боевых медалей. После демобилизации вернулся в родной театр, работал актёром, принимал активное участие в послевоенном восстановлении национального театрального искусства.

В 1956 году Зарамук Патурович получил ещё одно высшее образование в Кабардинском государственном педагогическом институте, после чего посвятил себя литературной деятельности – работал редактором в республиканском книжном издательстве. Но всё это время он продолжал заниматься любимым делом своей жизни, сборанием фольклора и этнографическими исследованиями. Вплоть до 2003 года он был научным сотрудником отдела фольклора и

Зарамук Патурович Кардангушев (1918–2008), советский кабардинский писатель, учёный-этнограф, актёр. Народный артист Кабардино-Балкарской Республики

литературы Кабардино-Балкарского НИИ истории, филологии и экономики. Разъезжая по сёлам и районам республики, Кардангушев занимался сбором героического нартского эпоса, старинных кабардинских песен, сказаний, легенд, пословиц и поговорок. Вместе с известными учёными А. И. Алиевой и А. М. Гадагатль он работал над академическим изданием тома «Нарты. Адыгский героический эпос». Был инициатором издания двухтомного сборника «Адыгский фольклор» на кабардинском языке (1963, 1968 гг.). Это ему и группе учёных-энтузиастов мы обязаны появлением этно-музыкальной антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (1980–1991 гг.). Зарамук Кардангушев стал автором первого и единственного на сегодня перевода уникальной «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова.

Зарамук Патурович прожил долгую, насыщенную и плодотворную жизнь, оставив нам и будущим поколениям плоды своего многолетнего труда – сокровища самобытной национальной культуры. Он ушёл на 91-м году жизни 25 декабря 2008 года и был похоронен в родном селе Псыгансу.

Зарамук Патурович Кардангушев имеет награды, звания и премии: «Заслуженный деятель искусств Кабардино-Балкарской АССР» (1961), «Заслуженный деятель культуры Республики Адыгея», «Народный артист Кабардино-Балкарской Республики» (1993), Почётные грамоты Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР (1978, 1992).

Адам ГУТОВ,
доктор филологических наук, профессор

АПОЛОГИЯ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Рассказывают, однажды выдающийся физик Лев Ландау поставил студенту «неуд» по своей дисциплине за незнание... поэзии Лермонтова. Конечно, у гениев свои причуды, и Ландау, порою эксцентричный, не исключение. Поступи подобным образом какой-либо заурядный человек, над ним бы просто посмеялись, а коллеги по цеху посчитали бы, что у него завелись тараканы в голове. Но если великий ученый, по другим рассказам иногда вообще отрицавший все гуманитарные науки, был убежден в своей правоте, то тут есть повод призадуматься. Чуждачество ли это, или провидение?

***

Нынче весь мир озабочен двумя проблемами – глобализацией и борьбой с covid-19. Если первая как-то стала выдыхаться, особенно после нескольких миграционных волн на Европу с Востока и Юга, то вторая в короткое время заслонила чуть ли не все другие заботы и даже повлияла на выборы президента США. Но и задолго до этой напасти внимание чуть ли не всех, кто определяет приоритеты нашего государства, полностью поглощалось тем, что имеет сиюмоментную практическую выраженность. Ну а духовная составляющая нашего бытия виделась не иначе, как «лирика», праздное приложение или же идеологический инструмент для корректировки сознания личности в угоду государству.

В Лету канули времена, когда в актерах, музыкантах, литераторах народ видел людей, чуть ли не во всем равных пророкам, когда они признавались выразителями душ и желаний как миллионных масс, так и всякой единичной личности. А потому выступления поэтов и писателей собирали целые стадионы. Кажется, не в совсем уж давние времена поклонение прекрасному было одним из краеугольных камней воспитания человека, и настоящие поэты, художники, артисты почитались именно как великие люди, отмеченные перстом Божьим. Нынешним прагматикам не понять, почему эта «лирика» не мешала, а вдохновляла побеждать в войне, строить заводы и фабрики, запускать в космос искусственные спутники, даже первого космонавта на планете. Остальной мир был вынужден,

«задрал штаны», догонять тех самых романтиков. И так не только с космосом и балетом.

Почему-то уже тогда поэт изрек с пророческим ясновидением:

*Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне.*

Сказал он так во времена, когда на выступления тех самых лириков приходило народу больше, чем нынче на выборы депутатов и президентов. Толстые и тонкие литературные журналы имели сотысячные тиражи, отдельные номера газет моментально раскупались, если в них были напечатаны стихи любимых поэтов или проза интересных писателей. На концерты известных симфонических оркестров, знаменитых дирижеров, скрипачей, пианистов было не протолкаться. В окрестностях Большого театра и зала имени Чайковского еще со ступенек эскалатора в метро спрашивали лишний билетик. Странно, но при этом бал правила треклятая идеология. Но рука об руку с нею была мирового уровня культура, а тут же совершались такого же масштаба прорывы в различных технологиях! Народ созидал в поте лица своего, иногда недоедая и недосыпая, так как главное виделось не в еде-питье. И если на поэтов он шел, значит, это считалось важнее, чем сытость и здоровый сон. Но вот уже в те времена, через десятилетия: «Что-то физики в почете...».

Только в наше время мы поняли во всей полноте, что такое «лирики в загоне». Это – когда внимание рулевых общества заточено только на тех отраслях интеллектуальной и физической деятельности, которые имеют прямую материальную отдачу и выход к сиюмоментным практическим результатам, когда общество не нуждается в новых твардовских, ильфах-петровых, вознесенских и им подобных. Всякого рода гуманитарные разыскания и писательство-сочинительство, исследования языков, культур или эстетических областей деятельности – они дохода не приносят, проку от них как с козла молока, как и с новых шолоховых, булгаковых, шостаковичей и всяких прочих хренниковых. Соответственно, забота о них – по остаточному принципу: останется что-нибудь в государственной мощне, то подадим, а по сути – учитесь рыночным отношениям: товар-деньги-товар. Пускай писатель продает свой труд, как на барахолке, где вчерашний профессор катает тачки. Государству до него дело такое: помрет – похороним, может, и с почестями, нет – пускай себе живет. А так простому человеку твои мудрствования ни к чему – он отработал смену, отметился в жизненно важных точках (у сбербанковского терминала, на каком-нибудь стадионе «Спартак»-

«Динамо», в кафешке) и домой. А дома ему не до высокого искусства. Уткнется он в зомбоящик, посмотрит какой-нибудь мордобой или сериал про доблестных ментов-шпионов-бандитов, а то посмеется вместе с «Петросяном и его командой», а там и на боковую, чтобы завтра было то же самое, но с пивом.

Тот, кто не замечает разрушительного эффекта от такой политики, пусть сравнит, какие люди были в центре общественного внимания во времена прежние и кто сейчас делает погоду в области, которая по инерции именуется сферой культуры и духовности. Если бы мы задумали составить две колонки – в левую внести имена тех, кто имел влияние на умы в «застойные» 60-70 годы, а в правую – кто сейчас «в шоколаде», интересная картина получилась бы. Например, в области литературы, кого бы вы предложили на место Твардовского с Леоновым, Симоновым и Айтматовым, или Шукшина с Гамзатовым, Евтушенко и Высоцким. Разве что нарисовать напротив их фамилий имена Пелевина с Акуниным или Улицкой с Донцовой... Ведь, по правде говоря, не скажешь, что бездарны. А если судить по гонорарам, так тем, старшим, таких облачных высот и *не снилось*. Но вот во что талант, так сказать, канализируется и кто этих авторов читает даже при посредстве профессиональных пиарщиков? Присмотришься и сам увидишь, что нынешним еще более *не снились* те высоты духовности, на которых первые в прямом смысле служили обществу. Бывали конфликты с властями? Да, еще какие. Кого-то в печати ругали, кого-то замалчивали и не печатали, кто-то прорывался через самиздат. Но вся страна их знала и, почитая глубоко, зачитывалась ими. Нынче полная свобода – цензуры нет, запретов нет, пиши – не хочу, а вот ни тебе шукшиных, ни рождественских, ни гамзатовых...

Не так ли и с другими искусствами! Один знаменитый дирижер однажды так эмоционально обозначил эволюцию отечественной культуры в XX столетии: одной из первых звание народной артистки в СССР было присвоено великой Марии Ермоловой, одной из последних – нынче не менее популярной попсовой королеве NN (не стану называть имя, его и без меня истрепали). Не хочу ничего дурного сказать ни о той, ни о другой, обе вложили свой труд в избранную профессию. Но что касается места в истории отечественной культуры, две эти фигуры на один гектар не попадают. Вот так же несопоставимы стихи и поэмы Твардовского, Гамзатова, Симонова, Евтушенко с иногда очень даже технически правильными, не лишенными остроумия, отшлифованными до уровня ледяных плит вечной мерзлоты образцами позднесоветской и «пост-соцреалистической» поэзии, как бы ни изощрялись теории и практики постмодерна! Понятно, жизнь на месте не стоит, и если

сорок лет назад даже бедный аспирант мог раз в месяц позволить себе гульнуть со своей стипендии в ресторане «Метрополь» – на десять рублей вкусно пообедать и пропустить «сто грамм», – то нынче туда и с десятью тысячами в кошельке не сунешься. Только вот какая беда: никакая тысяча нынешних голо-систых, увешенных брюликами «королев» и «королей» попсы не сможет перевесить как явление культуры одну единственную Русланову, единственную Шульженко, Кобзона или Магомаева, хотя они на сцену клоунаду и кордебалет не вызывали. И до какого бы полового низа ни оголялись современные афродиты и аполлоны, им не стать на одно поле с Ермоловой или Качаловым, не поставить такие фильмы, какие ставили Сергей Бондарчук, Василий Шукшин или Сергей Герасимов. Также не сравнятся эти тысячи новоявленных «львов» и «львиц» бомонда с Утесовым или Бернесом, у которых ни виллы в испаниях, ни даже и голоса в классическом его понимании не было. Зато какая была поющая душа!

Не знаю, вдохновляла ли поэзия Вознесенского академика Королева на создание космического корабля. Но все же была между двумя их такими разными сферами скрытая от глаз обычного человека гармония, и очень вероятно, что, в конечном счете, эта гармония вывела когда-то полунищую страну на высочайшую орбиту современной цивилизации, вывела и долгие годы удерживала на заоблачной высоте, глядя на которую «другие народы и государства» почтительно снимали шляпы.

Факт, над которым некогда задуматься нашим рулевым, – то, что по мере угасания в обществе интереса к духовной стороне жизни, по мере выдвижения на первый план утилитарных ценностей, почему-то начала сдавать свои позиции и материально-техническая сфера. Завершилось это неудержимой утечкой мозгов, вольным исходом из родной страны многих из тех самых физиков, химиков, инженеров, штучных специалистов – ради обретения более комфортно обставленной Новой Родины.

Почему-то о причинах этого явления не принято говорить ни в прессе, ни в кулуарах, ни в порядке надоевших зрителю телевизионных шоу. Трудно спорить с тем, что людям просто надоело проживать свою единственную жизнь в надежде на обещаемое светлое будущее, и они сделали свой выбор, юридически не подлежащий суду.

Возможно, дважды два всегда четыре. Но в голове нравственно непорочного человека вертится: «Пусть на чужбине идет золотой дождь, а на Родине дождь из камней, мне она все равно милее». Упаси Бог, я не агитатор, но, дорогие скептики, загляните в сборники пословиц и поговорок и чуть ли не у каждого народа вы

найдете такое по смыслу изречение. И чтобы человек пренебрег этой заповедью, в нем должен случиться очень серьезный сдвиг, в нем должен сместиться стержень. Этот стержень, даже врожденный, нуждается во всечасном внимании к нему, в укреплении, в постоянной духовной подпитке. Такая подпитка называется не белым хлебом с черной икрой, а нравственным воспитанием. Его же нет без внимания к душе, истории, своим здоровым традициям, культуре, нет без познания себя в своем прошлом, настоящем и в перспективе.

Всему этому учат не через незыблемые математические, химические, физические формулы, не зависящие от того, покупаем мы или продаем. Да, опираясь на открытые закономерности, запечатленные в формулах, можно облагодетельствовать общество – атомным ледоколом, электростанцией на ядерном топливе, средством от ковида, что очень актуально. Но можно, используя гениальные открытия, изготовить страшное оружие, боевое отравляющее вещество, пригодное для уничтожения всей планеты, поскольку у химических реагентов нет ни души, ни нравственности, ни разума. Так и для человека без души и духовного стержня не столь важно, что и для чего изготовить – во благо или во зло. Душа, она понятие не осязаемое. И нет иного способа осознать ее животворную сущность, кроме как путем познания себя в пространстве и времени. Там координатными осями будут деяния предков, их обретения и заблуждения, их взгляды, культура, пристрастия, нравственные ориентиры, для постижения которых расшибались лбы и летели головы с плеч. И всё это не переводимо в материю, как сама душа, которая явно *есть*, хотя наших пяти органов чувств недостаточно, чтобы ее обнаружить. Но обнаружите вы ее или нет, а без нее не будет жизни. Есть она – и человеку, чтобы идти к заветной цели, в трудный час достаточно воли, куска черного хлеба и глотка воды. Никуда он по своей прихоти не уйдет, никому не изменит, никого не предаст, хотя ему тоже хочется сытой жизни. Как бы пафосно это ни звучало, у него есть идея, и она возносит дух над плотью. Не будь ее, всех земных благ будет человеку мало – с шикарными виллами и каруселями, роскошными яхтами и птичьим молоком.

Надобно и змее обладать определенными умениями, чтобы от цветка взять яд. И пчела тоже должна уметь от того же цветка получать мед. Только Создатель не наделил их способностью отличать добро от зла, а человек одарен разумением, позволяющим мыслить и различать то и другое. Это неслучайно, ибо в деяниях Творца случайного нет. Так вот, главное местоположение этой субстанции, которая неосязаема, неуловима, но жизненно необходима, ибо

имя ее *душа*, более всего подведомственно гуманитарной сфере, то есть «лирике» – истории, филологии, философии, искусствам и искусствоведению, культуре и культурологии – области духовности, выделяющей нас из остального животного мира и возносящей над самыми совершенными говорящими роботами.

Возможно, кто-то снисходительно усмехнется, но кажется мне, что мы легкомысленно сами в себе убиваем дарованную свыше способность отличать добро от зла, чем уподобляем себя то ли низшим животным, то ли бездушным машинам. Вверяя судьбы народов откровенным технократам, мы своими руками разрушаем собственные перспективы, перспективы нашего общества, а по большому счету – будущее планеты. Единственный способ избежать этого – начать с достойным почтением относиться к сфере духовности вообще и, в особенности, – к гуманизму и патриотизму как понятиям и явлениям.

При этом если на одной ступени развития общества внимательное отношение можно было воплощать в однозначно формулируемые лозунги, то для человека современного общества они вряд ли вызовут встречное движение души. Человеческое сознание во все времена было чувствительнее, чем тончайшая из материй, а в наше время оно стало еще тоньше, сложнее и чувствительнее. Поэтому «товарищ маузер», посредством которого вершилась революция, давно уже не годится в качестве орудия убеждения.

Политики и социологи как об очевидном факте говорят о разных ветвях власти. Так вот, гуманитаристика призвана иметь статус ее стержня, и внимание к ней должно быть со стороны законодательной, исполнительной и судебной ветвей с учетом того, что без нее все другие вульгаризируются до низшей ступени сознания. Француз Марк Блок написал в свое время целую книгу под названием «Апология истории» о социальной функции истории и гуманитарных наук. Той же проблеме посвятил замечательный труд замечательный наш соотечественник Арсений Гулыга. Об отдельных аспектах этой проблемы писали многие крупнейшие ученые и мыслители, в их числе академик Д. Лихачев, М. Бахтин, В. Абаев, многие другие. Однако, увы, слово не-услышанное сродни не-изреченному. В нашем обществе последних десятилетий особенно возобладал голый и близорукий практицизм, особенно свойственный смутным временам, когда к власти прорывается масса временщиков с врожденной нравственной ущербностью, безразличием к тому, что будет завтра со страной и всей планетой, но обладающая уникальной способностью проходить сквозь стены законов и приличий.

Из недр некоторых центров руководства научной и образовательной сферами, из разного рода президиумов, советов и департа-

ментов, из беспощадно стерилизованных академических структур регулярно исходят «одобренные», «рекомендованные», принятые на государственном уровне программы, учебники с хрестоматиями, концепции преподавания и всякие «жизненно важные» инструкции, которым разумный человек следовать по своей воле не станет. Всё это признаки если не злого умысла, то инфантилизма новоявленной российской элиты, которая за три прошедших десятилетия *уже* заполучила полномочия «заказывать музыку» хотя *еще* не осознала ответственности за духовное здоровье общества. Поэтому человек, обретший власть, как крыловская Мартышка – очки, тыкает пальцем, не всегда зная куда. Между тем, не надо слыть пророком, чтобы, оглянувшись на стародавние, не очень давние и совсем еще не остывшие этапы истории, увидеть примеры того, как не однажды *недостаточное внимание к сфере духовности больно аукнулось всему человеческому обществу*. Такое случалось и в древние, и во все последующие времена в разных частях планеты. История полна варварскими завоевательными походами, кровопролитиями, кострами инквизиции, сожженными книгами, прочими масштабными бедствиями, что обрушивались на человеческое общество *якобы во имя достижения какой-то высшей справедливости*. При этом всякий раз эта ересь обставлялась так, будто бы заслужить благосклонность Всевышнего можно только соответственно количеству принесенных безвинных жертв. В давние и недавние времена эта духовная шизофрения приводила к массовым убийствам, религиозным войнам, спровоцированным эпидемиям, охоте на ведьм, наконец, к обыкновённым бандитским грабежам, рекам пролитых слез и крови. Вместо обретения истины, она венчалась резней вселенского масштаба, виселицами вдоль больших и малых дорог, сомнительным техническим прогрессом наподобие изобретения то гильотины, то ядерной бомбы. Она венчалась крематориями, круглосуточно заволакивающими небо густым дымом от сожженных человеческих тел и душ. *И всё это – под лозунгами, вроде бы очень правильными по форме и даже содержанию, если не очень к ним присматриваться!* Или же лукаво выдаваемыми за таковые.

В новейшей истории подобная напасть, окутав сознание миллионов людей густой дымовой завесой, обернулась банальным предательством со стороны последних вождей СССР, невиданным доселе мародерством новоявленной элиты категории «из грязи в князи». В одночасье из-под ног общества уплыло буквально все, что оказалось доступным в кладовых огромного государства, которое в истории планеты впервые, пусть и небезупречно, было задумано и формировалось как строй, основанный на общенародной собственности.

Партийно-советская номенклатура разных уровней заболела симптомами нравственного дальтонизма задолго до восьмидесятых. Она медленно, но неуклонно двигалась к тому, чтобы стать антиподом своих предшественников. «Вожди» вовсе не тяготели к подлинно прогрессивным переменам. Выродившиеся потомки носителей идей Свободы, Равенства и Братства, духовные наследники тех, кто начинал с готовности ради справедливого переустройства общества принять на себя страдания, лишения и даже смерть, сорвались в полную деградацию. Горстка формально образованных, но нищих духом функционеров, занявшая нишу элиты общества, заплыла жиром, покрылась лоском, напроць отгородилась от массы людей с их интересами и заботами. Как ни удивительно, именно *благодаря своей нравственной ущербности*, она оказалась в фантастически выигрышном положении: отсюда проистекает абсолютная свобода «флагманов перестройки» от осознания каких бы то ни было моральных обязательств перед страной и ее населением, а особенно – перед будущим миллионов людей. Воистину «блаженны нищие духом», ибо не разумеют они суда совести! Таков результат длительного пренебрежения горе-рулевых страны к духовной сфере бытия и подмены ее недалёковидным прагматизмом: «Наша идеология – в отсутствии идеологии». Идеи – ничто, интересы общества – ничто, благополучие государства и его граждан – ничто! Честь, совесть, достоинство, заветы отцов, судьба человечества – над всем этим ставится nihil! Только удовлетворение моих вожделий – всё!

Зная, «из какого навоза» произрастают постулаты поведенческих императивов многих людей современной процветающей «элиты», которую в веках ожидает проклятие потомков, не приходится гадать, почему в нашем обществе не востребованы идеалы духовности, почему в такой чести у нас проявления откровенно голого прагматизма, почему у нас нет-нет в депутаты проползают воры, в губернаторы выбиваются жулики, порою даже федеральные министры, если не выше, оказываются казнокрадами или взяточниками. Числом олигархов, как и числом бомжей, мы одинаково впереди планеты всей, как когда-то были впереди великой культурой. Но наш Вавилон, в котором «всяк сущий в нем язык» был почитаем, разъела и порушила ржа. Не потому ли так получается, что нынче у нас нет новых Шолоховых и Булгаковых, Маяковских и Пастернаков, Станиславских и Григоровичей. Не на них нынче спрос у пипла, не они властвуют над умами, а шуты балаганные, искусство которых не способно подняться выше гениталий, да и их используют не всегда по природному предназначению. Мы утратили веру, которая когда-то двигала людей на построение великой державы, веру, которая когда-то двигала на борьбу с фашизмом и которая

когда-то – с трудом припоминается, что были и такие времена! – выводила нас первыми в космос.

Разумеется, нынче советская идеология видится кондовой, идеалы коммунизма – утопией, лозунги советского времени – примитивными. Кто учился в советском вузе, помнит, что учебники по истории КПСС служили надежным снотворным, диамат и истмат исторгали из уст тот же мат. С высоты современного уровня цивилизации для нас очевидны многие прорехи страны Советов и во внешней и внутренней политике, и в гуманитарном образовании. Это и узколобость апостолов соцреализма, и нелепость запрета новых течений в искусстве, и нелепость гонений, которые в свое время устраивались на больших писателей, художников, композиторов, артистов, на целые направления в науке. Но мы почему-то не замечаем, что всё лучшее из созданного до нас было порождено идеей преданности стране, народу, вселенской идеей справедливости и красоты духа, идеей возвышения духовности над плотским, идеей любви и готовности пожертвовать своим личным ради общечеловеческого. Наконец, это идея, которая определяет сознание,двигающее материю. К этому готовила гражданина та самая «кондовая» идеология.

Если согласиться с тем, что искусство это отражение общественных настроений, то вполне понятна очевидная деградация многих видов современного искусства, в том числе кризис традиционных жанров литературы, театра, классической музыки, живописи и т. п., а также тех областей науки, которые основаны на их интеллектуальном постижении.

Естественно, в обществе духовно ущербном, больном (если не сказать – душевнобольном), и не могут быть востребованы шедевры мировой культуры. Всё настоящее, всё высокое духом вытеснено из сферы внимания общественности и заляпано густой и тягучей ширпотребовской лапшой быстрого приготовления. Послевкусием эволюции отечественной культуры от Державина, Пушкина и Толстого до Шолохова, Станиславского и Шукшина стала инфильтрация в сферу искусства ближайших родственников Элочки-людоедки. *Попса стала в нашей стране пятой властью*, управляющей умами завтрашних хозяев страны, не просто поколения пепси, а поколения попсы! Никаких высоких идеалов, никаких помыслов о чистой духовности, вместо нее «демократия» в виде мата-перемата в печатных изданиях, интернете, на театральных подмостках, бравада публичным оголением без всякой на то эстетической мотивации. На заклятие пресловутой деидеологизации были с удивительной легкостью принесены будто бы абстрактные, но по сути своей такие священные слова, как *совесть, честь, демократия, гуманизм, интернационализм, любовь к Родине* и прочие хорошие понятия, несущие тепло и боже-

ственное высокое содержание, способное сделать из бесформенной массы светлое человеческое сообщество. В последующей их реинкарнации, если она и произошла «во втором рождении», они явились вновь на свет божий в самых неузнаваемо безобразных мутациях, в невиданных ранее бутафорских одежках и уже с оценочными векторами, где все «плюсы» заменились в Зазеркалье «минусами». Суррогаты этических и эстетических ценностей, заполонившие каналы коммуникации, пришли к нам под тем самым лозунгом «Наша идеология в отсутствии идеологии!». Эта модификация бессмертной фразы «Бога нет – всё дозволено!» представила действительность в вывернутом наизнанку виде. Тут бы отряхнуть от нафталина еще один лозунг «Долой стыд!». Но, говоря по правде, в этом и нужды нет, поскольку «орган стыда» отпал сам собой, как атавизм. Кто не видит разницы между оголенностью Венеры с картины Боттичелли и самообнажением на наших театральном-эстрадных подмостках, тот ничего не смыслит в боговдохновенности искусства.

Благодаря «без-идейной», зато вполне раскованно свободной «внеидеологической» пропаганде порою может показаться, будто общество сознательно возвращается к истинной Вере. И вправду, храмов у нас понастроили многократно больше, чем когда-то было разрушено безбожниками-большевиками. Однако во времена пророков человек, исповедующий одну религию, мог при необходимости войти в чужой храм как сакральное намоленное место, там спокойно помолиться своему Богу и с миром уйти. А вот теперь друг от друга отчуждаются не только люди разной веры. Люди Писания давно перестали понимать один другого. Не только христиане не воспринимают иудеев или мусульман, а одни христиане предают и продают других христиан, одни мусульмане готовы «во имя высшей справедливости» лишать жизни других мусульман. На словах все признают, что Творец един, но никто не готов впустить в свой храм того, кого он не признает правоверным, тем более не готов подпустить к себе. Зачем же тогда нужны синагоги, церкви, мечети, дацаны, зачем вообще все освященные молитвенные места, если в них не проповедуется ниспосылаемая тем единым Создателем любовь к ближнему? И как без любви к божьим *созданиям* может угнездиться в душе любовь к самому *Создателю*? А без этого какая вера?

Храм, в котором проповедуется культ гордыни, нетерпимость к чужому, исключительность только того, что признается своим, это не божий храм. Пусть в нем будет всё, но там нет самого Бога. Где Бога нет, то бишь нет боговдохновенности, нет и человека с его божественной сущностью! Тогда его оболочка всего лишь форма, а содержание бездушное существо, не ведающее добра и зла, высокого и низкого.

Земля – вверх тормашками, ходьба – вниз головой, вольное поношение праведности и гимн содомии, деревья – верхушками в землю и корешками в небеса! Те саженцы, что были погружены в землю еще при «царе Никитке», самом безбожном и невежественном из правителей, вдруг начали давать плоды ровно через 20 лет (аккурат к тому времени, когда Хрущев обещал построение коммунизма: он со своими пророчествами был отрешен от власти осенью 1964 года, а его духовный преемник пошел рулить весной 1985!). Но ведь деревья были посажены наоборот, и, естественно, плоды на них тоже *наоборотные*. Вот нашим согражданам и вбивают в сознание такую же зазеркальную идею. Создание СССР было результатом авантюры. В Великую Отечественную наши отцы и деды шли в бой только под прицелами заградотрядовских пулеметов; поэтому они не победили, а просто завалили врага своими трупами. Сталин и вообще все коммунисты одного поля ягоды с Гитлером и всякими другими фашистами. Молодогвардейцы, панфиловцы, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев – все они никакие не герои, а размалеванные пузыри, дутые пропагандой, никаких громких подвигов во имя Родины они не совершали. Капитан Гастелло всего лишь случайно упал на вражескую колонну, Александр Матросов неудачно для себя споткнулся возле вражеской амбразуры. Также легендарный Чапай не более, чем герой тупоумных анекдотов. Ничто возвышенное на самом деле не высоко. И вообще, почему наши недалёковидные предки вовремя не кинулись целовать сапоги Гитлеру. Так и вещали нам «шибко умные люди», и не только забугорные «друзья», но и свои, доморощенные. Свобода слова в их толковании – врать без стеснения! Только если всё подобное правда, то я не только я, а еще и папа римский, одновременно Наполеон Бонапарт! Это, конечно, если на всех наполеонов хватит места в дурдоме.

Апогеем этого сюрреализма стала покаянная речь перед парламентариями Бундестага, ловко вправленная в уста неразумного отрока из неведомо откуда (его что, страна отрядила на такой «подвиг»?). Он красиво излил свои душевные терзания по поводу гибели немецких солдат на негостеприимной советской земле. Быть может, они явились к предкам этого мальчика с божьим словом на устах, но никак не с презрением в душе к «низшей расе» его предков-русичей? Может, приходили они не разорять, убивать, превращать в рабочую скотину наших отцов, дедов, прадедов и всех их будущих потомков? Видимо, поэтому ничего греховного не признавалось в том, чтобы удобрять поля рейха пеплом сожженных в крематориях советских людей – далеко не всегда солдат, а чаще – женщин и детей, примерно того же возраста, что сей бундестаговский плакальщик.

Важно не то, что в этот раз устами «младенца» глаголала отнюдь не Истина. Куда тревожнее, что даже такой оксюморон оказался всего лишь преходящей темой для охочих до сенсаций современных отечественных СМИ. Великая четвертая власть поговорила, пошумела и забыла, как обычно забывают один из мелко-скандальных преходящих эпизодов нашей суетной повседневности. Инцидент не всколыхнул в благородном возмущении заболоченную и замороженную общественность, не привел ни к каким кардинальным выводам на государственном уровне, как этого следовало бы ожидать. И вот это страшнее самого поступка – мы как общество движемся к распаду, если уже не распадаемся, когда у нас не болит душа в подобных случаях. Кто когда-нибудь слышал повинные речи немецкого школьника перед белорусским, украинским или нашим российским парламентом за Хатынь, Бабий Яр, Бухенвальд или Ленинград? Или покаяние внука бандеровца, забывавшего о своей человеческой сущности, когда жег, расстреливал и вспарывал животы. До сих пор помнятся рассказы о «доблестях» недостойных потомков шляхтичей, которые по ночам вырезали целые отряды мирно спящих красноармейцев, а вот не помнится, чтобы за них каялись. Только вот российского мальчика-недоросля, видите ли, совесть замучила за то, что его деды не склонились перед врагом всего рода человеческого, за то, что они до последнего сражались, и – самое ужасное! – за то, что *убивали тех, кто пришел их убивать...* Вот вам идеология при забвении памяти.

По сути, в зеркале юношеского восприятия отразилось наше полное поражение в борьбе за спасение душ. Даже не поражение – разложение. Не удалось Гитлеру превратить людей «низшей расы» в скотов, но кажется, кое-кому процесс нашего оскотинивания удастся. Значит ли это, что в течение всего XX века загнивал не капитализм, а что-то совсем противоположное? Вопрос не риторический. С тем, что не удалось на поле боя, ныне явно неплохо справляются на другом поле – поле лукавства, обмана, подлогов и предательства. Идею всеобщего братства и равенства превратили в скоропортящийся продукт, чтобы затем выбросить.

Отстроить один дом, от которого осталась обгорелая печная труба, непросто. Восстановить разрушенную экономику целой страны, конечно, куда тяжелее. Но при напряжении сил и при всеобщем желании возможно и то, и другое, что однажды и было сделано в промежуток с 1945 года до 1952–1953. А вот восстановить разрушенное сознание, возродить утраченную гражданственную гордость, оживить атрофированное чувство единства во имя высоких идей – это занятие намного более трудное. Говоря откровенно, тут речь не о том, чтобы возродить, нам для начала хотя бы остановить разрушение и

разложение. Мы с наспех нарисованной на лице хорошей миной еще твердим – в 91-ом нас не победили, это мы побеждаем, как всегда и раньше побеждали! Только давно уже стало очевидным, что наше общество морально демонтировано, разобрано на составные части: по возрасту, среде обитания, разрезу глаз, материальному положению, месту на социальной лестнице, причем последнее – с самого низу до высших эшелонов власти.

«И пошел брат на брата» – это не фигура речи. Сакраментальная фраза «Распалась связь времен» тоже относится к нам. При этом линия духовного распада охватывает все параметры. В том числе и по отношению к своему родному Отечеству. Если, по мнению одних, «Российская федерация» звучит внушительно и гордо, то для других это всего лишь «Рашка», которую не грех обокрасть, предать, потом из нее свалить куда-нибудь подальше. Конечно же, воруют, предадут, сваливают за бугор не простые работяги, чьим трудом, в конце концов, всё и создается, а те, кто поближе к кормушке. В их числе немало действующих или бывших министров, губернаторов, вице-премьеров, прочих «сливок общества» – из разряда непотопляемых или, вернее, не тонущих. Но они свое отхватили в виде холдингов, компаний, корпораций и, разумеется, счетов в таких банках, куда рука наша никогда не должна дотянуться.

Для них Бога действительно нет, вернее, идеи нет, нравственности нет, совести нет – всё дозволено, как писал Достоевский! Бедный Маркс: вот какая нынче *материя определяет* скудное и ярко разукрашенное *сознание*! Юное поколение и вовсе похищено из-под носа – без всякого оружия, а попросту, через посредство попсы, жвачек, гаджетов, стрелялок и всякой иной мишурной дребедени. Внуки и правнуки воистину великих воинов-победителей сидят и смотрят на экран, с которого рассказывают, какими тупыми, жестокими, недоделанными были их деды-прадеды. Смотрят и научаются активно презирать свое родное, почитать заморское. А мы исповедуем идеологию без идеологии...

Понятно, что распад страны и утрата духа Победы не явились громом среди ясного неба, ибо еще мамы и папы нынешних мажоров на позднеперестроечный призыв «Коммунисты вперед!» бросались грудью отнюдь не на амбразуру дзота, не на защиту завоеваний своих отцов и дедов, жизни своей не щадивших ради спасения родной страны. Эти не стали жертвовать собой, но с удивительной изобретательностью ринулись, очертя голову, чтобы грудью закрыть и подгрести под себя кусок от социалистического пирога – кто в виде кусочка земли или малогабаритной квартирki, а кто – дворцов, заводов и пароходов. Ну а кому очень повезло в наперсточной игре, те отхватили целые отрасли хозяйства, которые до сих пор

кто-то называет – исключительно ради потехи – *всенародным* или *национальным достоянием* (как будто кусочек этого «достояния», обретенный на ваучеры, качается на волнах белой яхтой с золотыми унитазами, плывет по морю бытия. И сидят в ней не олигархи, а простой рабочий люд). По правде говоря, оно закономерно – по той причине, что весь период истории страны, от хрущевской оттепели до поры, обозначаемой нынче словом «застой», был поистине застойным, но не в сфере материально-технического прогресса, а в области духовного совершенствования. Всяческие отрасли техники худо-бедно, порою очень даже успешно, развивались. Возводились новые города и электростанции, открывались целые новые отрасли производства, строились заводы, корабли и самолеты, добывались из недр и *служили обществу* уголь, нефть и газ. Бензин был дешевле минералки. Если в каких-то областях мы, нет спору, и отставали, то в других шли не только вровень, но нередко и впереди. А вот где мы действительно «застоялись», и не только застоялись, но явно деградировали по причине заостенелости в сфере человековедения, так это в области *духовности*, той самой области, право существования которой с такой яростью по сей день отвергают *идеологи* неолиберализма. Десятилетия отчуждения личности от государства, годы откровенной бездуховности атрофировали понятие о нравственности.

Перефразируя В. И. Ленина, которого нынче всякий норочит смело брыкнуть, как крыловский Осел лягал мертвого Льва, можно со всей уверенностью признать: *жить в обществе и быть свободным от идеологии невозможно*. Пусть такая позиция и покажется ортодоксальной, но даже само системное отрицание идеи есть не что иное, как своего рода идея, только иная, но все равно тяготеющая к той самой системности. Девиз «Подвергай всё сомнению!», избранный Марксом при заполнении шуточной анкеты, по серьезном к нему отношении глубоко презентативен, как модно нынче выражаться. Но чем дальше во времени история уходила от эпохи революционного рыцарства, тем дальше наша элита, заявлявшая о наследственном праве на идеи основоположников учения, отступала от объективности, пока они, затвердев, как вовремя необработанная гипсокартонная масса, не превратились из добротного материала в свою полную противоположность. Эпигоны, не смеющие отдалиться от буквы, со временем все более превращали «руководство к действию» в мертвую догму. В результате то, что изначально было истинно живым, творческим и животворящим, превратилось в этакую бронзу на постаменте – величественную по форме, безжизненно-холодную и подверженную быстрой коррозии по сути. Результат – отступ-

ничество, нравственный кризис, бездуховность, выливающиеся в банальное оправдание воровства, лжи, предательства, работы на чужую страну за сребреники. Финал – побег из «Рашки» с наворованным «всенародным достоянием»... – сколько же раз мы это видели, а привыкнуть трудно.

Беда в том, что любые идеи, даже самые прогрессивные, можно выхолостить и словоблудием превратить в противоположность, если мерить живой процесс шаблонным аршином. Со временем творческие принципы в результате обронзовения превратились в «мраморную слизь». Краеугольный принцип «материя определяет сознание» верен, но только при высоком интеллектуальном уровне отношений. На самом деле развитие определяется не примитивно толкуемыми материальными факторами, а гармонией между духовным и материальным, причем, как ни покажется парадоксальным, – почти всегда при доминирующей роли идеи. Ведь декабристы выступали на Сенатской площади не ради материальных интересов или громкой славы, а одержимые благородной идеей переустройства бытия. Значит, не материя их к этому толкала, а готовность к жертве ради высокой идеи. Также ведомые идеями всеобщего равенства и свободы, не боясь ни тюрем, ни Сибири, ни чахотки, выступали против самодержавия революционеры середины и конца XIX века. И опять именно идея побуждала идти под пули, когда нависла над страной смертельная опасность в Великую Отечественную. Факт, что ей предшествовали годы страшных и несправедливых репрессий, однако это не остудило пыл тех, кто по идейным соображениям защищал страну от фашистов. Не предали, не плюхнулись в ноги гитлеровцам с просьбой о спасении от узурпатора Сталина и проклятых большевиков, а стали стеной за того же Сталина, за ту же партию и отстаивали страну, страну тех самых большевиков. Значит, не такие уж они были и проклятые.

Не в наши дни открыто, что служение правде и справедливости редко согласуется с безмятежной, спокойной и обеспеченной жизнью. Истинное благородство не обязательно утопает в роскоши и редко когда приживается во дворцах. Потому что не утилитарная материя определяет высоко-духовное сознание. Для того чтобы она стояла впереди и выше, чтобы она определяла сознание, оно также должно находиться достаточно высоко, чтобы вознестись над тленным и обозревать всю значимость великой материи. Уж если материя и определяет сознание, то не как путеводная звезда, а скорее как основание, на котором возвышается возвращенная ею идея, как храм на надежном фундаменте. На этой идее и должны произрастать все точные, естественные, технические знания и умения. Вот, что было заложено в поступке великого физика.

Видимо, правда, что гений гениален во всем. Поэтому Ландау остро чувствовал неуловимую для многих связь между разными областями бытия. Не будучи гуманитарием по роду деятельности, он понимал, что субъект естественнонаучной дисциплины должен хранить в сознании общегуманитарный контекст, без чего не может существовать ни его любимая ядерная физика, ни математическая аналитика, ни какая-либо иная естественная или техническая отрасль. И, не в обиду армии великих ученых, чьими талантами и усилиями от веку развивается материальная цивилизация, это так и есть. Сакраментальная фраза Андрея Платонова «Без меня народ неполный» универсальна. Без стихов Лермонтова (читай – Пушкина, Фета, Некрасова, Блока, Гомера, Данте, Байрона, Гете и пр. и пр.), то есть без достаточной гуманитарной подготовки никакой физик, будь он трижды гений, не станет человеком, гражданином, полноценным членом человеческого сообщества. Скорее, он может стать профессором Мориарти, инженером Гариным, лермонтовским Демоном или Мартыновым, который застрелил гениального поэта. Но разве он способен стать созидателем,двигающим прогресс цивилизации!

Мы очевидцы, а подчас и невольные участники затяжного системного кризиса нашего общества. В этом кризисе гвоздем в сапоге впивается в ногу неустроенность, выраженная разлаженной экономикой, резким социальным расслоением, воздействием разных внешних факторов, и, что уж скрывать, шарлатанскими манипуляциями общественным мнением. Одним из факторов, стимулирующих весь негатив, является пущенная на самотек сфера духовности. Если в дальнейшем на нее будет обращать внимание так же формально, как до сих пор, будущее может оказаться безрадостным. Сила убеждения способна своротить горы, и этому в истории есть много примеров. Без веры, без убеждения единого и успешного общества никто не смог построить, и мы не сумеем. У почти забытого нынче поэта Василия Федорова есть такие строки:

*Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займет наш враг,
Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет, нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.*

Не пророчество ли это: поэт в середине 50-х годов прошлого века предвидел то, что происходит с нами сейчас. Наше поколение

не сумело выполнить завета воинов, которые своим ратным трудом, ценою своей крови и своих жизней отстояли те высоты духа, на которые покушались, но не смогли взять недруги. Не сумело, поэтому теперь нам предстоит держать ответ и перед ними, и перед историей.

Я не страдаю фобиями, не ищу ни внешних врагов, ни внутренних. Но одно знаю наверняка: наше будущее зависит не от суровости санкций, применяемых к нам, а от твердости и ясности сознания. Вот оно-то должно быть всегда духовно здоровым. А не то на наших бывших высотах поднимутся чужие храмы, и над ними будут висеть чужие знамена, и придется нам у врат тех обитателей стоять с протянутой рукой. Но никто не пожалеет нас и не положит в ладонь копеечку. Если что и вложит, это будет камень – символ равнодушия и окончательного нашего духовного уничтожения. И так будет до тех пор, пока мы не разгребем все эти авгиевы конюшни познания истории, веры, духовности, пока не появится устойчивая, никем не навязанная, благородная, соответствующая духу времени и устойчивая от коррозии духовность. А в ее основе должна быть культура в самом расширительном смысле этого слова, на основе фундаментальных гуманитарных знаний.

P. S. Возможно, я бы этой статьи не стал писать. Но я сын и внук носителей словесной художественной культуры. Я племянник двоих школьных учителей, всю сознательную жизнь посвятивших преподаванию гуманитарных дисциплин, Еще один дядя был профессиональным журналистом. Я ученик, унаследовавший от своих школьных и вузовских наставников, от старших по возрасту писателей и ученых благоговейное отношение к слову, культуре, истории. Они достойно прошли свой путь и одарили нас богатым жизненным опытом, а уходя, оставили нам в наследство свои тревоги и боли душевные. Вот эти боли – за преемственность тысячелетней культуры, за судьбу родного слова, за народ с его взлетами и падениями – не дают моему поколению по ночам спать с блаженной улыбкой на устах. Нельзя дожидаться лучших времен, когда станет легче и можно будет уделить внимание духовным проблемам. Ими надо жить. Или мы не будем жить совсем.

РОБЕР БРЕССОН И АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ

Принято считать, что Робер Брессон в своей жизни сделал две экранизации произведений Достоевского – «Кроткая» и «Четыре ночи мечтателя». В литературной и научной среде эти фильмы интереса не снискали. Их было принято упоминать в докладах среди прочих экранизаций малой прозы Достоевского. На мой взгляд, творчество Брессона незаслуженно оставлено на периферии внимания филологов, хотя даёт уникальные возможности для проникновения в художественный мир Достоевского. Из тринадцати полнометражных фильмов французского классика мирового кино восемь, так или иначе, имеют отношение к произведениям русского писателя.

Сначала слово самому Брессону: «До сих пор я нашёл только двух писателей, с которыми мог бы согласиться: Жоржа Бернаноса – не в полной мере, не во многом, и, конечно, Достоевского. Мне бы хотелось, чтобы источник моих фильмов был во мне самом, а не в литературе. Но даже если я делаю фильм по Достоевскому, я стараюсь обойтись без литературщины. Пытаюсь подобраться к чувству самого автора и отобразить то, что не противоречит мне самому. Я ставлю фильм не для того, чтобы показать произведение Достоевского. Когда мне попадается книга вроде «Дневника сельского священника», я отбираю в ней то, что сам могу чувствовать. То есть то, что я сам мог бы написать».¹

По сути, здесь Брессон говорит, что из всех писателей соглашается только с Достоевским. Он работает не с литературными произведениями как таковыми, а с отдельными идеями Достоевского – как он их чувствует и понимает. В одних фильмах он использует его сюжет, в иных – в качестве основы берет произведения других авторов: Жоржа Бернаноса – «Дневник сельского священника» (1936), «Новая история Мушкетеры» (1937) и Льва Толстого – «Фальшивый купон» (1904), – но накладывает на них трансформированные идеи Достоевского. Так, любимые фильмы Андрея Тарковского «Дневник сельского священника» (1951) и «Наудачу, Бальтазар» (1966) обнаруживают связь с романом «Идиот»; «Карманник» (1959) и «Деньги» (1983) – с «Пре-

¹ Шредер, Пол. Вероятно, Робер Брессон. Интервью 1976 года // Киноведческие записки. 2000. № 46.

ступлением и наказанием»; «Мушкетт» (1967) и «Кроткая» (1969) – с «Кроткой»; «Четыре ночи мечтателя» (1971) – с повестью «Белые ночи»; «Вероятно, дьявол» (1977) – с романом «Бесы». Причём, открыто заявленными фильмами по произведениям Достоевского являются только «Кроткая» и «Четыре ночи мечтателя».

В марте 1965 г., в период работы над лентой «Наудачу, Бальтазар», режиссёр сам снялся в документальном фильме-интервью «Неизвестный Брессон» с молодым литератором Франсуа Вейерганом, при этом вопросы себе он написал сам. Когда речь зашла о главном герое ещё не законченной работы, *осле* по имени Бальтазар, Брессон вдруг открыл роман Достоевского «Идиот» и прочёл фрагмент об осле, который своим криком разбудил Мышкина. Сам режиссёр не говорит, что эти два осла как-то связаны, но надо знать его манеру излагать свои мысли и на экране, и в речи. Несколько ранее в этом фильме-интервью Брессон сказал: «Мне удаётся самое трудное, – не показывать вещи, а только намекать на них». В интервью же Полу Шредеру он говорил: «Если фильм снабжает зрителя достаточным количеством примет, причины он выведет сам». В сущности, в своих заявлениях Брессон даёт понять, а в фильме почувствовать, что за судьбой осла Бальтазара стоит невероятная глыба романа Достоевского! Ни больше, ни меньше! И такое присутствие гениального русского писателя ощущается в большинстве его фильмов.

Но мы сейчас остановимся на двух, имеющих непосредственное отношение к роману «Преступление и наказание». Это «Карманник» и «Деньги».

Хотя «Карманник» и является своеобразной экранизацией «по мотивам» романа со схожей сюжетной линией, не каждому удаётся разглядеть в нем присутствие Достоевского. Это самостоятельное произведение, действие которого происходит в конце 50-х гг. XX века (на момент съёмок Брессону 58 лет). Его главный герой – не кровавый убийца, а карманный вор, которого роднит с Раскольниковым сходство философских убеждений о вседозволенности «избранных». Конечно же, Родион Романович, лишивший жизни старуху процентщицу Алену Ивановну и её сестру Лизавету, не чета Мишелю, пекущемуся лишь о содержимом кошельков своих клиентов, однако и тот, и другой убеждены в своём превосходстве над окружающими, а следовательно – «право имеют». Помимо этого убеждения их роднит и то, что оба нарушают закон из-за денег. Только Раскольников, потрясённый содеянным и пребывающий в постоянном страхе разоблачения, спешит избавиться от них как от главной улики, даже не помышляя воспользоваться награбленным, а Мишель, наоборот, пользуется «результатами своего труда», поддерживает больную мать, за которой ухаживает соседка Жанна, героиня филь-

ма, не занимающаяся, однако, в отличие от своего прообраза Сони Мармеладовой, проституцией. Фильм лишён романного накала, в нем нет ни одного убийства или самоубийства. Даже естественная смерть матери Мишеля вынесена за кадр. Но режиссёр будто ведёт нас за руку по зыбкому песку сюжетных совпадений и расхождений с великим романом, показывая извечность человеческих трагедий. «Дело не в том, чтобы показывать вещи, а в том, чтобы ощущать их. Заставлять людей чувствовать то же, что и я сам. Самое важное и самое реальное – мой способ чувствования и его передача другим»¹.

То, что действие фильма происходит в современной Брессону действительности, позволяет ему трансформировать убийцу в карманника, смягчив, таким образом, само преступление. Раскольников не мог совершать карманные кражи не только в силу своего характера. Эта профессия требовала высокой воровской квалификации, которая, при наличии определённого таланта, достигалась путём длительных тренировок. С незапамятных времён карманники, в отличие от убийц, были элитой воровского мира, а в России того периода – крайне малочисленны из-за ограниченного поля деятельности, требующего плотного скопления народа, желательного обеспеченного. Большинство краж совершалось в церквях, а сами карманники, чаще всего, были членами воровских шаек. Все это для Раскольникова, «не привыкшего к толпе и бежавшего всякого общества» (6; 11), было неприемлемо. Для преступного обогащения ему оставалось только ограбление с убийством, требующее не специальной подготовки, а лишь решимости убивать. Но всё это было бы банально без идейной подоплёки. Эпизод с подслушанным в трактире разговором студента и офицера даёт основание полагать, что, идя на убийство старухи процентщицы, Раскольников оправдывает себя намерением «восстановить справедливость».

Брессон оберегает своего героя от подобных идейно-нравственных коллизий. Переживания Мишеля гораздо скромнее. Он вообще другой. Вступает в преступное сообщество, почувствовав опасность, бежит в Англию, где, подобно Алексею Ивановичу из «Игрока», спускает все деньги на женщин и азартные игры. Однако, несмотря на это, нас не покидает ощущение сложного взаимодействия Мишеля с героем Достоевского. Как будто режиссёру удалось затеять разговор не со зрителем, а с автором романа. Зритель присутствует при этом в качестве стороннего наблюдателя, чьё рефлектирующее сознание дистанцировано от диалога художников.

Эта отстранённость от зрителя особенно восхищала Андрея Тарковского. Вот, что он говорит в документальном фильме «Путь к

---

¹ Шредер, Пол. Вероятно, Робер Брессон. Интервью 1976 года // Киноведческие записки. 2000. № 46.

Брессону» (1983): «Такая независимость своего творчества от мнения зрителя и критика стала для меня символом поведения режиссёра перед лицом публики».

Но в чем же суть этого разговора режиссёра с Достоевским? В вышеупомянутом фильме-интервью Брессон говорит о кинематографе, что «это новый язык, который может привести к открытиям». Как представляется, Брессон, делая «открытие», ставит перед собой цель – используя доступные ему средства, улучшить не роман (что в принципе невозможно), а его главного героя и убедить в такой возможности самого Достоевского. Режиссёр «улучшает» образ Раскольников, используя современные условия, которые позволяют Мишелю не стать убийцей. Вот авторское пояснение в начале фильма: «Это вовсе не детектив. Автор хотел изобразить историю честного юноши, по слабости своей ставшего вором». Невольно вспоминается строчка Бродского (из «Писем римскому другу»): «Но воруга мне милей, чем кровопийца».

Значение брессоновской попытки «улучшения» трудно переоценить. Она поднимает планку для режиссёров, экранизирующих Достоевского, на совершенно особый уровень. Как кажется, единственный, кому в полной мере удалось последовать за идеей Брессона, был другой гений мирового кино – Андрей Тарковский. Связь этих художников несомненна. Ещё в 1976 г. своими любимыми фильмами Тарковский называл «Дневник сельского священника» и «Мушкет», а любимым режиссёром – Робера Брессона: «Брессон своим творчеством сумел возвысить кинематограф до высот соседствующих, более старших видов и жанров искусств» («Путь к Брессону»). А вот что Тарковский говорит о своих собственных задачах: «Моя цель – вывести кино в ряд всех других искусств. Сделать его равноправным перед лицом музыки, поэзии, прозы и т. д.»¹.

Любопытны почти идентичные высказывания обоих о снимавшихся у них актёрах. Из фильма-интервью «Неизвестный Брессон»: «Почему вы называете своих актёров моделями? – *Брессон*: Потому что я не хочу называть их ни актёрами, ни исполнителями, так как они таковыми не являются. Они существа, с которыми я обращаюсь как с бесценными сокровищами». Тарковский же на вопрос: «Вы что, актёров за людей не считаете?» – ответил: «Нет, они для меня ВСЁ» (из воспоминаний Э. Радзинского). В документальном фильме «Путь к Брессону» режиссёр Луи Маль говорит: «Казалось, на съёмочной площадке никто не понимал, что он делает». Как мы помним, многие работавшие с Тарковским в один голос утверждали,

---

¹ Тарковский А. А. Мартиролог: Дневники 1970–1986. [Флоренция]: Международный институт имени Андрея Тарковского, 2008. С. 107.

что никто не знал, что же они играют, и каковы истинные замыслы режиссёра.

«Следует найти и выработать принцип, по которому можно было бы действовать на зрителя индивидуально, то есть чтобы тотальное изображение стало приватным. (В сравнении с литературным образом, живописным, поэтическим, музыкальным.) Пружина, как мне кажется, вот какая – это показать как можно меньше, и по этому меньшему зритель должен составить мнение об остальном целом. На этом, на мой взгляд, должен строиться кинообраз»¹.

Тарковский вобрал в себя не только метод Брессона, но и его сверхзадачи. Думается, в полной мере их воплощение удалось ему в фильме «Сталкер» (1979), представляющем собою «прикровенную экранизацию» романа «Идиот», где режиссёр, избегая сюжетных переключек, выстраивает тонкую психологическую параллель своего героя с князем Мышкиным.

Известно, что Тарковский всю свою творческую жизнь хотел снять «Идиота», но как-то не сложилось. Одна из последних записей в книге «Мартиролог: Дневники 1970–1986», косвенно касающаяся этих намерений, датируется 1983 г. В ней Тарковский цитирует письмо руководства Госкино президенту Экспериментального центра кинематографии Дж. Граццини: «Ознакомившись с адресованной Госкино СССР копией Вашего письма режиссёру А. Тарковскому от 6 июня с. г., хотел бы сообщить Вам, что киностудия „Мосфильм“ настаивает на выполнении обязательств, которые А. Тарковский взял на себя ранее, заключив с ней договор на написание сценария фильма „Идиот“. В связи с этим представляется, что Тарковскому следовало бы урегулировать в Москве свои деловые отношения с этой студией. <...> Пётр Костиков, заместитель председателя Госкино СССР, Москва, 4.VIII. 83 г.»².

Читая дневники Тарковского, опубликованные в «Мартирологе», я отметил, что отношения режиссёра с романом «Идиот» и идеей его экранизации складывались очень неоднозначно с самого начала:

1 февраля 1973 г.

«Возникла идея. Поставить «Идиота» для телевидения, 7 серий! Цвет. Но для этого необходимо говорить с Лапиным, без посредников и без лишних чиновников. Идея недурна!

«Идиот» – несколько серий для телевидения.

Фильм о Достоевском.

«Отец Сергей» – тоже для TV.

---

¹ Тарковский А. А. Мартиролог: Дневники 1970–1986. [Флоренция]: Международный институт имени Андрея Тарковского, 2008. С. 81.

² Там же. С. 508.

Поставить «Идиота» было бы совсем неплохо. Получилось бы 7 серий. Сейчас надо придумать заработок»¹.

15 февраля 1973 г.

«Перечитал «Идиота». И почему-то идея постановки его для меня как-то поблекла и увяла. Мне почему-то было скучно его читать»².

25 декабря 1974 г.

«Верно ли, что я стремлюсь к «Идиоту»? Не превратится ли экранизация в иллюстрацию моих принципов, которые будут неорганичными на фоне структуры самого романа?»³.

19 марта 1975 г.

«Два дня тому назад был у Ермаша. «Сталкер» одобрен (три мелких замечания). Заявка на «Идиота» тоже принята»⁴.

10 мая 1976 г.

«Когда меня «разрешат».

Мне скучно будет снимать «Сталкера», хотя я знаю как.

Мне скучно будет снимать «Идиота».

Я хочу истины собственной»⁵.

7 сентября 1976 г.

«Лариса приехала в среду.

Договор на «Идиота» заключён, аванс выплачен»⁶.

28 мая 1975 г. Таллин

«Снимать трудно, непонятно как. Бойм пьёт. Если я не расстанусь с ним до конца работы, то уж никогда с ним не встречусь. Гоша (Рерберг – Г. К.) тоже. Несерьёзные, мелкие, лишённые самолюбия люди. Инфантильные выродки. Дебилы»⁷.

16 апреля 1979 г.

«Может быть, есть смысл заняться эстонским сценарием – все-таки деньги. Ермаш настаивает на «Идиоте». Надо во что бы то ни стало делать в Италии «Путешествие». <...> А «Сталкер», кажется, получился самым лучшим из всех моих фильмов. Коля Ш<ишлин> и Станислав К<ондрашов>, по-моему, не поняли. Наверное, не могут поверить в мою наглость и находятся в недоумении.

---

¹ *Тарковский А. А.* Мартиролог: Дневники 1970–1986. [Флоренция]: Международный институт имени Андрея Тарковского, 2008. С. 84, 85.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же. С. 175. Рерберг вспоминал, что Тарковский не знал, как и что снимать. На женскую роль претендовала его жена Лариса Кизилова (Тарковская), против которой была вся съёмочная группа.

Ответить на телеграмму из Ташкента. Попросить Аркадия переделать финал»¹.

12 января 1981 г.

«А что делать с договором на «Идиота»? Надо найти договор и посмотреть, сколько я получил в качестве аванса»².

То есть, судя по всему, несмотря на заключённый договор, Тарковский отказался от прямой экранизации «Идиота». Вероятно, он понял, что уже на уровне сценария фильм будет намного слабее романа, а Тарковский привык, чтобы его работы в художественном отношении превосходили экранизируемые произведения («Иван» Богомолова, «Солярис» Лема, «Пикник на обочине» Стругацких). «Идиот» Достоевского оказался неподъёмным для экранизаций и театральных постановок. На мой взгляд, не было ни одной совершенной экранизации этого романа. В частности, 10-серийный фильм В. Бортко с прекрасными актёрами получился только сюжетным и не затронул скрытых глубин романа, не говоря о криптотекстах.

Отдельного разговора заслуживает фильм «Дневник сельского священника» – своеобразная «прикровенная экранизация» некоторых идей, порождённых романом Достоевского. В этом фильме Брессон совершенно не затрагивает сюжетную линию «Идиота». По такому же принципу была создана и лента «Наудачу, Бальтазар». Эти идеи и метод Тарковский взял на вооружение и по-своему великолепно реализовал.

В трёх последних фильмах Тарковского («Сталкер», «Ностальгия» и «Жертвоприношение») не просто присутствуют глубинные реминисценции из романа «Идиот», но режиссёр пытался, посредством главных героев, развить и улучшить образ князя Льва Николаевича (в рамках задачи, определённой в письмах к Майкову и Соне Ивановой). Главные герои этих фильмов (как и князь – «рыцарь бедный» Мышкин, «защитник» красоты в романе «Идиот») тем или иным способом пытаются спасти мир, словно тоже руководствуясь фразой: «Мир спасёт красота». В «Жертвоприношении» Александр, в молодости игравший на сцене князя Мышкина, с этой целью сжигает свой дом. В «Ностальгии» образ Мышкина просматривается в двух главных героях. Принимаемый за безумного, Доменико во имя спасения других сжигает себя, в то же время русский писатель Андрей Горчаков, пронеся горящую свечу через бассейн, умирает от сердечного приступа. В этом случае Тарковский инверсивно применяет приём Достоевского с раздвоением

---

¹ Тарковский А. А. Мартиролог: Дневники 1970–1986. [Флоренция]: Международный институт имени Андрея Тарковского, 2008. С. 204.

² Там же. С. 310.

образа,¹ но идёт ещё дальше и в итоге делает его единым. Горчаков и Доменико, по сути, одно целое и в конце фильма воссоединяются в смерти и в зеркальном отражении (Янковский в зеркале вместо себя видит Эрланда Юзефсона). Это единение подчёркивает поразительная формула «1+1=1» (на старых газетах в доме, где происходит встреча Горчакова и Доменико), в которой, по моему мнению, *единица* как целое (результат сложения двоих, казалось бы, совершенно разных людей) равна *двум* (взятым поодиночке).

Но всё же наиболее удачным и органичным воплощением героя Достоевского, на мой взгляд, получился образ Сталкера, из второй, *окончательной* версии фильма. Он (в исполнении Кайдановского), как ни один другой в мировой культуре, и внешним обликом, и беспомощностью, и неспособностью не помочь, и тонкостью мировосприятия воплощал всё лучшее, чем мы привыкли наделять Льва Николаевича Мышкина (а может быть, и превышал князя в этих качествах). К тому же, пять лет тюрьмы, да и сама профессия, лишаящая права на ошибку, приближают его к опыту самого Достоевского. Заметим, что изначально за скрытую основу образа Сталкера Тарковский хотел взять отнюдь не Мышкина, а Моллоя Сэмюэля Беккета, при этом роль сыграть самому:

25 декабря 1974 г.

«Совершенно гармонической формой для меня сейчас мог бы быть фильм по Стругацким: *непрерываемое*, подробное действие, но уравненное с религиозным действием, чисто идеалистическое, то есть полутрансцендентальное, абсурдное, абсолютное. («Моллой» С. Беккета.) Схема жизни человека, стремящегося (действенно) понять смысл жизни. И самому сыграть. Не рухну ли я под тяжестью двух аспектов? Ах, интересно! <...>

(Взять «Моллоя» для Стругацких)»².

Таким образом, намечалась идея соединить в одном фильме два совершенно разных литературных произведения. В дальнейшем Беккет был заменён Достоевским. То есть Моллой был заменён на Мышкина, а «идея» снять «Идиота» *иначе* родилась во время работы.

Любопытно, кого Тарковский планировал на главные роли в так и не состоявшейся прямой экранизации «Идиота». Настасью Филипповну должна была играть Маргарита Терехова. Анатолий Солоницын выступил бы в роли рассказчика-Достоевского. Это проверенные, любимые актёры режиссёра. Но на роль князя Мыш-

¹ См.: Крапивин Г. Н. Но так ли уж он «смешон»? // Достоевский и современность: Материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015. Великий Новгород, 2016. С. 112.

² Тарковский А. А. Мартиролог: Дневники 1970–1986. С. 128–129.

кина Тарковский планировал Александра Кайдановского, который у него ни разу не снимался! И вот в «Сталкере» он приглашает Кайдановского (с амплуа белогвардейского офицера и человека, готового ответить ударом на любое оскорбление) на роль грубого негодяя, напоминающего Идиота из подготовительных материалов к ранним редакциям романа, который в окончательном варианте трансформируется в тончайшего, ранимого человека, так похожего на героя Достоевского из канонического текста романа!

Вот что пишет Татьяна Хорошилова об исполнителе роли Сталкера:

«Кайдановский настороженно относился к тому, что Тарковский из него вытаскивал то, чего сам Саша в себе не любил и не хотел никому показывать. В «Сталкере» было заложено зёрнышко, которое он ото всех прятал, – какая-то неземная, вселенская, сверхчеловеческая внутренняя доброта. На грани юродства. Князь Мышкин, а Саша считал себя личностью сильной, динамичной, киплинговской»¹.

История создания фильма «Сталкер» очень похожа на историю написания романа «Идиот». Как мы помним, Достоевский уничтожил весь первоначально написанный текст, поняв, что роман может стать «посредственным». Скорее всего, за время, проведённое в работе над ним, у Достоевского сформировалась «идея», как (используя не изначально присутствовавшую в замысле шекспировскую модель, а тему «Дон-Кихота») сделать роман гениальным. Нечто похожее произошло и с Тарковским. Фильм переснимался три раза. Первые натурные съёмки фильма под названием «Машина желаний» в Исфаре (Таджикистан) были прекращены из-за начавшегося землетрясения. Натура для продолжения работы была найдена в Эстонии, недалеко от Пярну, на реке Яхве (сцены вне «зоны» снимались непосредственно в Таллине). Фильм был практически завершён, но плёнка с почти полностью отснятым материалом испортилась при проявке. Как ни горевал Тарковский по поводу утраченного первого варианта фильма, сколько бы трагедий ни пришлось пережить и ему, и Георгию Рербергу, Александру Бойму, Шавкату Абдусаламову, да и многим другим участникам тех съёмок, но позднее в глубине души, думаю, режиссёр втайне радовался своей выстраданной находке.

Вот что пишет сценарист Аркадий Стругацкий:

«Значит, так, – произнёс он [Тарковский] уже деловито. – Поезжай в Ленинград к своему Борису, и чтобы через десять дней у меня был новый сценарий. На две серии. Антураж не расписывайте. Только диалоги и краткие репризы. И самое главное: Сталкер должен быть совершенно другим. – Каким же? – опешил я. – Откуда мне знать. Но чтобы этого вашего бандита в сценарии и духу не было!

---

¹ Российская газета. 2004. 17 декабря.

Я вздохнул, помнится. А что было делать? <...>

Мы написали не фантастический сценарий, а сценарий-притчу <...>. В Зону за исполнением заветных своих желаний идут модный Писатель и значительный Учёный, а ведёт их Апостол нового верования, своего рода идеолог.

Я вернулся в Таллин ровно через десять дней. <...>

Лицо его [Тарковского] ничего не выражало, только усы топорщились, как всегда, когда он был погружен в свои мысли. <...> Затем сказал, глядя поверх наших голов: «Первый раз в жизни у меня есть *мой* сценарий»¹.

Из воспоминаний Бориса Стругацкого:

«А<ркадий> Н<атанович> был с ним на съёмках в Эстонии. И вот он вдруг, без всякого предупреждения, примчался в Ленинград и объявил: «Тарковский требует другого Сталкера». – «Какого?» – «Не знаю. И он не знает. Другого. Не такого, как этот». – «Но какого именно, трам-тарарам?!» – «Не знаю, трам-трам-трам-и-тарарам!!! ДРУ-ГО-ГО!»... Это был час отчаяния. День отчаяния. Два дня отчаяния. На третий день мы придумали Сталкера-юродивого. Тарковский остался доволен, фильм был переснят»².

«Юродивый», «Апостол», «мессия» – налицо все предполагаемые положительные качества Мышкина, так сочетаемые с записями Достоевского: «Князь Христос», «Князь. Юродивый?!». Вот материал, с которым можно было работать. Для Тарковского это была настоящая удача, ведь созданием второго варианта «Сталкера» ему удалось не только «воссоединить» свой фильм с великим романом Достоевского, но и, следуя опыту Брессона, «улучшить» образ его главного героя, воспринимаемого большинством в качестве «положительно прекрасного человека», то есть лучше которого и быть никого не может. Такая задача была посложнее, чем сделать из убийцы карманника.

Существует видеозапись, где Тарковский, рассуждая о литературе, достаточно определённо высказывает своё мнение о Мышкине: «Герой – это не какой-то сверхчеловек... героем художественного произведения оказывается Башмачкин из «Шинели» Гоголя, князь Мышкин Достоевского, Раскольников, Герман Пушкина. Непонятно, так сказать, если вдруг поставить... Герой? Ну, какой же герой, собственно, Мышкин, или Раскольников, убивший старуху-про-

¹ Стругацкий А. Каким я его знал // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. В 11 т. СПб., 2001. Т. 11: Неопубликованное. Публицистика. С. 421–423). «Борису пришла в голову идея: дать в фильме нечто вроде нового мессии» (Там же. С. 369).

² Комментарии к пройденному: 1969–1973. «Пикник на обочине» texty/hr-stalker/Boris.html

центщицу? Или Башмачкин, мелкий чиновник, у которого украли шинель? Или князь Лев Николаевич Мышкин, не вполне нормальный человек?»¹. Видимо, как «положительно прекрасный человек» Мышкин Тарковского не совсем устраивал.

Тарковский в «Сталкере» глубоко и тонко использует аллюзии на пушкинскую «Сцену из Фауста» (как Достоевский в «Идиоте» – на пушкинского же «Рыцаря бедного»), организовав свою «комнату» как пространство, обладающее возможностью исполнять желания (у Пушкина это прерогатива беса). На примере Брессона Тарковский не только понял, как можно, используя сюжет Стругацких, воплотить заветную идею Достоевского, но по уровню постановки задачи превзошёл своего учителя. На мой взгляд, только Брессону и Тарковскому удалось в своих фильмах обращаться непосредственно к Достоевскому так, как будто он был их консультантом или даже сорежиссёром. Другие не прямые экранизаторы, переносившие произведения Достоевского в современное им время, даже такие, как Акира Куросава («Идиот», 1951), Лукино Висконти («Белые ночи», 1957), Бернардо Бертолуччи («Партнер», 1968), лишь отталкивались от сюжетов и идей писателя, а диалог вели с эстетами-зрителями, искушёнными критиками, единомышленниками по кинематографу (путём использования киноцитат), но только не с Достоевским.

Вспоминает ассистент Тарковского Мария Чугунова: «Я после всей этой истории со «Сталкером» убедилась в том, что Андрею Арсеньевичу было нужно очень много времени, чтобы замысел формировался внутри. Чтобы его не запускали, давали какие-то паузы, а там, когда он вдруг получил сценарий, не смог бы сразу его под себя подмять. <...> В конце концов, Андрей Арсеньевич переделал сценарий под требования Рерберга (уже изгнанного с картины. – Г. К.), но никогда в этом не признавался».²

По свидетельству Чугуновой, во время съёмок Тарковский пересматривал фильмы Брессона «Наудачу, Бальтазар», «Мушкет», «Дневник сельского священника». И последнее – судя по записям в «Мартирологе», Брессон и Тарковский встречались минимум четыре раза. Но Тарковский не пишет, о чём они говорили. Возникла ли в разговорах интересовавшая обоих тема Достоевского, для нас так и осталось тайной.

---

¹ Фильм «Московская элегия» режиссера А. Н. Сокурова (Ленинградская студия документальных фильмов, 1988).

² Георгий Рерберг – Марианна Чугунова – Евгений Цымбал. Фокус на бесконечность. Разговор о «Сталкере» // Искусство кино. 2006. № 4. archive/2006/04/n4-article20.

Айза КУЧМЕЗОВА,

О себе

Студентка КБГУ по направлениям «Менеджмент» и «Государственное и муниципальное управление». Люблю писать, но стараюсь не ограничивать себя одной сферой, поэтому часто читаю литературу по психологии, педагогике, философии, истории. Люблю играть в шахматы, неоднократно участвовала в различных турнирах, а также получила первый разряд по этому виду спорта. В школьные годы были опубликованы первые рассказы на балкарском языке в детском журнале «Нюр» («Свет»). В августе 2020 г. в газете «Горянка» был напечатан мой рассказ – «Последние розы».

ГИТАРА

Многие люди не верят в любовь с первого взгляда. Чтобы полюбить по-настоящему, нужно узнать предмет своего воздыхания не только внешне, но и, как любят говорить во многих произведениях, «изнутри». Узнать, есть ли у вас что-то общее, проверить, готовы ли вы пойти на уступки ради своей любви или смириться с некоторыми недостатками своего партнёра. Но как же истории, в которых одна улыбка или взгляд могли навсегда изменить жизнь какого-нибудь незнакомца? Моменты, когда человек понимает, что смирился бы с любым недостатком или особенностью, лишь бы видеть рядом с собой его или её.

Так существует ли любовь с первого взгляда на самом деле? Кто знает?.. Не знаю, была ли это любовь с первого взгляда или простой интерес, когда я увидел её в гостиной нашего небольшого дома. Я замер. Хоть мне тогда и было всего семь лет, я понял, что передо мной само совершенство. Ведь никогда прежде я не видел столь ослепительного цвета, столь изумительной формы, столь сияющего предмета, как то, что увидел в тот день. Возможно, именно наша встреча повлияла на ту холодную зиму. Солнышко, которого не видели с самого начала декабря, вдруг осветило дом изнутри. Все казалось таким волшебным.

Мама объяснила, что эта удивительная вещь раньше принадлежала дедушке. Он очень дорожил ею, поэтому дети даже не подозревали о её существовании. Я не обиделся на дедушку. Понимал его. Когда мне сказали, что она теперь моя, даже не знал, что должен был чувствовать. Радость владельца? Страх сломать хрупкую вещь? Восхищение? Благодарность?..

В любом случае, с того дня у нас началась совместная жизнь, или, как правильнее сказать, совместное проживание. Первые годы я очень боялся брать её с собой. Будь то обычные школьные праздники или поездки с семьёй к родным. Мне казалось, стоит кому-то неосторожно прикоснуться к ней – струны просто порвутся, а на этих идеальных стенках появятся неисправимые вмятины. А что если неугомонные детки заставят меня отдать это им и просто изуродуют все, что только можно? Да, я тоже был ребёнком, но я никогда не бегал по полю, размахивая всем подряд. Поэтому наше общение с ней долгое время было лишь в пределах моей комнаты.

Преподавательница приходила к нам для «лучшего знакомства». Только она могла понять моё отношение к инструменту. Понять и принять. И именно она заставила меня выйти с инструментом за пределы комнаты, а потом и дома. Моя любовь росла по мере роста моих навыков и расстояния, которое мы вместе проходили, проезжали или даже пролетали.

Теперь она была моей верной спутницей. Именно с ней я встречал рассвет в своём первом летнем лагере в двенадцать, именно с ней я впервые попал в другую страну, и именно с ней я впервые ушёл из дома после ссоры с родителями в четырнадцать. Так много моих воспоминаний хранилось именно в ней. Каждая новая мелодия звучала по-своему в зависимости от моего настроения. Я никогда не мог повторить что-то с точностью, как в прошлый раз. Все время думал, так ли себя чувствовал мой дедушка, когда по вечерам садился у окна и пытался сыграть одну из песен своей молодости? Делился ли он с ней своими переживаниями так же, как и я? И самое главное, почему он решил отдать её именно мне? Знал ли он, что я так люблю её или просто положился на удачу? Сколько бы я ни думал, не мог найти точный ответ на этот вопрос.

Время шло. Мне исполнилось семнадцать. Первая влюблённость. Несмотря на внезапно вспыхнувшие чувства, я все ещё очень дорожил своей гитарой. Человек, заставивший меня впервые ощутить тех несчастных бабочек, тоже любил музыку, а особенно восхищался моей вечной спутницей. Это было удивительно. Трудно было поверить в своё безмерное счастье. Хотя мы и были просто друзьями, я чувствовал, что стоит мне сделать один последний шаг... Последним шагом и должна была стать наша любимая «Shape Of My Heart», исполненная на моем любимом инструменте в последний день учёбы. Это было довольно обыденно. В духе тех мелодрам, которые мы все смотрели летом по ночам, собираясь с классом в доме одного из наших друзей. Я всегда считал это банальным. Но именно эта банальность и была присуща нам, семнадцатилетним, ещё не до конца понимающим свои чувства, но

готовым бежать впереди целой планеты, чтобы рассказать о том, что творится в душе.

Именно с момента, когда эта «банальность» застряла в моей голове, начались серьёзные проблемы... Я пытался сыграть так, чтобы выразить всё, что дымилось в сердце, но с каждым разом выходило хуже и хуже. Нервничал, злился, пытался заново, ещё злился, злился и пытался, злился... Инструмент, который всегда понимал меня, стал чужим. Будто кто-то подменил его.

Те полтора месяца оказались самыми мучительными для меня и моей спутницы. Никогда раньше мы не доставляли друг другу столько неприятностей. Никогда раньше я не испытывал к Стингу такой ненависти и не жалел о нашей с ней встрече так, как в эти сорок пять дней.

Последней каплей стал тот футбольный матч, в среду, около нашей школы. Я был намерен отыграть за все эти дни мучений. Мне было все равно, куда и как сильно бить. Было странно, что за первые полчаса матча я не получил ни одной жёлтой карточки. Будь это профессиональный футбол, а не любительский матч между двумя враждующими школами... Хотя, возможно моя агрессивная игра осталась незамеченной из-за того, как играла команда противников. Прошлые два года они уходили к себе домой с позорными поражениями, а их тренер каждый раз пытался доказать, что мать зря не отдала его в оперу в детстве. Кто знает, возможно, свой голос он тренировал бы куда лучше, чем этих детей.

Во всяком случае, в этом году они были настроены на победу любой ценой. Кто знал, что такой «ценой» станет моя правая рука? Да, такого позорного падения с последующей травмой наша школа не видела ещё с тех времён, когда моя старшая сестра умудрилась упасть с совсем маленькой лестницы и сломать ногу. Не стоило мне тогда смеяться над ней.

Я смеялся и шутил, пока мои родители с ужасом разглядывали мою опухшую руку, и чувствовал, будто именно этого мне так сильно не хватало. Что же ещё могло так взбодрить, как сломанная рука? Врач, осматривавший меня, ради чистого любопытства поинтересовался, где же меня так угораздило? Не знаю почему, но ответ: «Хороший футбольный матч, сэр», мне показался наиболее уместным.

Счастье длилось недолго. Если быть точнее, тринадцать километров от травмпункта до нашего дома. Зайдя в свою комнату, я увидел на кровати свою спутницу, которая последние сорок пять дней мучила меня больше, чем кто-либо. Здесь же я столкнулся и со своим настенным плакатом, который заставил меня вспомнить о любимом и ненавистном Стинге, о своей влюблённости и о «Shape Of My Heart», которая должна была прозвучать через пятнадцать дней. Гипс на руке должен был оставаться ещё примерно двадцать дней. Все было разрушено.

Были разрушены все мои жизненные планы. Больше всего я злился не из-за того, что у меня что-то не получалось, а из-за того, что это противоречило идеально выстроенной в моей голове последовательности действий. Так и сейчас. Ведь я создал идеальный план, чтобы сделать этот маленький последний шаг. Продумал даже разные варианты реакции той, ради которой так старался. Все эти варианты никак не должны были противоречить моим последующим действиям. Всё должно было быть идеально. Возможность неудачи даже не рассматривалась. И эта часть моего характера выводила меня из себя больше всего. Не мог я заставить себя придумать другой план. Почему бы просто не признаться, пригласив на танец? Почему бы просто не написать сообщение? Почему бы просто не включить этого проклятого Стинга и просто не сделать это? Нет, я не мог. Это не мой идеальный план, в котором самый важный предмет моей жизни помог бы мне добавить в наши поездки в горы ещё одного человека. Конечно же, это не мой идеальный план.

В оцепенении бездействия я с ужасом наблюдал, как приближается тот самый последний день. Обычно, герои романов с удивлением отмечают, что в такие моменты время просто летит. В моем же случае время плыло – вязко и неторопливо, даже не думая «пролетать». Я был похож на мою сестру, которая в панике замечала, что до экзаменов осталось совсем ничего, но при этом жаловалась на то, что именно это время тянется так долго, заставляя все больше и больше думать о тех минутах, которые ей придётся потратить, готовясь ответить на заранее подготовленный преподавателем билет.

Тот выпускной вечер вряд ли можно было бы сравнить даже с самыми ужасными экзаменами. И именно он заставил меня попрощаться с целым периодом моей жизни, с теми десятью годами. Как я мог настолько полагаться на дар, оставивший меня из-за одного незначительного перелома? Во время нашей первой встречи мне было достаточно просто смотреть на это чудо. Но теперь я требовал большего – владлец, человек, имеющий право на то, чего он хотел... Имеющий право, но понимающий, что делает всё, чтобы потерять друга, любовь и большую часть своей жизни.

Спустя годы она нашла меня... Забытого всеми и потерянного на холодных улицах небольшого города. Несмотря на то, что именно я стал причиной того, что мы перечеркнули те годы, она лишь немного поскрипела своими старыми струнами и с улыбкой приняла меня. «Shape Of My Heart» в тот вечер звучала даже красивее, чем на пластинках моей бабушки. Возможно, в семнадцать я забыл многое, что знал в свои семь лет. Она же не забывала никогда. Сейчас, будучи забытой всеми старушкой, которой нужен хороший уход, она готова рассказать обо всем через эти потрёпанные жизнью струны.

КОРОБКА КОНФЕТ

Обычный осенний день в семье. Обычный выходной. Мама всегда по четвергам оставалась дома. Несмотря на то, что все домочадцы учились или работали, этот день был её личным выходным днём. Днём, когда можно было спокойно почитать любимые произведения, приготовить что-то своей семье, заняться тем, о чём думалось всю прошлую неделю.

Сегодня она решила убраться в шкафу подарков. Шкаф этот всегда был полон подарочных наборов из полотенец, постельного белья, детских носочков, тапочек, кофе и шоколадных конфет. Именно дети в этой семье угрожали целостности этих коробок, на которых были изображены всевозможные цветы, девушки, города и страны. Деткам всегда было интересно, каковы же эти конфеты внутри? Такой ли там вкусный шоколад? И так ли аппетитно выглядит нуга? Действительно ли внутри цельный фундук? Так ли хрустят конфетки с начинкой в виде печенюшек?

Тайна, скрывавшаяся под этой ленточкой, так и оставалась нераскрытой. Конфеты, подаренные друзьями или родственниками семьи, всегда уходили в этот старый коричневый шкаф. Дети всегда просили маму достать оттуда коробочку. Они видели, как родители вытаскивали из этого шкафа всевозможные подарки. Мама с папой казались им волшебниками, способными вытащить «из шляпы» все. Раньше они удивлялись, тому, что «волшебство» срабатывало лишь пару раз в месяц, когда к ним в гости приходили дяди, тётки, бабушки и дедушки. Все это было раньше.

Сейчас дети понимали, что этот шкаф пополнялся и опустошался не по волшебству. Родители смогли объяснить им, что эти запасы необходимы, чтобы не тратить на подарки деньги, которые можно потратить на любимые детьми конфеты. Родители научили их не смотреть на красивую упаковку. Кто знает, что за этой плёночкой? Может, ненавистная курага, противный чернослив, а, может, и любимый арахис или молочный шоколад с фундуком. Но зачем рисковать, открывая красивую коробку, когда можно купить свежие, любимые конфетки детей? Зачем пускать деньги на ветер, когда можно потратить их на лимонад или квас? Правда, лимонад или квас лучше не покупать... От них живот пучит. Во всяком случае, покупка давно известного была лучше покупки «кота в мешке».

Так и сейчас, смотря на эти яркие коробочки с конфетами, мама понимала, какие семьи получат ту или иную в следующий раз. Она понимала, сколько денег можно будет сэкономить при таком раскладе.

Разбирая все коробочки, женщина заметила на дне полки одну, ранее незамеченную упаковку. Эта коробочка конфет ничем не уступала остальным: красивая, с изображением главных достопримечательностей Санкт-Петербурга. Кажется, это был обычный шоколад в подарочной

обёртке. Мама не спешила убирать его к остальным. Она смотрела, пытаясь вспомнить, что же в этом шоколаде такого особенного. Может, он напомнил ей о давней поездке в Санкт-Петербург? Или, возможно, она забыла подарить его? Нет, нет, нет. Здесь было что-то другое.

Наконец она вспомнила, как такую же коробку дарила примерно год назад семье своей подруги. Да, это был праздник в честь выздоровления её сына. Вспомнила она и то, как они случайно пролили вино в тот день. К сожалению, на обратной стороне упаковки появились три маленьких красных пятна. Одно пятно, как заметил сын её подруги, было похоже на маленькое солнышко. Да, весёлый был день.

Весёлым оказался и этот обычный выходной. Повернув коробочку, мать заметила именно те пятна. И солнышко. Только уже не такое яркое, как в тот день. И коробочка заметно потускнела с тех пор. Какой же, интересно, долгий путь прошла она, чтобы вновь оказаться в её руках. Она даже могла примерно представить эту нелёгкую дорогу с остановками у разных друзей и родственников. Как почтовая посылка, скитающаяся по отделениям, чтобы найти своего адресата. Потом, достигнув цели, она вновь пустится бродить по «улочкам» этого небольшого города. Шкафы всех семей будут рады принять её в свои ряды передаренных после передаривания подарков. Кто знает, возможно, она когда-нибудь сможет действительно осчастливить одного из адресатов. Коробочка, содержащая в себе целых три шоколада: горький, молочный и белый. Как она могла остаться без внимания? Она создана, чтобы освятить одну из комнат своим ароматом. Может, её предназначением является улыбка на лице измученной учительницы, проверяющей тетради в двенадцать часов ночи? А возможно, это все не так, и однажды из-за неё подерутся три маленьких брата, любящие именно молочный шоколад. Или же... Нет, нет, нет. Слишком много вариантов.

Но... Все эти вероятные исходы разбились в пыль о напечатанный на цветном картоне срок годности шоколада. Четыре лишних месяца. Мама перепроверила все сроки упаковок с шоколадными изделиями, держа в руках уже ненужную красивую коробочку. Она не расстроилась, наоборот, улыбнулась и тихо засмеялась.

Ближе к вечеру домой вернулась дочка.

– Мам, мне подружка подарила коробку конфет! Куда мне её положить? – тут же спросила она. Девочка уже давно привыкла, что эти красивые лакомства должны храниться где угодно, но только не на кухне, где легко можно поддаться соблазну и порвать красивую упаковку, чтобы добраться до любимого (а может, и нет) шоколада.

– Доченька, знаешь, можешь открыть её – с улыбкой ответила мама. Не успела девочка что-то ответить, как мама добавила: – Только не забудь проверить срок годности этой коробки конфет.

Гульфия БАЗИЕВА,
с.н.с. сектора этнологии КБИГИ

ПАНОРАМА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Рецензия

В издательстве «Тетраграф» вышла в свет очередная книга Ж. М. Аппаевой «Изобразительное искусство Кабардино-Балкарии» – вторая, заключительная часть, в которой собраны публицистика и научно-популярные статьи, написанные автором на протяжении сорока лет (первая часть «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии» была выпущена в 2006 году). Также нельзя не отметить опубликованное ранее крупномасштабное издание Ж. М. Аппаевой «Монументальная скульптура Кабардино-Балкарии» (Тетраграф, 2015), являющееся единственным исследованием по развитию монументального искусства в республике.

В рецензируемой книге Ж. Аппаева поставила перед собой задачу – «отразить картину развития изобразительного искусства, особенности творчества художников республики объективно, правдиво, учитывая социально-исторические условия жизни общества в эпоху социализма и постсоветский период». Но наряду с данной задачей автор решает и другие, более широкомасштабные проблемы, предоставляя возможность читателю ощутить дух времени не только сквозь призму «чистого» искусства, но и через изучение истории и культуры Кабардино-Балкарии, поиски национальной идентичности и этнического стиля.

Несомненную научную ценность представляют статьи, посвященные созданию краеведческого музея, деятельности музея изобразительных искусств, сохранению этнокультурной идентичности в искусстве депортированных народов, художественному воплощению «Нартиады» в творчестве деятелей искусства КБР и др.

В работе над статьями, посвященными музейному делу, автор широко использует архивные материалы, приводит малоизвестные факты, тщательно описывая процессы его формирования и развития. В частности, Ж. Аппаева критически анализирует деятельность первого директора краеведческого музея М. Ермоленко, прослеживает судьбу «балкарской коллекции» музея, изъятой после

депортации из краеведческого музея, отмечает острые проблемы сохранности бесценной коллекции музея изобразительных искусств из Государственного музейного фонда СССР, а также анализирует кадровую политику в области музейного дела и подготовки профессиональных специалистов – музейщиков, искусствоведов и др. Цикл статей, посвященных данной тематике, объединен в разделе «Ретроспектива искусства».

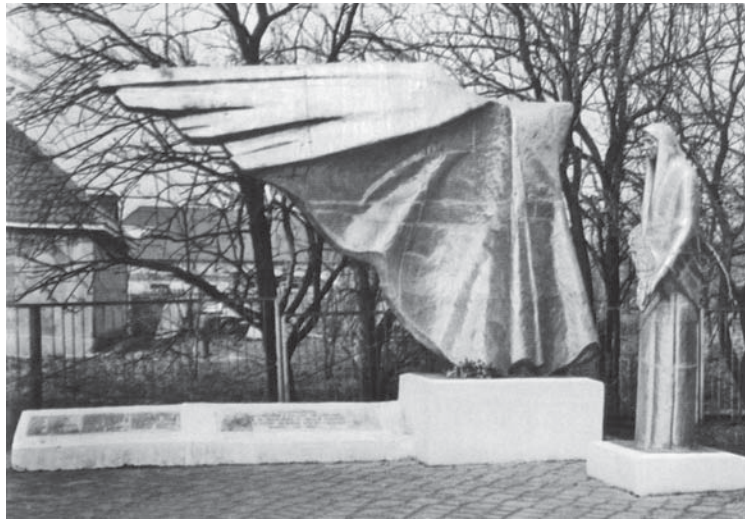
Во втором разделе «Крупным планом», в основном, собраны статьи, посвященные творчеству художников Кабардино-Балкарии. Открывает раздел статья «Поднявшийся над бездной», в которой Ж. Аппаева детально останавливается на творчестве классика монументальной скульптуры Кабардино-Балкарии – заслуженного художника РСФСР, лауреата Государственной премии КБАССР – Х. Б. Крымшамхалова. Автор подчеркивает многосторонность деятельности художника, работавшего во всех видах и жанрах пластического искусства: тематическом, портретном, декоративном, монументальном. Особо отмечен вклад художника в развитие архитектурно-предметной среды городов и сел республики (памятник Кязиму Мечиеву (1960) в с. Бабугент, памятник герою Гражданской войны С.-Х. Калабекову (1962) в с. Булун-

гу, памятник адмиралу А. Головки (1965) в г. Прохладный, монумент «Скорбящий горец» в с. Кенделен (1967) и др.).

Творчество заслуженного художника РСФСР, народного художника КБР, лауреата Государственной премии КБР М. Х. Тхакумашева автор раскры-

вает через скульптурное решение образов выдающихся деятелей культуры республики (Б. Пачев, Б. Куашев, К. Кулиев, Ю. Темирканов, К. Кулиев и др.). В статье «Образ Кайсына Кулиева в творчестве Михаила Тхакумашева» излагается длительный период подготовки к созданию памятника великому балкарскому поэту на проспекте, носящем его имя. Скульптором было сделано множество эскизов к памятнику, которые наряду с возведенным монументом, обладают художественной ценностью. В «Памятнике Кайсыну Кулиеву», по мнению Ж. М. Аппаевой, скульптор подчеркнул лирическое начало, «высокий интеллект стихотворца и мыслителя, предстающего перед нами в момент внутреннего озарения, когда душевный порыв как бы приподнимает его над повседневностью».

В статье «Из поколения победителей» раскрыта общественная и художественная деятельность заслуженного художника КБАССР В. П. Славникова. Особенно велика, по мнению Ж. Аппаевой, заслуга В. Славникова в организации Кабардино-Балкарского отделения Союза художников РСФСР, в открытии Республиканского музея изобразительных искусств и детской художественной школы.

Интересная статья о заслуженном художнике РСФСР А. Е. Глуховцеве посвящена искусству книжной графики. Переехав в 60-е гг. в Кабардино-Балкарию, художник иллюстрировал произведения писателей республики, а также народные сказки. В оформлении героического эпоса «Нарты» (Нальчик, 1962) А. Е. Глуховцев «стремился придать рисункам национальный колорит, используя стилистику кавказских орнаментов, украшавших старинные серебряные изделия».

Кроме того, отмечен вклад А. Е. Глуховцева в художественное оформление книг, изданных в Москве, Краснодаре, Ростове-на-Дону.

Сложность иллюстрирования литературных произведений заключается в том, что книжная графика должна выполнять несколько задач: предварять и сопровождать текст, служить комментарием, выражать дух литературного произведения и др. Эти задачи искусно решили З. Х. Бгажноков и М. Т. Кипов в иллюстрировании романа в стихах А. А. Шогенцукова «Камбот и Ляца», а также «Избранного»

кабардинского поэта (1975). В иллюстрациях к «Витязю в тигровой шкуре» М. Кипов «отразил высокий дух гениальной поэмы», не повторяя «грузинских иллюстраторов этого памятника мировой культуры». В статье «Линия – продолжение души» Ж. М. Аппаева исследует творчество М. Т. Кипова (1942–2001) не только через искусство книжной графики, но и через анализ экспрессивно-выразительных портретных образов, живописных натюрмортов, эмоциональных пейзажей.

Обширные статьи о творчестве известных деятелей искусства Кабардино-Балкарии (Х. Б. Крымшамхалов, М. Х. Тхакумашев, А. Е. Глуховцев, И. Х. Джанкишиев, М. М. Аксиров, М. Т. Кипов, С. И. Катони, И. П. Наседкин, В. Л. Захохов, Л. Х. Бейтуганова, Г. С. Пак, В. Я. Марченко и др.), работающих в различных видах и жанрах изобразительного искусства, содержат детальный искусствоведческий анализ, передают атмосферу того времени, в котором создавались многообразные произведения искусства. В творчестве художников-шестидесятников автор отмечает влияние «сурового стиля», получившего распространение в 60–70-х гг. XX в.; в искусстве современного периода – влияние западных авангардных тенденций.

Издание снабжено богатым иллюстративным материалом, включающим наиболее интересные работы как художников республики, так и русских пейзажистов, посвященные Кавказу (Л. Ф. Лагорио «В горах Кавказа», И. Н. Занковский «Дарьяльское ущелье» и др.).

В разделе «Крупным планом» также опубликованы статьи «Музейное пространство Ольги Медведевой», «Стоял у истоков» (о деятельности ис-

кустоведа В. Шлыкова), «С чистым сердцем» (об одном из первых директоров краеведческого музея Е. М. Додоховой), которые можно было поместить и в первый раздел «Ретроспектива искусства», включающий статьи по развитию музейного дела в Кабардино-Балкарии.

Книга Ж. М. Аппаевой «Изобразительное искусство Кабардино-Балкарии» воссоздает панораму культурной жизни республики, начиная с 20–30-х гг. прошлого столетия по сегодняшний день. Содержательный краеведческий материал издания будет интересен широкому кругу читателей.

В номере:

Асият Кармова. Неприкаянное эхо. <i>Очерк</i>	2
Петр Хатуев. Мгновеньем каждым наслаждаясь... <i>Стихи</i>	5
Али Байзулла. Черная корова. Белое облачко. <i>Рассказы</i> (перевод Х. Джуртубаева)	15
Джамбулат Кошубаев. <i>Стихи</i>	35
Амир Макоев. Серебряный брегет. Буйволиная тропа. Затерявшийся. Исчадие. <i>Рассказы</i>	39
Александра Гиренко. <i>Стихи</i>	60
Александр Нехаев. Случайный гость. <i>Рассказ</i>	66
Асланбек Бекулов. Взгляд из города-сада. <i>Рассказ</i>	76
Наталья Шинкарева. Чернильные пальцы. <i>Гл. из повести</i>	88
Юрий Тхагазитов. К эстетической полифункциональности и полиморфизму поэтического текста. Али Шогенцуков: «Кызбурун». <i>Статья</i>	100
Инна Кажарова. Идеологическая семантика поэзии Али Шогенцукова 20–30-х годов. <i>Статья</i>	107
Аскер Додуев. Вечные странники. <i>Интервью</i>	117
Сакинат Абаева. Наставник: слово о Дауут-Хаджи Шаваеве. <i>Статья</i> .	138
Алим Балкаров. Из истории кабардинского театра. <i>Очерк</i>	142
Адам Гутов. Апология гуманитаристики. <i>Статья</i>	151
Георгий Крапивин. Робер Брессон и Андрей Тарковский. <i>Статья</i>	168
Айза Кучмезова. Гитара. Коробка конфет. <i>Рассказы</i>	179
Гульфия Базиева. Панорама культурной жизни Кабардино-Балкарии. <i>Рецензия</i>	185

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии А. Елканова
и архивные фотоматериалы*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 02.11.2020. Подписано к печати 03.12.2020.
Выход в свет 30.12.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 740 экз. Заказ № 2616. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» —

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.
Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП
«Почта России» — 35,03 руб., за 6 месяцев — 105,09 руб.,
за год — 210,18 руб.

В розницу — цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

